

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2
2019

МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Ридэль И. П.* (Москва). Между Римом и Прагой. Ян Пришбрам – католический гусит и гуситский католик..... 3
- Таирова-Яковлева Т. Г.* (Санкт-Петербург). К вопросу о структуре и источниковой базе Летописи Самойла Величко 11
- Лескинен М. В.* (Москва). Материальные воплощения и образы «русской национальности» в выставочных экспозициях второй половины XIX века: ожидаемое, действительное, идеальное..... 25
- Пак Н. В.* (Санкт-Петербург). К вопросу об источнике сравнения «якоже неции от хитрых норещ...» из Похвального слова Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета 42
- Саенко М. Н.* (Москва). Судьба гетероклитических основ в праславянском языке 55
- Ананьева Н. Е.* (Москва). Вторичные функции названий фруктов, овощей, ягод и грибов в польском и русском языках..... 69

* * *

К 90-летию Валентина Лаврентьевича Янина

- Петрухин В. Я.* (Москва). К происхождению новгородского Гостомысла 78
- Флоря Б. Н.* (Москва). Отношения католиков и православных в Восточной Европе в историческом труде И. Л. Деция..... 84
- Турилов А. А.* (Москва). К истории «Повести о новгородской ропате» – младшая фольклорная (Погодинская или «Фарлукова») редакция сюжета..... 89
- Беляев Л. А., Вах К. А.* (Москва). Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация)..... 94

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Эккерт Р.* (Берлин). Драгоценное письмо..... 100

РЕЦЕНЗИИ

- Керов В. В.* И. В. Поздеева. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века (Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования [43]) 103
- Попович Р. Й.* К. В. Никифоров. «Начертаније» Илије Гарашанина и спољашња политика Србије 1842–1853..... 106
- Косик В. И.* М. А. Бирман. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество 111
- Белова О. В.* Ю. Буйских. «Колись русалки по землі ходили...». Жіночі образи української міфології 115

<i>Колосова В.В.</i> М. Kujawska, Ł. Łuczaj, J. Sosnowska, P. Klepacki. Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludowych. Słownik Adama Fischera.....	121
<i>Гаврюшина Л.К.</i> С.Т.В. Таранец. Подолье. Традиционная культура и повседневная жизнь русских старообрядцев в XX – начале XXI века.....	124
<i>Якушкина Е.И.</i> Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Зборник научних радова.....	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Коченова И.В.</i> Конференция «Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции».....	131
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

МЕЖДУ РИМОМ И ПРАГОЙ.
ЯН ПРШИБРАМ – КАТОЛИЧЕСКИЙ ГУСИТ
И ГУСИТСКИЙ КАТОЛИК

© 2019 г. И.П. Ридэль

Аспирант Института славяноведения РАН

E-mail: gask-konfer@ya.ru

Статья посвящена жизни и взглядам одного из выдающихся деятелей гуситского движения 1420–1440-х годов магистра Яна из Пршибрама. Он занял уникальную компромиссную позицию между папским Римом и чашниками. Долгое время Пршибрам был формальным главой утраквистской Церкви и стал одним из авторов её основополагающего документа, Пражских (Базельских) компактатов, однако достичь всеобщего согласия ему не удалось. В статье подробно освещены религиозные и общественные взгляды реформатора. Анализируется значение его личности для истории утраквизма и Чешского государства.

The article is devoted to the life and views a prominent figure in the Hussite movement of the 1420s–1440s – master Jan from Přebram. He took a unique compromise position between papal Rome and the Hussites. For a long time, Přebram was the formal head of the Utraquist Church and became one of the authors of its founding document, the Basel Compacts, yet he didn't succeed in reaching a universal agreement. The article thoroughly considers the religious and social views of the reformer. The value of his personality for the Utraquism history and the Czech statehood is also analysed.

Ключевые слова: Ян Пршибрам, Чехия, XV век, гуситы, утраквизм, Базельские (Пражские) компактаты, Пражский университет, религиозная полемика и дипломатия.

Keywords: Jan from Přebram, Bohemia, fifteenth century, Hussites, Utraquism, Basel (Prague) Compacts, University of Prague, religious polemics and diplomacy.

DOI: 10.31857/S0869544X0004195-7

Гуситское реформационное движение XV в. вобрало в себя множество совершенно не похожих друг на друга личностей и судеб. В мировоззрении людей, считавших себя последователями Яна Гуса, традиционно объединяемых привычным для нас термином «гуситы», сосуществовали позиции, кардинально отличные друг от друга, вплоть до прямо противоположных. Причиной подобных противоречий являлось, в первую очередь, различие в степени радикализма, поэтому перед современной исторической наукой даже стоит принципиальный вопрос о правомерности самого термина «гусит» [1. С. 41–46].

Самые радикальные представители чешской реформации (пикарты) с точки зрения умеренных гуситов (пражан) однозначно являлись еретиками. Более умеренные радикалы (табориты и сиротки) придерживались схожих с Прагой вероучительных установок и были готовы к конструктивному диалогу с ней, поэтому умеренные гуситы признавали их братьями по вере. Впрочем, это не мешало пражанам на постоянной основе обвинять их в разного рода ересях, да и сами табориты не отказывали себе в удовольствии при любом удобном случае обвинить Прагу в соглашательстве с римским папой, отказе от борьбы за евангельские истины и идеалы Яна Гуса.

В этой ситуации особняком стоит фигура пражского магистра Яна из Пршибрама, одного из выдающихся деятелей чешской реформации XV в. Он не примкнул ни к пражанам, ни к таборитам, ни к лагерю католиков, в чем первые две группы его обвиняли, но занял свою, совершенно особую, позицию между Римом и Прагой.

О детстве и юности Яна Пршибрама известно мало. Родился он в конце 1380-х годов в городке Пршибрам неподалеку от Праги (от которого и получил свое прозвище). Источники упоминают его имя в числе представителей Пражского университета, выразивших в июле 1412 г. протест против указа Вацлава IV, запрещавшего студенческие собрания и осуждавшего отдельные богословские идеи английского теолога Джона Виклифа [2. S. 134]. Пршибрам был искренним сторонником Яна Гуса и стал магистром Пражского университета в 1413 г., в самый разгар борьбы Гуса против римского папы Иоанна XXIII (антипапа). После казни Гуса в Констанце 6 июля 1415 г. Пршибрам присоединился к сторонникам причащения мирян под двумя видами (хлебом и вином) и стал одним из самых принципиальных защитников этой практики. При этом, столкнувшись с реалиями гуситских войн и небывалым масштабом религиозного брожения умов, он занял наиболее умеренную и дипломатичную позицию среди гуситов.

Пршибрам возглавлял гуситскую делегацию на Базельском соборе Католической церкви, принимал активное участие в переговорах с католиками, в результате которых в 1433 г. были приняты Базельские (Пражские) компактаты, по которым Католическая церковь признавала на территории Чешского королевства причащение мирян под двумя видами [3. S. 127]. Принятие компактатов, по сути, означало окончание гуситских войн, потому что лишало смысла крестовые походы против умеренных гуситов, согласившихся их принять.

Характерна при этом личная позиция Пршибрама относительно Базельского собора, выраженная им в 1437 г. на одном из заседаний последнего: «Собор — это законно собранная Церковь, царица, учительница, мать и судия», поэтому власть собора «превыше королей, князей и римских пап (*supra reges et principes et supra papam*)» [3. S. 661] (здесь и далее курсив мой. — *И.Р.*). Парадоксальным является тот факт, что это его утверждение почти дословно совпадает с текстом постановления Констанцкого собора, решений которого Пршибрам, конечно, не мог признавать. Он верил, что собор выражает волю всей Церкви и является верховным органом ее управления, но при этом отвергал Констанцкий собор 1415 г., отправивший на казнь Яна Гуса вместе с Иеронимом Пражским и объявивший ересью гуситскую практику причащения мирян под двумя видами. Сложно сейчас однозначно ответить на вопрос, как эти два взаимоисключающих тезиса сосуществовали в головах богослова и его сторонников, но тот факт, что компактаты чашникам выдал не папа римский, а «вселенский» собор, стал впоследствии одним из сильнейших аргументов в пользу их легитимности, не смотря на папские запреты.

В 1437 г. в рамках подготовки к Горскому собору утраквистов Ян Пршибрам составил программу религиозной реформы в стране, состоявшую из 20 пунктов. Программа ставила целью достигнуть «мира, единства и любви между сторонами, чтоб народ разделенный вновь соединить *в один народ* (in unum populum) в единстве мира и благочестия» [3. S. 681–682]. Главный пункт программы содержал признание католиками утраквизма в качестве «спасительной правды Христовой» и прекращение любого (явного или тайного) обвинения в ереси за приверженность гуситскому причащению. Этот факт свидетельствует в пользу того, что компактаты, хотя и были признаны в 1433 г. на уровне «вселенского» Базельского собора, на практике часто не выполнялись даже в Праге. Одним из пунктов программы Пршибрама являлась также необходимость для гуситской Церкви определиться с тем, кого она признает истинным римским папой¹, и принять от него «канонически избранного епископа» [3. S. 683]. Существенное значение для Пршибрама при этом имел принцип избрания нового епископа чешским духовенством и народом, в соответствии с прежними правилами. Он (как и большинство гуситов) категорически отказывался признавать епископом назначенного Базельским собором Микулаша из Йиндржихова именно в силу «назначенности» последнего.

Пражская католическая капитула отреагировала на программу Пршибрама строго в соответствии с компактатами. Пражские католики заявили, что приверженность утраквизму или его отрицание – личный выбор каждого чеха, поэтому католические священники не имеют права ему препятствовать и обязаны причащать утраквистов в той форме, которую те считают приемлемой для себя. Однако является ли утраквистское причащение спасительным не только для (указанных в компактатах) чехов, но и для всех католиков, капитула умолчала [3. S. 685]. Столь локальное признание утраквизма не устроило Пршибрама, считавшего, что принцип равноправия причащения мирян под одним и под двумя видами, изложенный в компактатах, касается не только Чешского королевства, но и всего католического мира.

В 1437 г. на Горском соборе чашников, организованном Яном Рокицаной², встретились все направления утраквизма: от консервативного Пршибрама до радикальных таборитов. Собор избрал Рокицану лидером всех чашников и поддержал его программу, ориентированную на Церковь первых времен христианства (ecclesia primitiva – изначальная Церковь), как на образец церковного устройства. Однако, несмотря на это, членам собора не удалось создать условий для реального компромисса между чашниками, наоборот, некоторые принципиальные богословские и богослужебные различия проявились с новой силой [3. S. 769, 855]. В первую очередь, это касалось учения о евхаристии, которую табориты и пражане понимали абсолютно по-разному (подробнее об этом далее). И хотя последовавший затем Пражский собор умеренных гуситов полностью одобрил ортодоксальное понимание евхаристии, свойственное Рокицане и Пршибраму, неудача Горского собора в вопросе преодоления вероучительных различий привела к тому, что консервативная часть пражан отстранила Рокицану от должности

¹ В это время Католическая церковь вновь оказалась в состоянии глубокого кризиса, поскольку папа римский Евгений IV не признал решений Базельского собора и объявил о его роспуске. Собор, в свою очередь, этот указ не признал и после долгих раздумий в 1439 г. в соответствии с тезисом «собор превыше папы» объявил Евгения низложенным, а на его место избрал понтификом Мартина V.

² Ян Рокицана (1396–1471) – лидер умеренных гуситов, еще в 1435 г. избранный утраквистами на должность Пражского архиепископа, но не признанный ни римским папой, ни Базельским собором. С 1435 по 1437 г. и с 1448 по 1471 г. – администратор Пражского архиепископства.

администратора Пражского архиепископства³ за слишком опасные с их точки зрения попытки компромисса с радикалами. А через два года, в 1439 г., администратором Пражского архиепископства был избран магистр Ян из Пршибрама.

Избранию Пршибрама способствовала его промежуточная позиция в переговорах с Римом и Базелем. Большинство гуситов считали, что компактаты — это полумера, первый шаг на пути к радикальной реформе католической Церкви. В отличие от большинства, Пршибрам воспринимал причащение мирян из чаши как сущность и смысл гуситского движения, все остальное считая дополнительным. Исходя из этого, он утверждал, что компактатов совершенно достаточно для воссоединения Праги с Римом, и даже сам Ян Гус не стал бы требовать больших реформ. При этом он был убежден, что причащение мирян под двумя видами должно быть признано для всей католической Церкви, а не только для Чешского королевства.

Оказавшись в результате своего избрания меж двух огней, Пршибрам, однако, не смог стать популярным среди пражан, и через девять лет, когда Прагу заняли войска будущего «гуситского короля» Иржи из Подебрад, Ян Рокицана вновь вступил в должность администратора Пражского архиепископства.

С Рокицаной у Пршибрама были сложные отношения. С одной стороны, он постоянно дискутировал с ним и даже написал трактат с говорящим названием «Против Рокицаны». Но, в то же время, он считал своего оппонента компромиссной фигурой, единственным кандидатом на пост архиепископа Праги, которого могут поддержать не только все группы гуситов, но и чешские католики. Начиная с совместной работы в рамках гуситской делегации на Базельском соборе, Пршибрам и Рокицана часто сотрудничали друг с другом в решении наиболее актуальных проблем насущной жизни утраквистской Церкви. Пршибрам верил и надеялся, что Рим действительно заинтересован в компактатах и согласится на кандидатуру Рокицаны как «гуситского архиепископа», но время показало, что он ошибался.

После прихода к власти в 1448 г. Иржи из Подебрад и повторного избрания Рокицаны администратором Пражского архиепископства, Ян Пршибрам отошел на второй план исторических событий и вскоре умирает, так и оставшись при своем убеждении, что Риму нельзя обойтись без утраквизма, а утраквизму — без Рима.

От Яна Пршибрама до нас дошло (помимо упомянутого выше трактата «Против Рокицаны») несколько других полемических сочинений: «О послушании папе и его Церкви», «О великих страданиях святой Церкви и каждой верной души», а также «Жизнь таборитских священников». Последнее из них представляет для нас наибольший интерес, поскольку в нем, в рамках полемики с радикальными гуситами, отражаются наиболее распространенные среди них религиозные учения и одновременно с этим четко представлена характерная позиция самого Пршибрама, который эти учения критикует.

В трактате «Жизнь таборитских священников» Пршибрам предстает перед читателем как один из самых образованных людей своего времени, его рассуждения базируются на строгой логике, он сознательно отстраняется от эмоций и различного рода абстракций. Главной целью этого трактата, с точки зрения Пршибрама, является обоснованное оправдание умеренных гуситов, обвиняемых в ереси без вины, и через это исправление всех «заблудших»: «[Мы,] верные чехи, любящие

³ Несмотря на принятие компактатов, римские папы отказывались поставить в Прагу архиепископа, поэтому после смерти в 1431 г. Конрада из Вехты (Пражского архиепископа, принявшего утраквизм) и до 1561 г. (когда император Фердинанд I принял решение восстановить католическую кафедру в Праге) функции архиепископа в Чешском королевстве выполнял выборный администратор Пражского архиепископства.

чешский народ», не можем терпеть унижение «сирой земли чешской», жаждем полного «исправления всей святой Церкви и всех верных чехов» [4. S. 409–411].

Словосочетание «верный чех» в мировоззрении гуситов имело важнейшее значение, и Ян Пршибрам не стал исключением из этого правила. Однако, в отличие от большинства, он не делал акцент на национальном аспекте этого наименования. «Верный чех» для него — это верный христианин чешской нации, такими же «верными» могут быть и немцы, и французы, и англичане, и все остальные народы. Популярная поговорка — «Ни один чех не может быть еретиком» — для Пршибрама не имеет смысла, иначе зачем ему дискутировать с чехами-таборитами⁴? «Верным», а значит, и избранным Богом, (для него) является тот, кто исполняет заповеди Бога и «святой Церкви», изложенные в Священном Писании, учении святых отцов и постановлениях «истинных» соборов католической Церкви. Если какой-либо чех идет в разрез с этими заповедями и постановлениями Церкви, то он перестает быть верным и становится еретиком, равно как и представитель любой другой нации.

Пршибрам написал трактат с целью отделить радикалов от «истинных христиан». Истинные христиане (по его мнению) с одной стороны должны признавать над собой власть римского папы, а с другой — что причащение мирян под двумя видами — важное условие спасения, указанное в Священном Писании⁵. Он соединил католическую и утраквистскую позиции, считая, что избрание только одной из них приводит к неполноте христианства и умножению заблуждений. По его мнению, табориты-радикалы, когда вводят в Церковь новые обряды и обычаи, тем самым унижают «великое христианство по всему свету от апостолов и доньше» [4. S. 412]. Этим они как бы заявляют, что вся полуторатысячелетняя жизнь Церкви ничего не значит, и каждый сам в праве решать, как служить Богу, во что верить и как молиться, основываясь лишь на собственном понимании текстов Писания.

Критический богословский метод Пршибрама крайне рационален и последователен. Он понимал, что отцы Церкви не являются авторитетами для таборитов, и поэтому сравнивал практики таборитов и отдельные аспекты их учения не столько с тем, что писали отцы Церкви, сколько с тем, что писали Ян Гус и Джон Виклиф, которых сами радикалы называли «отцами и учителями». Такого рода метод ясно показывал читателю, что радикалы зашли в своих новациях гораздо дальше своих «учителей».

«Боюсь, как бы они, желая быть мудрейшими, не были глупейшими, желая быть самыми святыми — не были бы самыми проклятыми, желая быть самыми верными — не были бы самыми заблудшими» — писал Пршибрам о таборитах [4. S. 420]. Сравнивая их учение о святых и Деве Марии с тем, что писали Виклиф и Гус, он приходит к заключению, что те не выходили за рамки общецерковной нормы, в то время как их «последователи» отвергли учение Церкви, и тем самым отошли и от учения своих «отцов». По его мнению, «еретики грешат больше, чем величайшие разбойники и злодеи», поскольку, отказываясь от почитания Девы Марии и святых, «унижают Закон Божий», основу бытия мироздания и человечества. Считаю

⁴ Эта поговорка стала одним из основополагающих принципов в идеологии Иеронима Пражского и Яна Гуса. Именно он послужил тому, что сожжение Гуса в Констанце было воспринято чехами, как обвинение всей нации в ереси: «Чех не может быть еретиком», «Ян Гус — чех», «Ян Гус — не еретик». Подобного рода силлогизмы играли в мировоззрении простых гуситов значительную роль. Об этом подробнее см. [5. S. 42]

⁵ *«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин 6:53–54)*

католическое почитание святых идола служением, они, тем самым, осуждают «и своего Виклифа вместе с Яном Гусом и всеми [когда-либо жившими] верными чехами» [4. S. 412]. Табориты называют еретиком всякого, кто почитает святых, но Виклиф и Гус почитали святых, как же они могут быть учителями таборитов?

Затем Пршибрам коснулся самой болезненной точки в противостоянии католицизма и виклифизма: учения о реманенции⁶. Среди гуситов не было единого мнения в вопросе понимания евхаристии: часть из них (в основном, пражане и их умеренные сторонники) придерживалась католического понимания, а часть (в том числе, табориты) предпочитали учение Виклифа. Они, также как он в книге «О Теле Божиим», заявляли, что хлеб и вино в Причастии являются Телом и Кровью Христа лишь символически. Такая позиция таборитов кажется логичной: они называют Виклифа своим отцом, следовательно, должны придерживаться его вероучения. Однако Пршибрам и здесь нашел причину для рациональной критики радикалов. Он писал, что Гус и пражские магистры в 1409 г., когда сам Пршибрам был еще студентом Пражского университета, осудили учение Виклифа о причащении и запретили кому-либо, не имеющему степени магистра, под страхом исключения из «университетской нации» читать его труды, посвященные этой теме: «Диалог», «Триалог» и «О Теле Божиим» [4. S. 428]. Да и сам Виклиф, после того как церковный собор осудил его учение о евхаристии, покался и, признав, что «часто заблуждался», отрекся от всего в своем богословии, что «противоречит Священному Писанию». Пршибрам даже приписал ему следующие слова: «Признаю, что долгое время был обольщен лжеучением о Теле Божиим» [4. S. 427–428]. Таким образом, если верить приводимым Пршибрамом фактам, в понимании евхаристии табориты расходились как с Гусом, так и с Виклифом.

Стоит отметить, что Пршибрам далеко не ограничивался книжным, сугубо «кабинетным» обличением заблуждений таборитов. На Горском синоде утраквистов, призванном объединить их усилия в борьбе с папским Римом и растущей в стране анархией, Пршибрам публично обвинял таборитов в том, что они сделали Виклифа «пятым апостолом», евангельский доктор (*doctore evangelicus*)⁷ стал для них выше «святых докторов богословия» Августина и Амвросия [3. S. 825]. При этом Пршибрам считал, что Виклиф для таборитов — лишь прикрытие, и на самом деле учение таборитов противоречит богословским идеям английского реформатора.

Наиболее ярко такого рода противоречие заметно в отношении к папской власти. В отдельных трудах Виклиф писал, что папская власть важнее светской, как душа важнее тела, и что римского папу надо слушать как апостола Петра [4. S. 422]. Университетский интеллектual Пршибрам предположил, что малограмотные табориты просто не читали этих трудов, написанных на латыни, поэтому превозносили Виклифа и одновременно с этим считали римского папу Антихристом. Радикалы боролись с каждым, кто смел назвать Виклифа еретиком, но при этом они сами называли еретиками тех, кто (как Виклиф) почитали святых, Деву Марию и уважали римского понтифика, и (как Гус) верили в реальное присутствие Христа в евхаристии. Из совокупности этих фактов Пршибрам сделал логичный вывод: *табориты слушают и Виклифа, и Гуса только тогда, когда их богословие созвучно с таборитским, и замалчивают то, что противоречит их собственным взглядам* [4. S. 426]. Таким образом, «таборитский Гус» и «таборитский Виклиф»

⁶ Реманенция (от лат. «сохранение») — учение английского богослова XIV в. Джона Виклифа (затем распространенное среди протестантских Церквей), о том, что в таинстве евхаристии во время причащения, хлеб и вино остаются хлебом и вином и лишь символически напоминают о Теле и Крови Христа.

⁷ Так называли Виклифа в богословской среде.

это некие коллективные мифологемы, имеющие со своими первоисточниками лишь весьма условную связь. Пршибрам как интеллеktуал и богослов аргументированно (на основе цитат из работ Гуса, Виклифа и своих личных воспоминаний о борьбе Гуса против папского произвола) доказывал, что вероучение Табора — нечто совершенно отличное от богословия как Гуса, так и Виклифа.

Доказав, что с богословием Гуса и Виклифа таборитство имеет мало общего, Пршибрам обратился к цитатам святых отцов католицизма. «Кому Церковь — не мать, тому Бог — не Отец» — ссылается он на святого Киприана Карфагенского, жившего в III в., и делал из этого утверждения совершенно естественные для католика, но парадоксальные для гусита, выводы: если табориты не почитают «столицу святого Петра, на которой основана Церковь Христова», как они вообще могут считать себя Церковью [4. S. 426]? В этой части трактата он рассуждал как истинный католик, сторонник папского примата, ссылаясь не только на отцов Церкви, но и на схоластические авторитеты. Однако столь «католический» подход, выращенный (как это ни парадоксально) именно Пражским университетом и, в частности, магистром Яном Гусом, несколько не помешал Пршибраму до конца своих дней оставаться верным приверженцем утраквизма.

Трактат «Жизнь таборитских священников» заканчивается напоминанием о том, что на соборе в Констанце даже Гус отрекся от «лжеучений» Виклифа, заявив обвинителям: «Что вы меня вините Виклифом? Что мне до него? Он — не чех и не отец мой, он — англичанин, поэтому писал ли он ересь, пусть вам отвечают англичане». Пршибрам писал, что, даже находясь в Праге среди сторонников, Гус говорил, что не считает Виклифа святым: «Если Виклиф на небесах, пусть молится за нас, если он — в чистилище, помоги ему, Бог. Если он в аду — слава Богу за все!». Образ Гуса дал Пршибраму возможность завершить труд следующим призывом, обращенным ко всем гуситам: «Давайте и мы, чехи, скажем (как Гус): что нам до Виклифа? Он — ни чех, ни отец наш, поэтому мы не хотим почитать его ни за апостола, ни за евангелиста [...] Не хотим слыть “виклифами”, чтобы не взять на себя его заблуждений и не противостать Богу и всему христианству» [4. S. 429].

И тут в пору задаться вопросом: а что же такое «все христианство» в понимании Яна из Пршибрама? Кажется, что этим наименованием пражский магистр пытался охватить всех, кто основывает свою жизнь на Писании и Предании Церкви (решениях соборов и учении отцов). То есть он говорил не о католической Церкви, как она есть, а о Церкви в преломлении учения Яна Гуса. Поэтому ее границы заметно расширились: Церковь — это не только Рим, но и всякое сообщество людей, придерживающееся Священного Писания и учения отцов. В первую очередь, это относится к Православной церкви: «Греческая церковь — непосредственная дочь и ученица апостолов; учительница Церкви римской» [3. S. 598]. Однако, совершенно непонятно, как эти слова Пршибрама соотносятся с вышеупомянутым его аргументом против таборитов, что в истинную Церковь можно войти, лишь подчиняясь Риму.

Таким образом, мы видим, что в мировосприятии Яна Пршибрама присутствуют некоторые взаимоисключающие позиции: признание Православной церкви и при этом отрицание спасения вне папского Рима; почитание вселенских соборов и при этом отрицание собора в Констанце. Это показывает, что позиция богослова обладает чертами незавершенности, непоследовательности. Возможно, именно эта логическая незавершенность послужила одной из главных причин того, что, формально являясь главой всех утраквистов в королевстве (с 1439 по 1448 г.), Пршибрам не смог стать реальным вождем гуситского движения и был вынужден уступить более радикальному, но и более последовательному Яну Рокицане.

В мировоззрении магистра Яна из Пршибрама причудливо сплелись католическое миропонимание и авторитет гуситства. Он был, фактически, единственным гуситом, которому было достаточно Базельских компактатов, и единственным католиком, принципиально придерживавшимся причащения мирян под двумя видами: самым гуситским католиком и самым католическим гуситом. Компромисс между католицизмом и утраквизмом, который искали многие его современники, нашел полное воплощение в личности Пршибрама, но не смог получить широкого распространения из-за принципиальных различий в мировосприятии конфликтующих сторон. Католики воспринимали компактаты как временную уступку, а гуситы – как первую из необходимых. Компактаты не решали всего множества накопившихся противоречий, а, стало быть, вели в тупик. Это и послужило в итоге причиной отмены Базельских соглашений римским папой Пием II в 1462 г.

Но, несмотря на неудачу компактатов и доказанную в ходе последующих исторических событий невозможность (на данном этапе) компромисса между гуситством и католичеством, мировоззрение Яна Пршибрама представляет для исследователя эпохи гуситских войн чрезвычайный интерес. Благодаря уникальности, оно позволяет лучше понять его эпоху, увидеть, насколько непохожими были люди, считавшие себя учениками Яна Гуса, и насколько различались их позиции по отношению к Католической церкви. Ян из Пршибрама явил собой яркий пример человека, ориентировавшегося не на правила «своей партии» или сиюминутную выгоду, а на те принципы, которые он считал верными, даже если это делало его чужим для всех остальных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Macek J. Víra a zbožnost jagellonského věku.* Praha, 2001.
2. *Šmahel F. Jeroným Pražský.* Praha; 1966.
3. *Urbanek R. České dějiny.* Praha, 1915. Díl III. Čast 1. Věk podebradský.
4. *Přibram J. Život kněží Tábořských // Výbor z literatury české.* Praha, 1868. Díl druhý. Od počátku XV až do konce XVI století.
5. *Šmahel F. Idea národa v husitských Čechach.* České Budějovice, 1971.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЕ ЛЕТОПИСИ САМОЙЛА ВЕЛИЧКО

© 2019 г. Т.Г. Таирова-Яковлева

*Д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского университета
E-mail: tairovayak@mail.ru*

В статье проводится текстологический анализ известной казацкой летописи Самойла Величко, включая оригинал и единственную сохранившуюся копию. Уточняется структура летописи, доказывается, что она начиналась с описания Хотинской войны П. Сагайдачного, а не с восстания Б. Хмельницкого, как традиционно считалось. Высказываются наблюдения над источниковой базой летописи, а также вводится в научный оборот ее начало, считавшееся утраченным.

The article provides a textological analysis of the famous Cossack Chronicle of Samoylo Velichko, including its original and the only remaining copy. The structure of the chronicle is clarified, it is proved that it began with the description of the Khotyn war of P. Sahaidachny, and not with the Khmelnytsky uprising, as it was traditionally considered. The article contains a study of the sources of the chronicle, and also the beginning of the chronicle, which was believed to be lost, is introduced.

Ключевые слова: летопись С. Величко, казацкие хроники, история, Украина, текстологический анализ.

Keywords: Chronicle of Samoilo Velychko, Cossack chronicles, history, Ukraine, textological analysis.

DOI: 10.31857/S0869544X0004196-8

Летопись Самойла Величко, безусловно, принадлежит к числу наиболее известных и значимых из так называемых казацких летописей, созданных на Украине в конце XVII – начале XVIII в. Автором этой летописи был войсковой канцелярист эпохи И. Мазепы, который не только излагал события, используя различные источники, включая материалы генеральной канцелярии, но и стремился создать собственную концепцию истории «козако-русского народа».

В отличие от других казацких летописцев, известных в многочисленных копиях, до наших дней сохранился оригинал и только один список работы Величко. Между тем, имеются десятки копий, например, летописи Самовидца и Г. Грабянки. Известный историк и собиратель древностей М.П. Погодин приобрел оригинал летописи Величко в Киеве, а затем передал в Археографическую комиссию, которая и издала ее в 1848–1864 гг. Ныне оригинал хранится в отделе рукописей РНБ в Санкт-Петербурге. Единственный сохранившийся

список находится в Институте рукописей Национальной библиотеки им. Вернадского в Киеве.

Несмотря на то, что летопись становилась объектом исследований многих известных историков, включая В.С. Иконникова, Н. Петровского, Я. Дзири, Б.Н. Флори и др., до сих пор остаются открытыми основополагающие вопросы — структура летописи и источниковая база, которой пользовался Величко.

Ложное представление о структуре летописи, укоренившееся в историографии, вызвано, на мой взгляд, ошибками первых издателей летописи. Они опубликовали произведение Величко в четырех томах, поместив в первый ту часть летописи, которая рассказывает о восстании Б. Хмельницкого, а во втором и третьем томах — описание событий времен Руины и вплоть до 1700 г. Повествование, с которого собственно начинается летопись (описание событий эпохи гетмана П. Сагайдачного и ранних казацких восстаний), было размещено издателями в первом и четвертом томах только в виде приложения.

Украинская академия наук переиздала первый том летописи в 1926 г. тоже начав с восстания Б. Хмельницкого. В 1991 г. летопись была издана в переводе на украинский язык, но автор перевода В. Шевчук опирался не на оригинал, а на первые издания летописи. Он тоже опустил начальную часть и свою публикацию начал с Б. Хмельницкого.

При этом первые издатели рукописи высказали ничем не подтвержденное предположение, что «Летописи Величка, в том виде, как она сохранилась, представлял рассказ о древнейших происшествиях; может быть в виде сборника материалов, как и весь отдел, обнимающий время до Хмельницкого» [1. С. IV]. Видимо, авторы предисловия к первой публикации летописи, руководствовались логикой произведения Г. Грабянки, содержащего обширную «предысторию». Но напомним, что другая казацкая летопись, Самовидца, начинается именно с восстания Хмельницкого, без всяких «предысторий». При этом сами издатели Величко отмечали, что в оригинале летописи не хватало лишь «5 листов (10 стр.) как видно из общей нумерации их; рукопись начинается продолжением дневника Матфея Титлевского» [1. С. I]. Учитывая, что события Хотинской войны занимают у Величко 25 листов, то явно, что на недостающих пяти никак не могла втиснуться «древнейшая история».

Несмотря на такое очевидное противоречие, Шевчук повторил высказанное в XIX в. предположение, что «рукопис починався з продовження записок М. Титлевського». И далее: «Власне, Літопис С. Величка починається все-таки з повстання Б. Хмельницького: раніший текст — тільки матеріали до написання» [2. С. 13].

Не была изучена структура и исследователями летописи. В 1926 г. издатели ограничились констатацией, что «кк. 6–25 нинішнього рукопису займає переклад історії польсько-козацької війни р.р. 1620–21» [3. С. VII]. П.Г. Клепацкий отмечал, что дневник Оскольского (о событиях восстания 1638 г.) приведен Величко «з додатками з козацького літопису», но про Титлевского писал только, что тот в оригинале сохранился без начала [4. С. 37, 39].

Как ни странно, крупнейший советский исследователь казацких летописей Я. Дзиря тоже не раскрыл структуру летописи. Он писал: «Твір складається з трьох частин: перша — “Сказаніє о войнікозацької з поляками”, вторая и третья “Повествование летописное о...”». Окремо виділені додатки та уривки різних документів, переважно XVIIст» [5. С. 198].

Современный украинский историк А. Бовгиря пошел дальше всех исследователей структуры. Он пишет: «Самійло Величко, розпочинаючи перший том свого твору, присвячений Визвольній війні, вирішив ознайомити читача

з подіями, що їй передували. Однак він відмовився від написання власної їх візії, а довірився інформації, яку містять інші історичні наративи XVII ст. Таким чином літопис розпочинається текстом щоденника Матвія Титловського про Хотинську війну 1620 р.» [6. С. 22].

Такое невнимание к структуре летописи, которая должна позволить судить о замысле автора, на мой взгляд, отчасти объясняется увлечением эпохой Б. Хмельницкого и практическим отсутствием, вплоть до последнего времени, серьезных исследований более ранней эпохи. Поэтому существует большая полемика о «дневнике Самуила Зорки», который Величко назвал в качестве своего источника по эпохе Б. Хмельницкого, дискуссия о «белоцерковском универсале» Б. Хмельницкого и т.д.

Собственно этими точечными дискуссиями исследование «первого тома» Величко (т.е. войны Хмельницкого) историки и ограничивались. До сих пор доминирует убеждение, что это просто перевод Твардовского. Впервые именно так высказались авторы первого издания Величко, заявив, что Твардовский был единственным источником Величко по эпохе Б. Хмельницкого [7. С. VI]. Только В. Петрикевич, проводивший сравнение летописи с поэмой Твардовского, писал «що се не переклад *Woyni Domowoi*, а компіляція» нескольких источников [8. С. 10]. Но попыток сравнить тексты никем из историков не предпринимались, а соответственно не было возможности текстологически выделить свидетельства Величко, взятые из какого-то иного источника.

Между тем, интересуясь отдельными эпизодами восстания Б. Хмельницкого, я провела сравнение соответствующих сюжетов у Величко и Твардовского, к огромному своему удивлению найдя не просто расхождения, но и вообще мало общего. Не говоря уже о всем тоне, из «пропольского» переделанного в «проказацкий». Поэтому, следует согласиться с мнением американского историка Ф. Сысына, что Величко писал свою летопись «як відповідь польському поетові» [9. С. 454].

Не имея пока возможности провести сравнение всего тома, мне представилось интересным сделать наблюдение над начальной частью летописи в границах гетманства П. Сагайдачного. Данная работа осуществлена в рамках подготовки академического издания летописи Величко, и проводилась совместно с моими учениками.

Отмечу, что документы позволяют уточнить, где хранился оригинал летописи после его написания (до приобретения его Погодиным), а также время и место появления копий. В настоящий момент можно с уверенностью предположить, что летопись Величко входила в собрание Г.А. Полетики.

Это предположение подтверждается тем, что в 1813 г. известный собиратель «малороссийской старины» А.И. Чапа писал В.Г. Анастасевичу, что одолжил у В.Г. Полетики (сына Г.А. Полетики) «огромный летописец Самойла Величка, примечательный по внесенным в оный документам». Чапа жаловался: «Препоганый писарь мой начал оный списывать и почти ничего не написал. А другого писаря ищу и не нахожу» [10. С. 196]. А уже внук Григория Андреевича, В.В. Полетика, в письме к председателю Киевской археографической комиссии для разбора древних актов, М.О. Суденко, среди предложенных к продаже рукописей называл «Малороссийский летописец», летопись Самуила Величко [11. С. 108]. Письмо это было датировано издателями «около 1850 г.», но на самом деле было написано лет на 15 раньше. В 1848 г. Киевская комиссия издала уже первый том летописи, соответственно переписка с Суденко имела место ранее. Почему летопись купил не Суденко, а выдающийся русский собиратель филиграней И.Л. Лаптев [1. С. I]? Возможно, последний дал лучшую цену.

После смерти Лаптева на аукционе по продаже его собраний (1840) летопись в свою очередь приобрел Погодин, и уже от него она попала в Археографическую комиссию.

Нахождение летописи в знаменитой библиотеке Г. Полетики не вызывает сомнения, но где он приобрел ее – остается неизвестным. Следует отметить, что все издатели Величко не уделяли должного внимания единственной сохранившейся копии летописи. Между тем, она представляет безусловный интерес.

Сразу оговорюсь, что я пока не могу дать характеристику всей копии из собрания библиотеки Вернадского. Благодаря помощи моей ученицы, кандидата исторических наук А. В. Багро, удалось ознакомиться с началом копии и сделать первые, но чрезвычайно важные выводы.

Во-первых, данная копия содержит несколько начальных страниц текста Величко, утраченных в оригинале (те самые «5 листов»), которые никогда не публиковались (Приложение 1). Таким образом, мы, наконец, можем реконструировать летопись в изначальном замысле автора. Во-вторых, эти утраченные страницы дают уникальную информацию об истории создания «предыстории». Титульного листа «предыстории» в копии нет. Возможно, в оригинале он был утрачен уже в XVIII в. или переписчик не придавал ему значения.

Кстати, в оригинале летописи тоже сохранилось полстраницы текста, предшествующего дневнику Титлевского и не вошедшего ни в одну из публикаций (Приложение 2) [12. Л. 1].

Интересно, что автор копии не просто переписал оригинал, а перевел первую часть на современный ему украинский язык. Следует отметить, что сам Величко по какой-то причине использовал именно в этой части церковнославянский, в то время как в других, по собственному выражению, пользовался «нарѣчіемъ Малоросійскимъ». Причем церковнославянский он использует исключительно при описании событий времен П. Сагайдачного, а уже при описании ранних казацких восстаний переходит на украинский. Возможно, это связано с тем, что перевод М. Титлевского был выполнен именно на церковнославянский (Величко называет его «русским»). Сам Величко сообщает следующее: дневник поляка Матфея Титлевского был переведен в «полтавском селѣ Диканцѣ стараніемъ учащего и учащагося з латинского на рускій языкъ 1725 года» [13. Л. 5].

Это прямое указание Величко на время написания «предыстории» крайне важно: 1725 г., т.е. на пять лет позже написания основной части летописи, про которую сам Величко сообщал, что завершил ее в 1720 г. [12. Л. 78]. В 1728 г., как известно, Величко закончил еще и «Космографию» [7. С. III–IV]. Таким образом, время создания всей летописи «отодвигается» на пять лет.

Сама «предыстория» летописи при ближайшем рассмотрении не кажется просто «материалом», равно как и слепым копированием дневников. Традиционно считалось, что Величко просто перевел польские дневники М. Титлевского (про Хотинскую битву 1621 г.) и С. Окольского (про восстание 1638 г.). На самом деле, текст построен так же, как и другие части летописи: основной источник, дополненный другими и копиями документов. Все это сочетается с комментариями самого Величко, формирующими картину целостного повествования. Текст разбит на разделы, с красивыми подзаголовками, выписанными заглавными буквами и т.д. Важно, что автор копии, выполненной в XVIII в. тоже считал летопись цельным произведением и копировал ее подряд, начиная с «предыстории». А в самой летописи титульный лист части про восстание Хмельницкого был заменен еще при жизни автора [14. С. V], видимо именно

после написания «предыстории», так как в «предмове до чителника» появляется фраза «яко и о Хотѣнскої прежде описанной войнѣ показується» [15. Л. 78].

Летопись начиналась не с дневника Титлевского, но с истории участия казаков в Хотинской войне и битвы под Цецорой. Величко считал очень важным доказать и подчеркнуть тот факт, что украинские казаки П. Сагайдачного приняли участие в Хотинской войне в сложнейший для Речи Посполитой момент, практически тем самым спася ее. В частности, он доказывал, что король Сигизмунд III уговаривал казаков принять в ней участие, и укорял Титлевского в умалчивании этих фактов («однако умолчал о том [...]. Якое умолчание Титлевского я, Самойло Величко, дополняючи, предлагаю здесь»).

Можно говорить, что Величко сознательно начал свою летопись с Петра Сагайдачного, дополнив тем самым более поздние события. Видимо, он считал Сагайдачного первым достойным героем в череде казацких гетманов (не Наливайко). Он так и писал: «Переведена же сія історія з латинского не для того, что поляки з турками войну имѣли, но для того, что козаки з гетманом своим Петром Конашевичем Сагайдачним в той войнѣ полякам великую помощь и заступленіе здѣлали мужественно и непреоборимо».

Учитывая то, что Величко был выпускником Киево-Могиланской академии, этому не приходится удивляться. Ведь именно Сагайдачный был основателем Братской школы, из которой впоследствии выросла академия. Именно ректор Братской школы Сакович был автором знаменитого панегирика в честь Сагайдачного.

Можно попытаться проверить, насколько точно Величко придерживался текста Титлевского. Работой по сравнению текстов занимался мой ученик С.А. Насташук. Хотя Величко (в несохранившейся в оригинале части) точно дает источник своих сведений – восемнадцатый том произведения Авраама Бзавея «Грекотурецкая история», изданный в 1634 г., эта работа мною до настоящего времени не выявлена. Из-за отсутствия латинского оригинала было решено сделать сравнительный анализ имеющихся переводов дневника Титлевского. Один был переведен, как теперь уже известно, самим Самойлом Величко и его учениками. Второй имеющийся перевод был сделан в конце XVIII в. С. Лукомским. Его опубликовали в XIX в. в приложении к летописи Величко [1. С. 3–51, 160–173].

В результате проведенного текстологического сравнения удалось выявить авторские вставки Величко [16]. Делались они, как мы знаем от самого Величко, на основе «казацкого летописца», видимо, написанном участником событий, и, замечу, не дошедшего до наших дней.

Вопрос о том, кому именно принадлежат свидетельства – Титлевскому или «казацкому летописцу», никогда ранее не поднимался в историографии, в том числе и в недавно написанной фундаментальной работе украинского историка П. Саса [17], базирующейся на большом количестве польских архивных материалов. Между тем, некоторые свидетельства о Хотинской войне, приведенные в летописи Величко, уникальны и вопрос об их авторстве очень важен.

В частности, речь идет о победе запорожских казаков над турками в Черном море в августе 1621 г., причем у Величко командование этими запорожцами приписывается Б. Хмельницкому. В связи с этим П. Сас пишет: «Покликаючись на авторитет німецького історика С. Пуфендорфа, С. Величко писав про звияжні дії на морі Б. Хмельницького разом із “десятьком тисяч козацького війська”» [18. С. 150].

Как показывает сравнительный анализ текстов перевода Титлевского, использовалась именно цитата из его дневника («на морѣ Евссинскомь Козаки

емши потопиша»), а не собственная вставка Величко. Причем Титлевский писал о победе запорожцев на море дважды: в записи от 6 сентября 1621 г. и в заключение дневника, при оценке сил сторон, участвовавших в Хотинской войне. Про участие самого Хмельницкого Титлевский говорил только во втором случае. Сас ошибается в том, что Величко дополнительно опирался на «авторитет Пуфендорфа». На самом деле, он писал, что про эти данные «свѣдѣтельствуют сей войны описатель, Матфей Титлевскій [...] и войны Хмельницкого сказатель Самоиль Твардовскій, въ книзѣ своей на листі пятом». На странице пять Твардовский действительно говорит, что королевич Владислав доверил Б. Хмельницкому командовать большим морским отрядом («Chmielnicki [...] kiedy Krol Wladyslaw Woynе one knował Przeszkodzona do Turek, z nim komunikował parzod o tym; I wielki Regiment mu dawał morskiey wszykiey Armaty» [19. С. 5]).

Учитывая тот факт, что Титлевский рассказывал о походе в записи одного из дней битвы — как новость, полученную в тот день в лагере, эти сведения представляются очень надежными. А мы можем убедиться в точности ссылок автора летописи.

Другое важное свидетельство Величко — о количестве участников битвы и об их потерях. Можно с уверенностью говорить, что Величко не переписывал из дневника, но уточнял самостоятельно («мною Самойлом Величком винята и изчислена»). У Титлевского речь идет о 166 тыс., а у Величко о 157 тыс. участников, причем он отдельно выделяет 40 000 «козаков з Гетманом Сагайдачним», что совпадает с сохранившимся реестром Войска Запорожского, участвовавшего в походе [19. С. 250].

Сравнение текстов Величко и Титлевского также позволяет утверждать, что Величко дополнил дневник Титлевского многими интересными деталями (например о казни гетмана Бородавки) и подробностями, касающимися роли казаков в Хотинской битве, почерпнутыми им из «козацкого летописца», а также описание тех дней сражения, которые были пропущены в дневнике. Например, события 12 сентября (этот день у Титлевского не описан), 22 и 23 сентября («Чого не обрѣлося въ сем Тятлевского, войну Хотѣнскую описавшого, діаріуш, тое приложилося тут въ двох днях з рукописнаго льтописця Козацкаго»).

Теперь относительно вопроса о достоверности ссылок, которые делал Величко, и тех документов, которыми он дополнял фрагмент о Сагайдачном. Мы уже видели, что его ссылка на Твардовского, включая номер страницы — точна и достоверна.

В начале «предыстории», базируясь на дневнике Титлевского, Величко дополнял его и корректировал на основе «казацкого летописца» и других источников. Некоторые источники он считал недостаточно полными и не учитывал в своей работе. Например, Величко писал: «О той же войнѣ Хотѣнской мало вспомнѣл гисторик Нѣмецкій Самуиль Пуфендорфій; но я прежде описанным діаріушемъ Титлевского доволствуючися, Пуфендорфіевою рѣчи, а звлаша не-совершенно и не ясно положенной, здесь не прилагаю; хотяя убовѣдати о томъ, да чтеть книги Пуфендорфіевою листъ 388» [12. Л. 18].

Сравнение с первоисточником показывает, что Величко был очень точен и аккуратен в своих ссылках. В летописи он уточнял, что пользовался русским переводом Пуфендорфа: «въ царствующемъ великомъ градѣ Санктъ-Петербурхѣ, зъ Латинского на Рускій языкъ переведенной и року 1718 випечатанной» [12. Л. 80]. Этот перевод был выполнен Гавриилом Бужинским [20. С. 246]. И на странице 388 действительно находится описание (очень краткое) Хотинской битвы [21. С. 388], как и в случае с ссылкой на Твардовского.

Можно предположить, что такая традиция ссылок на источники воспиты- валась в стенах Киево-Могилянской академии. По крайней мере, имеется тому еще один яркий пример: трактат на 15 листах, составленный в Генеральной канцелярии в 1684 г. «Описание народа российского, откуда начало восприяло и о граница града Киева и киевского и черниговского и переяславского полков с принадлежащими к ним мест и реками». В нем излагалась история террито- рии Украинского гетманства, причем авторы (канцеляристы, как и С. Величко) использовали «Хронику европейской сарматии» А. Гваньини, «Кронику Мар- тина Бельского», а также другие хроники. Там тоже на каждую цитату давалась ссылка с указанием страниц, например: «Чти Гваглина о русской земли, лист 2» [22].

При описании биографии Сагайдачного Величко практически повторяет «Вірші на жалосний погреб» Г. Саковича.

Величко	Сакович
Сей Петр Конашевич Сагайдачний поро- ди был бѣлоруской шляхетне урожонной вѣри православной и грекоруской и право- славне святой обители бил защитник в на- уцѣ писменной и рицерской не послѣдній з малих лѣт на низу з войском запорожским жиючи подем и морем воззвал безсурманов и едного часу запорожцам в Таврину по Евкино понту припнувши, мѣсто значное Кефу взял, турков и татаров в нем вирубал, неволников христьянских на волю визволил и з многими користмы назад повернулся.	Конашевич час немалий живши І наук в письмі нашом словенськом навикши, По том, видячи ся бити способним до мензства, Шол до запорозького славного рицарства, Межи котрим през час немалий жиючи І рицарських діяльностей там доказуючи. Гетьманом по том собі військо го обрало, Із ним менж не татаров і турков бивало. За свойого гетьманства взяв в Турцех місто Кафу, Аж і сам цесар турський бив в великом страху, Бо му чотирнадцять тисяч там люду збив, Катарги єдині палив, другії потопив, Много тоги з неволі христьян свободив».

К сожалению, пока невозможно установить источник, откуда Величко при- вел очень интересные детали пиршества, устроенного Владиславом по окон- чанию битвы, с перечислением количества и качества спиртного, а также под- робное описание встречи Сагайдачного с Владиславом. Сам он ссылается на «рукописних лѣтописцов Козацких».

Величко в «предыстории» (как и в других частях своей летописи) не только ссылается на источники, но и приводит отдельные документы. Вопрос об их аутентичности достаточно широко обсуждался в историографии. Как и в слу- чае с Белоцерковским универсалом, многие историки высказывали сомнения относительно их достоверности.

Например, П. Сас писал про Величко: «Історик своєрідно намагався викли- кати читацький інтерес та довіру до свого твору, вдаючись до такого літератур- ного прийому, практикованого у того часному письменстві історичного спряму- вання, як вигадування документів» [17. С. 94]. Однако, представляется весьма спорным утверждение, что Величко сам был автором таких «писем».

Сас, в частности, считает Величко автором письма Сигизмунда III от 12 ян- варя 1622 г., в котором среди прочего идет речь о награде участников похода 400 тысячами талеров («cztery sta tysięcy talerow bitych»). Считаая цифру фанта- стичной, Сас и все письмо полагает таковым. Иного мнения придерживались выдающийся украинский историк запорожского казачества Д. Яворницкий [23. С. 54] и советский востоковед Н.С. Рашба [24. С. 37], занимавшийся Хотинской войной. Не претендуя на окончание данного спора отмечу, что в конце 1621 г. участникам похода было выслано от королевской казны 40 000 злотых, а также

подтверждение вольностей [19. С. 252] (о чем идет речь в письме, опубликованном Величко). Возможно, в летописи была просто ошибочно цифра 40 тысяч изменена на 400, а злотые перепутаны с талерами. Или летописец умышленно «преумножил» награду. В любом случае, содержание и форма письма очень близки к возможно имевшему место.

Безусловно, можно считать апокрифом помещенное в летописи Величко письмо Сигизмунда турецкому султану (1620 г.), стиль которого (например, ругательные обращения), собственно, не оставляет в этом сомнений. Но Величко не был его автором. Сам он ссылается на «хроничку», написанную в Переяславле в 1636 г. («з кронѣчки рукописной Козацкой, в Переясловлѣ Малоросійском року 1636 написанной взятая» [12. Л. 1]). Так как данная хроника не сохранилась, то можно было бы усомниться в точности Величко. Но П. Сас приводит ценные указания, что данные письма были включены в «Летописец Волыни и Оукраины», которая хранится в отделе рукописей львовской национальной библиотеки им. Стефаника [17. С. 92]. Таким образом, речь идет о письме-апокрифе, имевшем достаточно широкое хождение в ранних казацких хрониках. Этот вывод очень важен и для дискуссии вокруг «белоцерковского универсала Б. Хмельницкого», которая в настоящий момент зашла в историографии в тупик.

Но даже если предположить, что оба упомянутые письма Сигизмунда III апокрифы, другие приведенные Величко документы подлинные. В начале «предыстории», сохранившейся только в «копии», Величко привел письма Сигизмунда III и бискупа краковского к Иерусалимскому патриарху Феофану от 10 октября 1620 г., а также обращение Феофана к Войску Запорожскому от января 1621 г. Величко писал, что «винайшовши оніе в повторной верификаціи невинности законников монастыря братского вѣленского церкви сошествія святого духа», т.е. речь идет о втором издании «Verificacia nievinnosci» М. Смотрицкого от 16 июня 1621 г. В этом издании на листах 28–30 действительно были изданы письма к Феофану [25. С. 141]. Об этом, в частности, было написано в протестации И. Борецкого. Письма также были приложены в Киевском летописце – только в переводе на украинский язык [26. № 5. С. 111–112]. Интересно, что издатели Киевского летописца, В.И. Уляновский и Н.Н. Яковенко, указали, что эти письма имеются и в летописи Величко, ссылаясь на неопубликованное начало летописи из коллекции библиотеки Вернадского [26. № 2. С. 107]. К сожалению, эти сведения не были учтены исследователями летописи Величко. Между тем, мы опять можем констатировать, что ссылки Самойла Величко точны. В данном случае он брал для своей летописи письма из надежного первоисточника – «Верификации невинности». То, что размещенные там документы подлинные, сомнений не вызывает, так как произведение было написано как полемика с официальными властями Речи Посполитой, и письма служили доказательством правоты православной стороны.

Подводя итог, можно констатировать, что «предыстория», охватывавшая события гетманства П. Сагайдачного, являлась неотъемлемой частью летописи Величко, и была задумана и написана им при завершении работы с целью подчеркнуть роль Войска Запорожского для Речи Посполитой. Датировка окончания летописи относится, таким образом, к 1725 г. Сохранившаяся ее копия позволяет возместить утраченные в оригинале первые пять листов, описывающие начало Хотинской войны и битву при Цецоре. Кроме того, можно с высокой степенью уверенности предположить, что после смерти автора летопись хранилась в библиотеке Киево-Могилянской академии,

откуда ее позаимствовал Г. Полетика. Эти выводы о судьбе летописи очень важны для оценки ее влияния на просвещенную часть украинского общества. То, что оригинал попал к Г. Полетике – одному из самых ярких фигур украинской интеллигенции конца XVIII – начала XIX в., автора первой, не сохранившейся, «Истории Украины», свидетельствует о том, что того самого «читателя», к которому обращался Велечко, он все-таки достиг. Скорее всего летопись в стенах академии читал и использовал П. Симоновский, а возможно, и многие другие авторы, например Ригельман.

Уточнение структуры летописи Велечко, а также анализ системы и принципов использования им источников, серьезно продвигает вперед понимание его замысла, взглядов, а также принципов казачьего летописания начала XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Велечко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1848. Т. I.
2. *Шевчук В.О.* Самійло Велечко та його літопис // Збірник козацьких літописів. Київ, 2006.
3. *Велечко С.* Сказаніє о войне козацкой з поляками. Київ, 1926.
4. *Клепацький П.Г.* Літопис Самійла Велечко. Полтава, 1926.
5. *Дзиря Я.І.* Самійло Велечко та його літопис // Історіографічні дослідження в Українській РСР. Київ, 1971. В. 4.
6. *Бовгиря А.* Історіє описання та суспільна свідомість Гетьманщині XVII–XVIII ст. // Дисциплінарні виміри української історіографії. Київ, 2015.
7. *Велечко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1864. Т. IV.
8. *Петрикевич В.* Літопись Самійла Велечка а «Woyna Domowa» Самійла Твардовского. Тернопіль, 1910.
9. *Сисин Ф.* Образ Росії та українсько-російських взаємин в українській історіографії кінця XVII – початку XVIII сторіччя // Переяславська рада 1654 року (історіографія та дослідження). Київ, 2003.
10. *Листування А.І.* Чепи з В.Г. Анастасевичем // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Дніпропетровськ, 2009. Вип. 3.
11. *Лазаревский А.* Отрывки из семейного архива Полетик // Киевская старина. 1891.
12. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. (Далее – РНБ ОР). По год. 2020/1–3. Т. I.
13. Национальная библиотека Украины им. Вернадского. Отдел рукописей. Ф. 8. № 154.
14. *Велечко С.* Сказание о войне козацкой з поляками через Зеновія Богдана Хмельницького... Київ, 1926.
15. РНБ ОР. Ф. 36 (Арсений). № 1.
16. *Настащук С.А.* Хотинская битва в дневнике М. Титлевского (сравнительный анализ переводов С. Велечко и С. Лукомского // Современная научная мысль. 2018. № 3.
17. *Сас П.* Хотинська війна 1621 р. Київ, 2011.
18. *Twardowski S.* Woyna domowa z kozaki i tatory, Moskwa, potym Szwedamiiz Węgry. Callissii, 1681.
19. Жерела до історії України–Руси. Львів, 1908. Т. VIII.
20. Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. М.; Л., 1955.
21. *Пуфендорф С.* Введение в историю европейскую. СПб., 1718.
22. Российский государственный архив древних актов. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. № 90.
23. *Яворницький Д.І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. Днепропетровськ, 1991.
24. *Рашба Н.С.* Очерк истории польско-турецких отношений в XVI – первой четверти XVII в. // Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов. М., 1984.
25. *Жукович П.* Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 года // Статьи по славяноведению. СПб, 1910. В. 3.
26. Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. 1989.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1¹

«Описуючи Мафей Титлевській предьслѣдующую войну лядскую и козацкую з османом царем турецким под Хотѣнем городом на рубежи земли волоской бившую, хотя написал то, что Жизмунт третій король полский, на войну оную прибираючись, писал до начальников посторонних христианских чрез нарочніи послы свои о имѣющей быть войнѣ, об оной объявляючи и от оних помощи себѣ желаючи, однак умолчал о том, же до святѣйшаго Ерусалимского патріарха Феофана, в Малой Россіи на Украинѣ козацкой тогда бывшего, чрез нарочного посла своего Варфоломея Обалковского писал, желаючи прилѣжно о упоминаніи и заохоченіи гетмана и всего войска козацкого на тую войну против турчина. А писал к нему ж святѣйшему патріарсѣ Феофану в той же матеріи и чрез того ж посла королевского и бѣскуп краковскій Марцѣн Шишковский. Якое *у молчаніе Титлевского я, Самойо Величко, дополняячи, предлагаю здесь предреченій королевскій и бѣскупскій до святѣйшаго Феофана патріарха писанніе листи, винайшовши оніе в повторной верификаціи невинности законников монастыря братского вѣленского церкви сошествія святаго духа.

Лист королевский.

Zygmunt III z Bozey lasky krol Polsky, wielkie xiąze Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Zmudzskie, Inflantskie, Szwiedskie, Gottsky, Wandalski dziedziczny krol.

Wielebny poborny nam myly prszed ieilko(?) mie się ey dalismy lyst nasz do wieleb waszey prszez ktory ochotnie zondamy wieleb wazey zlozylismy y dla tey samey przyczyny komornika naszego aby weleb wasza tym bezpiecniey przez krolewstwa (106.) naszego panstwa požadany prszeiazd otrzymał do wieleb waszey poštalymy byli liecz yz y naszey ze musiał wieleb waszey padł y success y naszy niz ktorego z my pozondali y na ktory storzytko chryscianstwo oczekywało w woloszecti woysko nasze odniašo co woły Boze polecatrzy naprszeczyio pospolitego iednak tego wszystkiego chryscianstwa nieprszyacielia żebysie z zwycięsztwa nie nadymał take woysko zbieramy ktorym by zapomoco Bozą niazdoni iego wstrent uczynie się mogł. A koz y teraz zaraz y woysku naszemu zaporozskiemu na prszechyio pospolitego tego nieprszyacielia iako narydłey wyciągnąć w oczy mu sranone woiska zuiemy zlecilismy tez pošlowy naszemu aby weleb wasza nawiedzyl y to ymieniem naszym przełozyl aby wielebnosc wasza wiedząc ze nie tyko o nasze krolewstwa ale o wszystko chrzescianstwo ydzie woyska temu do tego przyczyno był, aby woli naszey powolny y pošluszny sie stawyło w ktorey sprawie obszyrney z wielebnoscią waszą pošlowy naszemu urodzonemu Bartchalociowy Obalkowskiemu mowye zlecyliomy ktoremu wieleb wasza wiare zupełną dasz y w tym wszystkim dowoli sie naszey iako nazyczliwiey stełonisz przy tym welebnocy waszey zdrowia y wszystkiew pomysłozoney zyczymy. Dan z Warszawy dna 10 miesiaca listopada roku pan 1620 panowania naszego poškiego szwedskiego 27 roku.

Sigismund Rex napis lista tego.

(2) Welebnomu w Chrystusię oycu Theophonowy Hyerozolimskiemu y wszystkiew Palestyny patryarsze poboznie ma milemu.

Лист бискупскій.

Przewielebny myłosciwy patryarcho Hyerosolimsky,

Usłyszawszy od krola ie m ze przewielebnosc wasza w tym krolewstwie dla pylnych z praw koscioła Bozego być raczysz, zdalomy się ozwax przeweliebnosey waszey

¹ Автор копии переписывал польские документы с ошибками, тем не менее текст публикуется без изменения.

zpowynszowanie dobrego według wiek zdrowia y szczęśliwego wszystkich pobożnych zamysłów powodzenia: a przy tym wiedzią że przewiełbnosc wasza o pomnożenie wiarchrzyscianskey masz starannie y do tego wszystkie myśli swe obracasz, iakoby ludzie prawowiarny od głównego wszystkich chrystian nieprszyaciela pottumieni nie byli, nie mogą iedno wielce się stąd się szyo mając nadzie że pan Bog tak sprawedliwy strawe z łasky swey po błagosławy oto tylko przewiełb waszey prosze oczym też yt: B.m. przez posła swego wskazał poniewaz przewiełbnosc wasza wielko wasz uludzy ukrajnych kozaków powage, abys ych do tego wiodł y animował iakoby tak ciężkim Rzeczy Pospolitey naszej y wszystkiego chrystyanstwa razie statecznie ie. m. k. panu swemu wiary dotrzymowały na terazniejszą (2ob.) poganstwa służbę chotnie stawili iako za wiare swienie taky za całakos oyczyzny zostawali wiełko stąd przewiełbnosci wasza będziesz miał u pana Boga przesługe y tey Rzeczy Pospolitey iakie nie ayz pan Chalecky powinny moy ozładycy znaczny blisko tam przewiełb waszey mieszka tedy pylnie go zalecam prosząc abys go znac raczył y łaskie mu swą pokazał, zycze zatym przewiełbnosci waszey dobrego zdrowia y wszelakych od pana Boga szczęśliwosey. Datum w Warszawie dnia Grudnia roku panskiego 1620

Przewiełbnosci waszey zyczliwy przszyaciel Marcyn Szyszkowsky byskup krakowsky xiąże siewiernie ręko swę [...]

Nadpis tego listu:

Prszewiełb w panu chrystu się Je. m. xiędzu patrszyarsze Nyerozolimskiemu.

Тие письменные королевское и бискупское желаніи на самом уже почитай, з Украины козацкой в свою сторону отъездъ светѣйшій Феофан патриарха иерусалимскій вполняючи, skutком натерминовал греческим писмом до гетмана з старшиною и до всего воиска запорожского з монастыра (3) Терехтировского лист свой засилаючи, им свое патриаршее благословение и совѣтуючи дабы на повеление пана своего Жигмунта третьего короля польского наступающаго лѣта охочого и вгорливого выходили в войско для общой всего христианства пользы против общаго главнаго всѣх христиан неприателя турчина, який лист патриаршій в греческой термины на язык рускій переведений и чрез Обѣлковского посла королевского до гетмана козацкого Сагайдачного в Киев отправлений, от слова до слова так в себѣ имѣется:

Theophan z miłosierdzia Bozego patryarcha Ierosolimsky Bozego miasta Syonu, Syriey, Arabyey, Kana Galieley, z one stronę Iordana y wszystkiey Palestyny.

Hetmanowy, polkownikom, sotnikom, assaulom, atamanom y wszystkemu przeznacznemu y przeznaczenitemu woysku zaporozskemu łaska y pokoy ot Boga wszechmogącego y od pana naszego Iesusa Chrysta y blagosłowieństwo zywot daiącego Grobu Bozego y świętego Iakoba apostoła brata wedle ciała panskiego chrystusowskiego pierwszego archierieia y naszej pokornosci nich będzie zwany nawieky amen.

Przeraczny y przesławny panie hetmanie przełożeni woyskowy y wszystko prze ohranie rycerstwo synowie w duchu pokornosci naszej umyłowaniby abiezby y roskazani przeiasniejszego krola pana waszego (3ob.) y włożenia się w to do was nasze was niezachodziło rozumiec powinny zostawalibysmy zebyscie pogłoli darone częścią na powinności wasze rycerską częścią na gwałtowną potrzebe oyczyzny waszey to co by z was rzemiosło wasze rycerskie, ktory sie iedny zdawnych wiekow wy przedkowie waszy pracie wyciągało pod nieprszyaciela Bozego chrzyscianskiego na panstwa przsenayiasniejszego krola pana waszego krwawy nastep czyniliby sie o ohotnie po gotowiu gdy to wszystko prsed sobo macie przedy iasniejszey krol pan wasz roskazuie was iako zawęły wiernym y posłusznym poddanym swoim sa sie przyczyną mają y prozbą w to wkłada rzemiosla waszego rycerskiego powinności na was to wyciągła gwałt oyczyzny waszey od głównego chryzycianskiego nieprzłyaciela, ktorego iarzmo iast

nieznosne uczyniony po was tego potrzebuie, abyscie sie gotoweny ze wszelko ochoto wszystko zeło waszo na te posłucąc, na którą was pan wasz przenyiasnieyszy krol Połsky prszez posła swego, ktory y nam od przenaiaisniayszego krola łyst otdał zakąga y to skazuie stawyli prszez co y prszenaiasniayszego krola pana waszego na łaske ku sobie pansko znacznie zad zaluie y umie za was y za wszystko woysko wasze Bogo modlce ustawycznego z nas będyecie oyczyynie w czas potrzebny na pomoc staniecie y sławie woyska waszego znamienitoscy dodacie: co uczynicie namniey niewontpiemy, iak dla tych pomienonych przyczyn, iak y dla tego aby przynaiasnieyszy krol Polski, pan wasz a nasz przenoyny y przemyłosierdny (4) dobrodiey poznał z tego, iestesmy zupielnie zyczliwym prszyacieliemi temu chriescianskemu krolewstwu, ktoro w biedach y utyskach naszych od pogani ucieczko iest niewolo ztropionemu narądowny naszemu Greckiemu I że ta nasza przyszczyna powage u was miała nadto y to tą ochotno y znamienito posługo waszą od przzynaiasniayszego krola pana waszego otrszymace ze te podniesoną prszez nas ut. S. Cerkowy naszej ruskey nieradnie metropolita mowiemy y iepyskopow na mieyscie od S. apostolskiey konstantynopołskiey zlolice odpadłych od nas poswieconych konsensem swym krolewsky y przszywyleymy zmocny y obwarue o co pyłno a pyłno u niasniayszego krola pana waszego usytnezy prozbemy waszemy starac się macie a my iak za to prszezactnie krolewstwo tak za nayiasnieyszego krola połskiego y za wszystkie krolewstwa tego senat y za was przechrabie rycerstwo P. Boga tu y na wszelkim mieyscu panowania tego y u grobu Bozego iesli nas do stolice naszej P. Bog zdrowego doniesie prosic nieprszystaniemy za ty powtoro łaskay pokoy Bozy y błagosłowieństwopokornoscy naszej niech zostaie z myłoscio waszą amen. Dan z monasteria Terchtemirowa roku ot stworzenia swiata 7129 a od wcielienia syna Bozego 1621 miesiaca stycznia.

Podpis ręki (греческий) (4об.)

Сей Петр Конашевыч Сагайдачній породи был бѣлоруской шляхетне урожонной вѣри православной и грекоруской и православне святой обители бил защитник, в науцѣ писменной и рицерской не послѣдній, з млалих лѣт на низу з войском запорожским жючи полем и морем, воззвал безсурманов и еднaго часу запорожцам в Таврину по Евкисино понту припнувши, мѣсто значное Кефу взял, турков и татаров в нем вирубал неволников христiянских на волю визволил и з многими користмы назад повернулся. Гетманом зась козацким станувши воевал с поляком на россиян: посля того унѣю чрез Терлецкого Потея и Рагозу Миткевского веденную святѣйшим патриархом Феодором и Ерусалимским здрусь вкоренил и православне ствердил. Якова Борецкого митрополитом кiевскому строил. Потом року 1621 под Хотѣнем з ляхами против османа царя турецкого в сороку тысячах козаков крѣпко и мужественно воевал. Былся и цале бил от бисурман в четирахстах тысячах под Хотѣню бивших каменною стѣною з защищенiем войскам полским и семнадцать тысячах [...] Владиславом, Жигмунтовичам сином королевским бившим, за що великую имѣл от короля Жигмунта чрез лист похвалу, залещенне поарунки и всему войску уплата и ласк далших с примножем волностей козацким обитница, там под Хотѣню ранен нѣстолкома пострѣлами смерными, от которых кевигившись, с падобающим к смерти приуготовленiем благочестно в Кiевѣ умер в монастыру Братском погребен року 1622го. (5)

О Войне.

Многосилной турецкой из поляками и козаками первie 1620 года на Церорѣ или на Церорѣ рѣчке, другой раз под Хотѣнем 1621 году с превеликим кровѣ человѣческой пролитим, а наиболшим сторонѣ турецкой ушербом

бывшей, чрез поляка Мафея Титлевского диариушем описанной и в томъ осмонадесятомъ кронѣковъ Авраама Бзавѣяположенной в книги же грекотурская исторія названной чрез автора Христофора Бзолда латинскимъ языкомъ сложенной, а в городѣ Ариентнѣ от рожества Господня 1634 года напечатанной в малороссійскомъ же полку полтавскомъ селѣ Диканцѣ стараніемъ учащего и учащагося з латинского на рускій языкъ 1725 года переведеной. Переведена же сія історія з латинского не для того, что поляки з турками войну имѣли, но для того что козаки з гетманомъ своимъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ в той войнѣ полякамъ великую помочъ и заступленіе здѣлали, мужественно и непреоборимо во всѣхъ случаяхъ военныхъ тогда противъ турковъ ставаючи и противъ ихъ военного на поляковъ устремленія крѣпко отбиваючи и воспещаючи. Которое войнитое описание от слова до слова слѣдующаго содержания есть.

Во время владѣніявъ Полщи Казимира Ягела Магомет (сего имени другій), турецкій імператоръ от Палевлога греческого імператора во время отнятія Константинополя всѣмъ того жалѣющимъ христіаномъ, тогда возгордѣвшись з оногo благополучья держави своей опредѣлную, а до королевства полского в то время принадлежавшую землю волоскую ежечасто находилъ войною, на которой когда многократно дозналъ неблагополучья, здѣлалъ былъ з королемъ полскимъ Казимѣромъ вѣчное примиреніе, якое королевству полскому з турецкими імператорами сілно и било бы вѣчное, ежели бы татаровъ перекопскихъ, (Соб.) данниковъ турецкихъ, в добра полскіи набѣгали взаимъ же чрезъ козаковъ моремъ Евксинскимъ панства турецкіи огнемъ и мечемъ опустошающихъ, не разорился. Тіидо войны причины обоихъ сторонъ народомъ хотя били и всегда иначе не единую генералную между собою имѣли потребу. Но 1620 года владѣющему королевству Жигмунту третому, а в трудахъ салтанъ Османъ, когда билъ імператоромъ, вижегше татаре пребогатую королевства полского провинцію Подолле. А козаки в займъ разоривши Кошъ татаровъ, Варну болгаровъ, Трапезонтъ во Азіи, прекрипили атаманской імперіи города обоихъ царемъ дали до войны новое запаленіе. Когда началась превеликая вездѣ в христіанахъ между усобная брань, хорошей случай, думалъ імператоръ турецкій, имѣть ити на христіанъ и сея которую возрасте імперія оттоманская упостребить хитрости, на что всякое старанне и совѣти скланяше, дабы первіе королівствомъ полскимъ, кое крѣпкое стіною и защищеніемъ всего христіанства ему завладѣть, которое ежели покорилъ бы верей всякихъ чрезъ избыліе, котримъ королівство полское многія панства христіановъ прокормляетъ, море же и землю подбитую увалился, удобъ будетъ царствовати надъ христіанами посилаетъ тотъ часъ в землю волоскую Скиндеръ башу войскъ своіхъ генерала и з чотирма тысячами турковъ человѣка прехитрого. Крови же христіанской, неситно жаждущаго, котрому и войску з поляками зачать повѣряетъ талше козни своя невѣрній Скиндеръ баша, ибо генерала полского Станѣслава Золкевского в землю волоскую призвалъ на контрактъ, аки бы онъ первіе разсмотреніе о обидахъ, а не по войну имѣть желалъ. Выходитъ тогда в Полщину генералъ с Полщи в немногой силѣ воинства своего и сталъ обозомъ тамъ здесь, при Цецорѣ мѣсце между собою и Скендеръ башою и вобравши. А Скиндеръ баша чрезъ Дунай рѣку переправившись, когда (б) малую нашихъ силу увидѣлъ, ихъ же отъ седми тысяче и болше не было, взявши седмдесять тысячей татаровъ, волоховъ двадцать, молдавоу десять, венгероу седмъ которихъ по за Дунаемъ в различныхъ скривалъ мѣстахъ, а самъ з чотирма тысячами не на то что б покой утвердити и обиди разсмотрѣти, яко з генераломъ полскимъ постановилъ билъ, но разорвавши союзъ мира онимъ варвароу множествомъ малое число нашихъ, желающее пожерти нуждашеся. (На поляхъ: Было тамо и козаковъ пять тысячъ, но сеи діариушъ јето не написалъ.)

Окружает обоз наших супостатов многочисленными полками, также и от всѣх сторон сильно налѣгает генерал, убо полскій себе уже окружена видит. Однако не утрашен мало нѣкто воинства своего страхом смятенная»

Национальная библиотека Украины им. Вернадского. Отдел рукописей. Ф. 8. № 154. Л. 1–6.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

сердца ко мужеству воставляет, в Бозѣ стояти и битися крѣпко повелѣвая, и глаголя яко уже не хитростию ко зло, но призыванием имени Господина мужеством же и доброповѣднью доблестію изитти подобает, а от среди полков сарварских не инако уже, но мечем точію путь предлежит сотворити, того самого, дне трикратное врагов устремленіе з превеликим их падением от стана наших высть отвращено. Откуда поляки двадесят и три дни з обозом ночью свою до рѣки Днѣстра медленно уносяши ногу², днію и ношію, внѣ и в внутрь стана бышася жестоко. Надѣяхуся сарвари, аще немножеством то продолжением безпрестаннія брани, обоз расторгнувши поляков и ниже осуется в том своем чаяніи отоманин, дня бо от недѣже начат приступи чинити два десят четвертого взял обоз поляков, который уже долгота пути страж уставичная, неварваров множество побѣдило. Сее ж в земли волоской знаменитая бытва, и в немногих воспоминается поляков бѣдствіях, три поляков тысящи з своим их генералом убывши неприятелей, три десят тысящей на брани сей погибоша; избвѣшій же разлинним путем по отчеству возвратишася. Плакашеса вся Полща о таком нечаяном своих поражений и от сердца вси единогласно вопиях ащеби и умрѣти мститися, а не боятися врага зрадливого; иже измѣнил устав и примѣренія.

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Погод. 2020/1–3. Т. I. Л. 1.

---

² Слово «ногу» вписано над строкой другим почерком (вероятно – Величко).

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ВОПЛОЩЕНИЯ И ОБРАЗЫ «РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ» В ВЫСТАВОЧНЫХ ЭКСПОЗИЦИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОЖИДАЕМОЕ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ, ИДЕАЛЬНОЕ

© 2019 г. М.В. Лескинен

*Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: Maria Leskinen marles@gmail.ru*

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Визуальные воплощения великорусской этничности и репрезентация русскости в национализирующем дискурсе Российской империи (вторая половина XIX в.)» (№ 18-09-00105а).

В статье предпринята попытка реконструкции представлений о русском национальном своеобразии на материале обзоров и оценок выставочных российских экспозиций второй половины XIX в. (Всемирных промышленных и Этнографической 1867 г.). Рассмотрены некоторые наиболее характерные элементы внешнего облика, содержания и декора павильонов, ставшие поводом для дискуссии о русскости и историческом наследии России. Задачи внешней репрезентации страны («на экспорт») обострили вопрос о символах и воплощениях «настоящей» русскости. В центре внимания — инструменты и стратегии ее визуализации в период создания нации в Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Всемирные выставки, Этнографическая выставка 1867 г., визуализация этничности, национальные репрезентации, стереотипы России и русских, нациестроительство в Российской империи.

DOI: 10.31857/S0869544X0004197-9

История промышленных, художественных и научных выставок XIX в. давно привлекает к себе внимание специалистов из различных областей гуманитарной науки. Эту историю рассматривают в соотношении с состоянием западноевропейской промышленности и торговли, со стремительным совершенствованием технологий, изобретением новых технических средств и инструментов. Выставки как масштабные мероприятия-праздники вполне закономерно трактовать как первые «смотри» возможностей экономического сотрудничества и конкурентоспособности разных стран, а также связывать их с эволюцией рекламы товаров и услуг [1]. Вследствие актуализации изучения формирования национальной идентичности и воспроизводства этничности выставочная и музейная деятельность XIX в. стала объектом анализа ученых (в частности специалистов по культурной антропологии

и визуализации этничности [2; 3; 4]), реконструирующих формы трансляции идеологии и культурных смыслов, связанных с процессами европейской модернизации и нациестроительства. «Анализ репрезентаций тех или иных стран на выставках позволяет поймать в фокус те особенности конструирования образа нации, которые в столь концентрированной форме не выражаются ни в одном другом культурном явлении этого времени» [5. С. 29]. Нет сомнений, что одной из целей стран-участниц было показать собственную самобытность (государство, его жителей, культуру народа-нации) в том ее виде, в котором она трактовалась в ходе складывания национальной идентичности в умах европейских интеллектуальных элит и который сложился в представлениях об историческом прошлом народов, их древних традициях, наследии, национальных идеалах, ценностях и достижениях цивилизации в целом. Автопортреты наций и образы государств нашли отражение в зримых формах (декор, архитектура и дизайн экспозиций, национальная символика в ее материальных, вещных формах, узнаваемые изображения, метафорические воплощения и собирательные типы, и т.п.)

Организаторы выставок Российской империи также были вынуждены разрабатывать соответствующую концепцию экспонирования. Однако стройной и согласованной позиции по этому вопросу часто трудно было достичь вследствие различных принципов отбора экспонентов: на участие в одних производители и торговые компании подавали заявки напрямую, для других в период подготовки создавалась специальная внутрироссийская отборочная комиссия с жестким набором требований. В полной мере эти и другие организационные противоречия удалось преодолеть к парижской выставке 1900 г., которая считается самой успешной российской национальной репрезентацией [5. С. 29–47], и именно по этой причине она остается за пределами нашего рассмотрения.

Несмотря на то, что главной задачей Всемирных выставок была демонстрация промышленно-хозяйственных возможностей стран и перспективы торговых связей, одной из важнейших интенций этих грандиозных европейских мероприятий-праздников, по мнению исследователей, стало соперничество на мирном фронте — «соревнование наций» («соревновательными фестивалями» назвал всемирные выставки Б. Бенедикт [4. Р. 5]). Стратегии, которые страны «выбирали» для воплощения своих достижений, во многом не зависели от характера экспонирования: и промышленные, и художественные выставки — международные («Всемирные»), региональные (например «Северная выставка» стран Северной Европы, включая Россию), а также исключительно национального масштаба (в частности Всероссийские художественно-промышленные выставки-ярмарки), имели схожие задачи и принципы экспонирования, и потому могут рассматриваться в качестве единого комплекса примера репрезентационных стратегий. Несмотря на различие задач, стоявших перед создателями научных и промышленных выставок, перед ними неизбежно вставал вопрос о том, как визуализировать и материализовать русскость, как адекватно показать ее — и прежде всего «обычной» публике. При этом во второй половине XIX в. этнографические (антропологические) и художественные отделы часто являлись частью этих промышленных смотров. А первые российские научные выставки — Этнографическая (1867) и Антропологическая (1879) были инициированы ее организаторами (в частности антропологом А.П. Богдановым) именно под влиянием посещения европейских всемирных выставок [6. С. 437–439].

Исследования, посвященные истории российского участия в европейских выставках, показывают, что оно самым непосредственным образом связано с концептуализацией представлений о российской нации и о русскости в целом, притом не только и не столько в высших кругах и властных сферах, сколько в общественном и массовом сознании [7; 8]. Американская исследовательница К. Дианина доказала, что именно первая Всемирная выставка в Лондоне (1851) стала для Российской империи поводом к началу серьезного общественного обсуждения вопроса о специфике русской национальной культуры [9], и что ведущую роль в этой широкой дискуссии играли, в частности, «залы выставок» и «газетные развороты» [10. Р. 7–12]. Полемика о месте России среди европейских народов, в современной цивилизации, была спровоцирована в немалой мере возможностью зримого сопоставления достижений государств на Всемирной выставке: «Русским, как и другим участникам Великой выставки, тоже пришлось взглянуть на свою империю под углом национального содержания» [9. С. 108–109]. Дианина убедительно проиллюстрировала влияние «эффекта отражения»: оценки европейских журналистов, репортажи о выставках, регулярно публиковавшиеся в зарубежных газетах и журналах, стимулировали эмоциональное обсуждение проблемы сущности русскости, касавшееся, прежде всего, избрания адекватных форм ее материальной и визуальной репрезентации вовне, для иностранного зрителя. «Сторонний взгляд» на Россию и русскость стал своеобразной исходной точкой расхождения мнений и началом сознательного формирования «экспортной версии русской культуры» [10. Р. 59–63].

Обратимся в этом контексте к проблеме визуальной репрезентации России в оценках русских современников, — через призму восприятия посетителей выставочных экспозиций.

***Лондонская выставка (1851):
«варварское великолепие» уральских малахитов без самоваров***

На первой выставке в Лондоне (1851) Российская империя была представлена довольно скромно, и лишь благодаря частной инициативе. Российский отдел никакого специального оформления не имел. Страна демонстрировала предметы главным образом ремесленного, ювелирного и текстильного (прежде всего ручного) производства, хотя среди экспонатов была продукция горнозаводской промышленности А.Н. Демидова, холодное и огнестрельное оружие [11. С. 26–27]. Следует упомянуть ожидания публики: ее удивило отсутствие самоваров, киевского сухого варенья и привычных российских экспортных товаров — мехов и кож, пеньки и парусины [12. С. 10; 11. С. 26], зато, по словам Кошелева, «наша выставка особенно блестит» малахитами Демидовых, бронзой и серебряными изделиями (Санкт-Петербургской фабрика золотых и серебряных изделий И.П. Сазикова), а также парчой [12. С. 18]. Обозреватель «Московских новостей» А. Экирос девять лет спустя иронически отмечал, что Россия на выставке 1851 г. пыталась поразить «варварским великолепием» «малахитовых дверей, яшмовых шкатулок и золотых тканей» (цит. по [11. С. 38]).

Сазиковская коллекция стала самым, пожалуй, впечатляющим из экспонатов. Известный фабрикант, продолжатель знаменитой династии, в скором будущем получивший звание придворного поставщика, привез в Лондон собрание из 19 предметов. Все они были так или иначе связаны с «народной» темой, а их сюжеты представляли «русские типы» — жанровые фигурки, сделанные в технике чеканки на изделиях из золота и серебра, выполненные по

живописным изображениям 1830–1840-х годов: петербургская охтинка-молочница, казачка, малороссийский бандурист. Таким образом крестьянская тема в дорогостоящих ювелирных изделиях оказалась презентацией этнографической русскости.

Золотой медали выставки был удостоен не крестьянский, а исторический сюжет: канделябр в виде скульптурной группы, в центре которой был Дмитрий Донской, лежащий под елью в окружении бояр, военачальников, знаменосца и всадника, рассказывающих ему о победе в Куликовской битве (скульпторы И. Витали и П. Клодт, под наблюдением академика Ф. Солнцева). Однако наиболее яркое впечатление на иностранных посетителей произвела серебряная фигура «русского мужичка с медведем» [12. С. 18–19] (композиция называлась «Медведь с поводырем», сюжет ее восходил к известным литографиям из русской этнографии и быта начала XIX в.).

Оба персонажа скульптуры – русский мужик и медведь станут постоянными воплощениями выставочной русскости более чем на полвека, устойчиво ассоциируясь с ней.

Лондонская выставка 1862 г: самовары и медведь

На этой, тоже Лондонской, выставке, стереотипные ожидания все же оправдали себя: можно было увидеть традиционные меховые изделия (в том числе и экзотические – из оленьих шкур). Этот отдел открывался чучелом бурого медведя на задних лапах. Необходимо, однако, подчеркнуть, что оно традиционно сопровождало экспозиции меховых изделий, пользовавшиеся неизменным успехом как у европейских зрителей, так и у покупателей. Несмотря на то, что сложилась устойчивая ассоциативная связь между медведем и российскими мехами, сами организаторы были далеки от идеи использовать зверя как символ и тем более метафору России, к тому времени вполне сложившиеся в европейской культуре [13. С. 25–60; 14]. Медведь призван был подчеркнуть идею богатства пушных ресурсов.

Лен, воск, пенька и полотно, как традиционные предметы русского экспорта, не были открытием; появились ожидаемые русские самовары; удивил европейцев лишь русский шелк. В 1862 г. показывали также копию подмосковной избы, привлекающую внимание посетителей [11. С. 39].

Наиболее известным и постоянным обозревателем Всемирных выставок был В.В. Стасов [15], его подробные отчеты не только павильонов, но и многочисленных мероприятий, приуроченных к выставкам, неизменно привлекали читателей, зачастую вызывая бурную полемику в прессе. Российский павильон второй Лондонской выставки он оценивал резко негативно, считая экспозицию неструктурированной и потому крайне неудачной: «хаос аукционной камеры, [...] безобразие варварства и бессознательность дикого невежества!» [16. Стлб. 98]. Разбирая вопрос о демонстрации национальной продукции, он сетовал на отсутствие колоколов как специфически русского «произведения»: «русские колокола с их чудным густым звуком, эта давнишняя наша слава и гордость, любимое и чудесно выросшее дитя нашего народа» [16. Стлб. 100]. Вместо них в павильоне можно было увидеть только небольшие колокольчики, да модели храма и избы – «лакированных и игрушечных», по мнению Стасова. В отличие от обозревателя «Московских новостей» Экироса, в негативном ключе комментировавшего стремление России показать «восточное» или «византийское» начало в дорогих произведениях ткачества, критик приветствовал такую попытку представить Россию

культурной наследницей греческого Востока и потому возмущался отсутствием на выставке изделий, которые, по его убеждению, как раз и демонстрировали эту связь: ювелирных украшений («Где была знаменитая с глубокой древности серебряная чернь наша, наследство Востока? Где филигрань, перенесенная к нам еще из Византии?» [16. Стлб. 100]) и драгоценных тканей («А наши парчи, штофы, золотые бархаты? Много до сих пор уцелело у нас удивительных из их запаса, до сих пор не перевелась еще у нас древняя работа их, наследие Востока, соперничающая с лучшим и роскошнейшим, что до сих пор производит Индия...» [16. Стлб. 100]). И Экирос, и Стасов призывали побороть образ России как богатой, но варварской страны, однако понимали решение этой задачи по-разному: Стасов ратовал за актуализацию русской культуры как органической части европейской цивилизации в ее византийской ипостаси.

Парижская выставка 1867 г.: изба, резьба, осетрина

На следующих выставках вопрос о дизайне русских павильонов, о привлечении в них публики и профессионально заинтересованных посетителей уже стал предметом специального рассмотрения и подготовки. Всемирная Парижская выставка 1867 г. обострила проблему репрезентации русскости, так как в соответствии с задумкой французских организаторов каждый из павильонов должен был быть выполнен в национальном стиле, а все они располагались в одном ряду, на так называемой Улице Наций. Кроме того, частью всеобщей экспозиции должна была стать выставка жилищ разных народов («История жилищ»), а также древних и современных орудий труда и предметов народного искусства («История орудий»). Стало очевидно, что привычных русских экспортных товаров недостаточно. Необходимо было представить узнаваемые приметы русскости, т.е. создать национальное «лицо» и павильона, и экспозиции.

Русский отдел располагался в нескольких строениях, главный павильон на Улице наций представлял собой так называемую Русскую избу, выстроенную по инициативе и на средства лесопромышленника В.Ф. Громова. Эта типичная великорусская изба была поставлена владимирскими плотниками без единого гвоздя (и в этом смысле по технологии была аутентичной), окружена крытым двором и флигелем; примыкала к основной части экспозиции в главном павильоне. Отдельные части фасада были расписаны зверями и птицами, украшала ее и затейливая резьба. Иначе, но тоже в русском традиционном стиле (декоративные элементы в виде резных наличников, подзоров, полотенец и других элементов деревянного зодчества) была построена и конюшня с лошадьми императорских конных заводов. На всех последующих выставках павильоны Российской империи уже непременно воспроизводили мотивы русского деревянного зодчества с богатым резным декором XVI–XVII вв. в различной степени стилизации [17. С. 104]. Это было продиктовано формированием «русского стиля» в архитектуре, принявшего за образец русскости формы и элементы допетровской Руси, и прежде всего второй половины XVII в. — времен Алексея Михайловича [18. С. 106–145].

Вот как описывал впечатление от этого первого комплекса в «русском стиле», уже тогда модного в России, один из его адептов — В.В. Стасов, называя его, однако, «народным»: «Над рядом толстопузых кубышек, покрытых резьбой и красками, возвышались острые треугольники наших изб, опять от одного конца до другого покрытых вырезными орнаментами и раскрашенными узорами; внутри наших участков, огороженных этой разноцветной русской

стенной, виднелись шкафы, витрины и столы, опять-таки в народном русском стиле, с конскими головами, выступами, перехватами и колонками. Иностранцы любовались и довольны были этими национальными образчиками» [19. Стлб. 401–492].

Внутри Русской избы посетители могли увидеть интерьеры типичного великорусского жилища – с привычной обстановкой «сельского жителя»; «кивот с образами и лампадой, поставец с посудой, зеркало с полотенцем, [...] кровать с пологом, лубочные картинки на стенах, русская печь» с утварью, в сенях – обычная крестьянская одежда (армяки, полушубки и т.п.) [20. С. 20]. В главном павильоне находилась высокая колонна, составленная «из лаптей различных фасонов, рогож, циновок, кульков, лубков, мочалы, лыка, мочальных веревок, мочальной сбри, щепенной посуды: ложек, чашек, горшков, солонок и прочих наших национальных особенностей такого рода, который стремился совершенствоваться и процветать. Или который был терпим до славного 19 февраля и который, вероятно, скоро будет покинут» [20. С. 12–13]. Автор заметки саркастически оценивал подобную репрезентацию русскости, однако, будучи недовольным демонстрацией данных предметов в качестве товаров, он готов был рассматривать такой набор изделий уходящего быта в качестве экспонатов этнографической части русской экспозиции [20. С. 13].

Непременным атрибутом национальных павильонов становились и рестораны, в которых можно было попробовать блюда национальной кухни. На выставке 1867 г. в русском трактире подавали кулебяку, икру, семгу, осетрину, кахетинские и крымские вина; его посетил в день открытия Александр II [11. С. 48].

Этнографическая выставка и Славянский съезд 1867 г. в Москве: кресты, армяки, сарафаны

На российской научной Этнографической выставке того же, 1867 г., приуроченной к Славянскому съезду, задача репрезентации была совсем иной – продемонстрировать этнокультурное и антропологическое разнообразие народов, населяющих Российскую империю, а также представить отдельно славянскую экспозицию, чтобы напомнить о родстве и близости славянских культур.

Значительное место на Этнографической выставке занимал отдел, посвященный «русскому народу» (или «трем племенам» «народа русского»), «главенствующим» в котором признавались великорусы [21. Гл. 1]. В этих залах демонстрировались отдельные манекены и групповые композиции, изображавшие представителей различных великорусских губерний в типичной повседневной и праздничной одежде, на фоне крестьянских изб и хозяйственных построек, за привычными занятиями. Именно эта, великорусская, часть экспозиции вызвала горячие дискуссии об адекватном отражении русскости – и в антропологическом, и в этнографическом плане. Они, как показано в современных исследованиях [6; 22. С. 491–503], ярко иллюстрировали процесс определения и поиска национального общерусского типа как идеального образа великоруса.

Остановимся на нескольких важных эпизодах, касающихся восприятия представленной русскости в экспозиции самой Этнографической выставки и в организации многочисленных мероприятий, приуроченных к Славянскому съезду. Как заключает О. Майорова, «славянский съезд [...] с одной стороны, служил символическим воплощением объединительного национального

топоса, когда съехавшиеся в Москву делегаты съезда превращались в метони-мию своих народов. С другой стороны – славянское служило идеальной проекцией русского, не обремененного грехом насильственной государственности. Поэтому на съезде русское так упорно отождествлялось со славянским – будь то русский язык, русский царь или русская этнографическая выставка. Приобщение к славянам было не только и, может быть, не столько экспансионистским жестом русского общества, но очищающим приобщением к самим себе» [23]. Это замечание подтверждается и явно прочитываемым стремлением подчеркнуть новое для этого времени понимание русскости во внешних знаках, когда акцент делался на совокупности визуальных примет и материальных маркеров [24]. Этнографическая выставка давала для этого большие возможности.

Первый эпизод известен из подробного описания посещения экспозиции императором Александром II и членами его семьи (цесаревичем и цесаревной) [21. Гл. 3]. Он касается комментариев государя, который оценивал точность и «верность» представленной обстановки, размеров и интерьера избы зажиточного крестьянина-«промышленника» следующим образом: «характер соблюден весьма верно» [21. С. 90]. Это он произнес, разглядывая постель с лоскутным одеялом, и то же заметил о лубочных изображениях религиозного содержания, которые были размещены вокруг спального места. После осмотра великорусской части экспозиции и похвал в адрес устроителей и художников император заметил, что «лица женщин могли бы быть красивее: “Если б сделать строгий выбор”» [21. С. 94]. ИЛЛ 1. Как видим, интерпретация «правильного» изображения русскости соотносилась с узнаваемостью, представлением о типичности, а также с желанием видеть более приближенный к идеалу красоты физический облик «своего». Как и многие другие посетители выставки, император желал бы видеть «красивые» женские образы, хотя был осведомлен, что манекены выполнялись по фотографиям реальных крестьян. О том же сетовал М.Н. Катков («Ни одного, решительно ни одного красивого женского лица из числа по крайней мере 30 собранных здесь женских экземпляров!» [25. С. 215]. Организатор выставки, антрополог А.П. Богданов, напротив, приводил резко критические замечания зрителей о его подборке фотографий русских крестьянских типов (на выставке демонстрировался «Русский альбом»), которые расценивались как слишком «красивые» и потому фотографа подозревали в специальном намеренном отборе красивых типажей [26. С. 133–135] (об этом см. [22. С. 498–503]). Вопрос о том, как именно представлять этнический тип – в его конкретных региональных носителях, в обобщенном типическом образе или же в идеализированной ипостаси, собирающей лучшие приметы и антропологические

Крестьянки Рязанской губернии.
Манекены Этнографической
выставки, 1867

особенности, оказался на повестке дня именно в связи с великорусской частью экспозиции.

Дискуссия касалась не только оценки гендерных вариаций антропологического типа великорусов, но и стратегии избрания характерных примет. В то время как Катков упрекал создателей выставки в преобладании повседневной простой и «бедной» одежды на великорусских манекенах (особенно контрастировавшей, с его точки зрения, с праздничными добротными нарядами зарубежных славян), этнографа и писателя С.В. Максимова не устраивала как раз некая условность русских костюмов, весьма однообразных, не отражавшая, по его мнению, действительных вариаций региональных (в особенности окраинных) разновидностей одежды великорусов, активно включавших в них элементы костюмов местных инородцев. Хотя Максимов соглашался с тем, что в центральных великорусских губерниях костюмы, в отличие от физических типов, демонстрируют стабильность и общность: «У всех заветная рубаха с косым воротом и всегда с подпояскою (прямой ворот, усвоенный малороссами, в Великой России можно видеть только у духовенства и дворянства). У большей части великорусов на ногах лыковые лапти с онучами и оборами; только торговые достаточные люди да сплошь весь сибирский народ обуваются в сапоги с напуском» [21. С. 133].

В европейском народоведении XIX в. не подвергался сомнению тезис о том, что только крестьянство в полной мере воплощает и сохраняет своеобразие материальной традиционной культуры и неизменный антропологический тип [27. С. 102–113], поэтому, несмотря на присутствие на выставке ряда экспонатов, представлявших купечество и городские низы, в количественном отношении (в особенности в великорусском отделе) абсолютно преобладали представители крестьянского сословия. А вот вопрос о том, какой исторический период адекватно представляет русскость, в этнографической экспозиции, с акцентом на costume, не мог быть решен однозначно.

В ходе подготовки выставки декларировалась необходимость показать народы в их современном состоянии и повседневной жизни. Однако именно в великорусском регионе (особенно в Поволжье) в это время шли наиболее активные социально-экономические трансформации, приводившие к распространению «городских» элементов материальной культуры в крестьянской среде. Это затрагивало многие сферы быта, и оказало влияние в том числе на одежду. С.В. Максимов в своих обзорах выставки сетовал, что «старинные русские наряды исчезли, восстанавливать их — трудная и большая задача» [21. С. 134], и что «исчезание старинного наряда совершается с поразительною быстротой на наших глазах, даже и там, где ожидать того, по-видимому, было невозможно. Мы именно живем в то время, опасное для этнографического музея, когда воочию совершается изменение женских народных нарядов» [21. С. 136]. Однако в некоторых регионах и этнокультурных группах женская одежда все еще сохраняет прежний старинный облик, и потому, по мнению этнографа, именно она нуждается в скорейшем бережном собирании: «Там, где старая вера укрепила за людьми старый русский обычай, устоял и старинный женский наряд, несмотря ни на какие соблазны, которым сильно помогают отхожие промыслы в столицы и сильно распространившаяся в последнее время торговля готовым платьем. Вот почему выставке удалось получить старинные русские наряды именно из тех мест, где коренится старообрядчество» [21. С. 135]. Иными словами, адекватное изображение материального и потому зримого воплощения русской этничности

Максимов соотносил не с современностью, а с допетровским (то есть XVII в.) временем. Этот очень важный критерий необходимо подчеркнуть.

Современная исследовательница К. Руан пишет, что этнографы XIX в. видели в национальной одежде «визуальную метафору абстрактных качеств, воплощающих национальную самобытность, и ставили коллективное самосознание выше личного, [...] верили, что национальное платье меняется очень медленно, а неизменность народных мотивов отражает суть русскости» [28. С. 233]. Конечно, речь идет все-таки не о самосознании, а о процедурах идентификации и типологии этнокультурной самобытности, но в целом с таким заключением можно согласиться. Руан считает, что в том, что именовалось русским платьем или русским костюмом XIX в., сочетались элементы не только славянской региональной традиционной одежды, но и те приметы, которые она, вслед за многими наблюдателями XIX в. (в частности С.В. Максимовым), расценивает как заимствование от инородческих костюмов [28. С. 233–234].

Таким образом, с одной стороны декларировалось сохранение крестьянами традиций (в том числе и в материальных формах культуры – одежде, постройках, орудиях труда, видах ремесленного труда и т.п.), поэтому костюмы и предметы современного быта одновременно призваны были показать материальные элементы и доимперского прошлого России. Убежденность в верности религиозным православным устоям также подкреплялась известными маркерами: в качестве образцов ремесленной продукции на выставке доминировали иконы, кресты, элементы украшения храмовых интерьеров и т.п. [21. Гл. 2]. Интересно, что в экспозиции православные и старообрядческие предметы (например нательные кресты) находились в одном ряду.

Иллюстрацией этих важных факторов (отождествление с крестьянством и условность традиционного костюма), соотносимых с визуальной рускостью, могут служить два эпизода в ряду праздничных мероприятий, приуроченных к приезду гостей на Славянский съезд. Так, на одном из собраний в Царском селе, посвященном встрече делегатов из славянских стран, возвращавшихся из Москвы, в убранстве зала эту идею воплощала «скульптурная группа в русском стиле. Группа эта представляла изящную пирамидальную башню со сквозными колоннами. Наверху помещался русский орел и вензелевое изображение имени Государя императора, а под ним, внизу пирамиды, статуэтка русского мужичка, подносящего хлеб-соль, и статуэтки, изображающие типы всех славянских племен» [21. С. 515].

В честь славянских гостей устраивались специальные приемы, на одном из которых, в Петербурге, в клубе Общества поощрения частному труду, их встречали дамы, «впереди которых стояла хозяйка вечера, супруга одного из старшин г-жа К-ва в богатом русском сарафане и повязке из белого атласа, шитого серебром. Этот наряд удивительно шел к прекрасному лицу и стройной фигуре хозяйки» [21. С. 295]. Это не было модным нарядом времени, а шитым специально на заказ «русским» костюмом – притом именно в великорусском варианте женской одежды.

Венская выставка 1873 г.: боярские хоромы, самовар «Петух»

На Венской выставке 1873 г. по проекту архитектора Г. Винтергальтера на средства миллионера С.Ф. Громова была снова выстроена Русская изба – копия крестьянского дома Костромской губернии. Императорский павильон (подарок бумажного фабриканта Варгунина) был создан в стиле боярских

Самовар Петух, по модели
В.Н.Васнецова, собрание ГИМ

хором, вся мебель в трех комнатах павильона была изготовлена в древнерусском стиле по рисункам И. Монигетти. В резном шкафу была выставлена старинная серебряная посуда в том же стиле: «В спальне находились кровать под балдахин, умывальник, туалетный столик, прекрасная изразцовая печь, сделанная на заводе Л.П. Бонафедо, а также образ Богородицы, писанный со старинной иконы профессором К.Ф. Гунном» (цит. по [11. С. 70]). Это убранство меблированных покоев не вызвало неодобрения В.В. Стасова — он воспринял его не как грубую имитацию, а как современное искусство по мотивам русского традиционного декора, а вот впечатление от Русской избы было у него противоречивым: «Как национальная постройка, как образчик русского народного жилища, эта изба, конечно, забавна и карикатурна. Отроду русский народ не жил в таких элегантных, дорогих, лакированных, франтовски напояженных домах, и никакая критика не могла бы беспощаднее утопить эту “лже-избу”, как русские плотники, строившие ее собственными руками, но по плану архитектора-рисовальщика. “Господи! — говорили они, — хоть бы одно такое бревнышко дали, так, кажется, им прожил бы припеваючи весь свой

век, да еще с семейством!” И так, тут ровно никакой русской избы и жилья не было, и кто из иностранцев воображал, что так именно и живет по деревням русский люд, был непростительно введен в грубейшее заблуждение. Но если видеть в этой постройке лишь новейшую *вариацию* на старинные, в самом деле национальные темы — то отчего же бы и не похвалить ее? ... Все пропорции этой постройки, ее ворота, двери, окна, размеры комнат, форма печей, все мотивы резьбы внутри и снаружи, по большей части взятые (по нынешней очень хорошей моде) с вышивок и полотенец, — прекрасны и элегантны» [19. Стлб. 418]. Как видим, в оценке выражения истинной русскости критик руководствовался важным критерием аутентичности («настоящая изба» или спроектированная архитектором), однако не отрицал возможности удачной стилизации под старину XVII в.

На этой же выставке была представлена коллекция русских самоваров, однако золотой медали удостоился не наиболее типичный образец массового производства, а художественная вариация на «заданную тему» — тульский серебряный с позолотой самовар «Петух», созданный по эскизу художника В.М. Васнецова (идея которого, впрочем, позже, в упрощенном виде активно воспроизводилась в самоварах поточного производства). Подставкой самовара служили петушиные лапы и хвост, а краник был выполнен в виде головы

петуха, по бокам вязью сделаны надписи «Самовар кипит – уходить не велит» и «Где есть чай, там и под елью рай».

Однако наибольший интерес иностранных посетителей вызывали из года в год одни и те же экспоненты – меха, парча, холодное оружие, и, конечно, изделия из бриллиантов, яшмы, горного хрусталя, малахита; неизменным успехом пользовались серебряные изделия торговых домов И.И. Сазикова и П.А. Овчинникова, очевидно конкурировавшие друг с другом. Из коллекции Овчинникова, также выполненной в русском стиле, обращал на себя внимание сервиз, заказанный бароном П.Г. фон Дервизом и выполненный по идее и рисункам Д.Н. Чичагова. Главенствующим мотивом стали жанровые сценки из крестьянской жизни, этнографическая стилизация которой, впрочем, как обычно, была очевидна далеко не для всех зрителей. Один из канделябров был украшен скульптурной группой, состоящей из жницы, отдыхающей с ребенком, и девочки. Рядом с фигурами находятся искусно выполненные мешок с семенами, лукошко. Но, хотя жница и одета в женский костюм Рязанской губернии, он праздничный, а обилие украшений дает повод усомниться в ее намерении продолжить «жнитво» [29. С. 394].

Русские авторы в большинстве своем критиковали российскую экспозицию, не соответствующую, как они полагали, значительно выросшему уровню российского промышленного и сельскохозяйственного производства.

Парижская выставка 1878 г.: Кремль, водка, медведь

В 1878 г., на очередной Парижской выставке, павильоны стран-участниц снова располагались на Улице Наций. Фасад основной части экспозиции России (автор – архитектор И.П. Ропет) представлял собой выполненное из резного дерева сложное многоуровневое сооружение, нижний этаж которого представлял собой фрагмент русской избы, второй напоминал губернский дом провинциального города, а верхняя часть повторяла здания Кремля, но со множеством окон. Все эти элементы объединял византийский купол. Многие наблюдатели, например автор статьи в «Вестнике Европы», описывали это строение как «не то терем, не то избу с низкими колоннами и резьбою по окнам вроде таких узоров, которыми украшаются у нас дачные постройки» [30. С. 408] и полагали его «красивым», но слишком «деланным», «непохожим ни на одну из действительно существующих у нас построек» [30. С. 408]. И.П. Ропет, как известно, был одним из крупнейших представителей вошедшего тогда в моду «русского стиля» [18. С. 134–140]. По его же эскизам был создан ряд экспонатов: изделия из железа на предприятии фабриканта Губонина, барановские ситцы (из Владимирской губернии), мебель на фабрике Татищева. Посудой и мебелью для выставки занимался и другой представитель «русского стиля», В.А. Гартман [11. С. 98].

В.В. Стасов в своих заметках о выставке приводил множество цитат из статей французских обозревателей, в которых те восхищались этим комплексом в модном тогда «русском стиле», отмечая «величавость», красочность фасада и восторженные эмоции зрителей. Однако сам Стасов не соглашался с определением его как простого «соединения “боярской палаты, царского дворца и мужицкой избы”», считая творение Ропета единым и архитектурно оригинальным комплексом, дающим адекватное представление о русской архитектуре – как традиционной, так и современной [31. Стлб. 649]: «Взгляните, какая чудесная стройная масса воздвигнулась посредине, этот бревенчатый цветной дом, с высокою кровлею, увенчанною резным князьком, с заостренным широким громадным кокошником вверху, с маленькой

открытой галереей над широким входом, завешенным русскими полотняными завесами в русских узорах. И по сторонам центрального здания, направо и налево, целый маленький городок из разных построек: тут и башни, и длинные, вдвинутые назад, крытые переходы, и сквозные галерейки, и всходы, и лестницы, и бесконечное разнообразие окон, пилястр, резных орнаментов, фантастических птиц, стоящих в ряд и держащих в лапе веточку, и разнообразных кокошников и кровель, наконец, повсюду богатая цветная резьба из узоров и цветов, широкие прелестные резные карнизы, висящие из-под кровель, словно богатые подноси из бус на лбу у русской крестьянки, и полотенца, вывесившиеся из окон, словно передники сарафана. Ничто не повторяется, рядом стоят все разнообразные части и члены, полные несимметричной, но изяшной красоты выражения и стройности» [31. Стлб. 654].

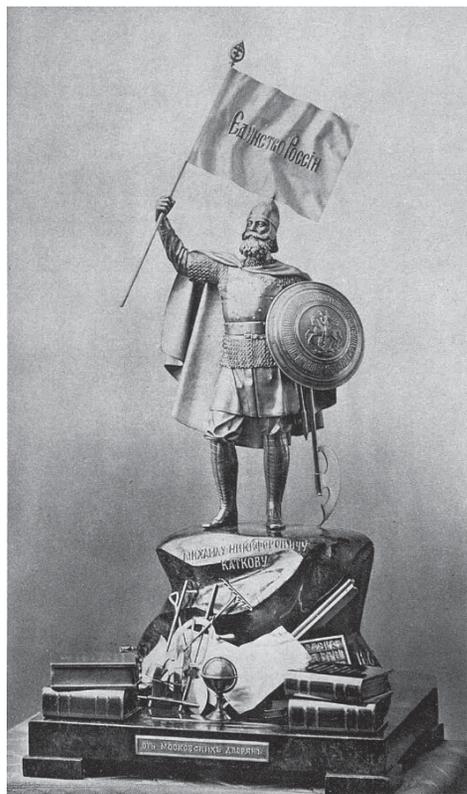
Как видим, оценка русскости опять соотнесена с оппозициями подлинное/фальшивое и народное/современное. На выставке 1878 г. Россия снова не смогла избежать использования прежних клише и этнокультурных гетеростереотипов: значительное место в русской экспозиции занимал отдельный «павильон правительственной продажи питий», в котором на глазах у посетителей гнали водку и тут же распродавали ее штофами и шкаликами. Не обошлось без медведей: при входе в Русский отдел «вам попадают на глаза огромные медведи, показываемые в особой витрине меховщиков. Это — самая эффектная штука на выставке» [30. С. 410]. Там же находились «восковые куклы, изображавшие боярина и боярыню в парадных одеждах, отороченных соболями», а чуть далее, в экспозиции текстильных мануфактур, были показаны фуражки с кокардами и кантами; внимание публики привлекал также огромный самовар. Журналист «Вестника Европы» весьма едко прокомментировал этот набор элементов как «эффект фальшивого свойства», не могущий дать адекватного представления о российской промышленности и, что важнее, о русской национальности: «Это (манекены. — *М.Л.*) — очевидно, образцы тех людей, которые обитают в стране медведей, лугунских табакерок и фуражек с кокардами [...], не доставало самовара. Да вот и он, и не один; но один огромный, настоящий, какому следовало быть для довершения *couleur locale*. Медведи, бояре, самовар и фуражки с кокардами, — хороша производительность страны!» [30. С. 413].

Столь же критично отнеслись к содержанию русского павильона на этой выставке корреспондент «Нового времени» П. Райский и писавший для «Нового времени» критик В.В. Стасов. Первый выразил удивление обнаруженными им в художественном отделе лаптями и состоянием русских ресторанов при павильоне России, второй же разразился пламенной филиппикой в адрес организаторов, поставивших в центр экспозиции в который раз то, что представляло мир русской роскоши и богатства: «каждый вообразит, что у нас, кроме графов да князей, да аристократии самой миллионной, ровно ничего и никого нет. [...] Все только драгоценные песцы и лисицы чернобурые, медведи, которым цена — многие сотни рублей; все только золото и серебро, малахиты и ляпис-лазури, эмали и мозаики, атлас и бархат, драгоценнейшее дерево и кость, золоченая бронза и паркет, великолепные бильярды и рояли, тысячные кареты и сани. Все это, должно быть, из волшебных чертогов каких-то, из стеклянных дворцов прилетело, где люди жареными райскими птицами питаются, жар-птичьими перьями одеваются. И это-то и есть наша настоящая Россия, какую мы знаем и видим?» [31. Стлб. 640–641].

Однако, продолжает обозреватель, «даже и в этом-то во всем какая фальшь и неправда! Неужели наши серебряники и золотых дел мастера весь свой век только и знают, что лить да чеканить кубки, чарки, ковши, енды и кувшины,

да вдобавок ложечки и вилочки, сухарицы с накинутой салфеткою..? Иной, право, подумает, что серебряникам нашим (истинно превосходным по работе, каковы Сазиков, Хлебников, Овчинников и другие) только и работы, что для вечных пьяниц и обжор [...], для подарков сильфидам-дамам и безголовым шалопаям. [...] Но где же есть тут одна тысячная доля того, чем мы могли бы похвастаться и погордиться перед всеми? Вспомните бесконечные благочестивые приношения в церковь, вспомните гражданские поднесения, кабинеты, про которые у нас прочитаешь каждую минуту. Где все это, куда скрылось? ... Да хоть бы знаменитую “чернильницу” М.Н. Каткова в Париж послали!» [31. Стлб. 640–641].

Что касается чернильницы Каткова, то необходимо пояснить, что Стасов имел в виду получивший широкую известность подарок (Н.А. Некрасов посвятил ему ироничное стихотворение, в котором содержится краткое описание: «...Огромный кусок Лабрадора, / На нем богатырь-великан / В славянской кольчуге и в шлеме, / Потомок могучих славян...» [32. С. 437]), преподнесенный М.Н. Каткову в 1865 г. Чернильница

Чернильница М.Н.Каткова, 1865

в виде богатыря, выполненного в мастерской Сазикова по модели Н.А. Рамазанова, была подношением от московских дворян, и по некоторым оценкам призвана была в метафорическом образе воплотить идею русского патриотизма.

Стасов в целом верно подметил отличительную социальную двойственность визуальных воплощений русскости для иностранных зрителей: с одной стороны, изделия меховой и ювелирной промышленности, с другой — лапти, пенька и мочало, а также произведения ручного труда.

Выставки в Антверпене (1885) и Париже (1889): повторение пройденного

Менее масштабная Всемирная выставка в Антверпене в 1885 г. для России не была триумфальной — ее участие было подтверждено очень поздно, ситуацию спасла лишь инициатива частных лиц. О Русском отделе на этой выставке сохранился детальный отчет журналиста А.А. Ефрона, в котором он, как и другие российские посетители, иронизировал относительно преобладавших в экспозиции «ситцевых и бумажных изделий» и «разнообразного набора крепких напитков»: «всякий [...] мог прийти к заключению, что в России и поныне народ гуляет в ситцевых халатах и пьет водку» [33. С. 106]. Знакомым рефреном звучат укоризненные слова о том, что не показаны достижения промышленного и ремесленного производства. В оформлении самого Русского павильона (которое было сделано бельгийским архитектором) снова активно были задействованы мотивы, удачно зарекомендовавшие себя раньше: элементы

деревянной резной работы, воспроизводящие древнерусский стиль XVI–XVII вв. [33. С. 116]. Вниманием посетителей пользовалась конусообразная колонна, сделанная из разнообразных так называемых шведских спичек, головки которых «по всем сторонам представляют рельефные гербы», а «крышка пирамидально-го конуса оканчивается острым шпиком, на котором стоит [...] восковая фигура в национально великорусском костюме; в руке великоруса развевается русский национальный флаг» [33. С. 116].

На этой выставке также не обошлось без резной избушки, но скромного масштаба — павильона Якова Прозорова, в котором были представлены традиционные льняные изделия; и, как обычно, большой успех имели русские меха. Перед этим отделом меховщик А. Грюнвальдт (постоянный участник всемирных выставок) выставил огромное чучело белого медведя, которое издавало глухой рык при прикосновении к нему. Впрочем, чучела медведей непременно сопровождали его выставку-продажу дорогих меховых изделия — так что стереотипные ассоциации России с медведем продолжали воспроизводиться и активно использовались в прагматических рекламных целях.

В 1889 г. проходила очередная Парижская выставка, приуроченная к юбилею Французской революции; по этой причине Россия официально в ней не участвовала, присутствуя лишь «в частном порядке». Между тем это была сама грандиозная за сорок лет по масштабам и представительству стран выставка. Уровень организации, однако, не сказался на репрезентативной стратегии русскости. Она осталась прежней. Вновь были сооружения в древнерусском стиле: вход (фасад) Русского отдела был оформлен в виде Кремлевской стены, к которой со стороны вестибюля приделана «обшивка, изображающая стену с наружной стороны», а из-за нее «выступает декоративная картина, изображающая куполы на голубом небе» [34. С. 364]. Среди павильонов Марсова поля стояла современная русская изба, а на отдельной общей выставке «История жилища» Россию представлял двухэтажный то ли «боярский дом», то ли еще одна «русская изба XV в.» с лестницей. Один из русских посетителей сообщал, что «некий коммерсант» занял своими товарами весь русский дом, где «продает русские деревянные изделия, более всего игрушки, внизу попросту открыл питейно-закусочное заведение» [34. С. 367]. Впрочем, о последнем художник М.В. Нестеров, посетивший выставку, отзывался в одном из писем родным гораздо более благосклонно: там «торгует всю некий Дмитрий Филимонович [...] Наружу лежит черный хлеб, самовары, внутри обтянуто кумачом, и на полках русская деревянная посуда, и на столе большой самовар, [...] штук пять француженок не говорят ничего, кроме “русский квас” и “хорошо”. К избе подходят группы любопытных и смотрят, как на жилище дикарей, улыбаются и отходят дальше. Много тут русских, им особый почет, и скидка, и куски получше. Позавтракали плотно, ели щи и кашу, пили чай и ушли довольные» [35. № 36].

В составе российских экспонатов этой выставки появляется то, что можно уже назвать отчасти сувенирной продукцией, сделанной на потребу иностранной публике: «нынче в Париже можно было рассматривать целый шкаф, набитый русскими кружевами и вышивками, только такими, где было столько же русского, как в каком-нибудь несчастном романсе: “Тройка” или “Красный сарафан”. Тут все было фальшь, и безвкусие, и новейшая подделка — вышитые какие-то криворожие мужички, снимающие шляпу с головы, какие-то гуси и обезьяны, какие-то противные кусты и цветы из стриженных дачных садов» [31. Стлб. 644].

Среди российских экспонатов в качестве атрибутов русскости по-прежнему можно было увидеть огромные русские самовары, пудовые свечи, груды

сибирских мехов и громадные бочки с икрой у входа в русский павильон, но было и еще одно: на высоком пьедестале возвышался громадный кубический монолит чернозема, каждая грань которого составляла два метра, который был привезен из-под Воронежа [11. С. 115]. Это призвано было символизировать плодородие русской земли, а, следовательно, вновь обращало зрителей к идее России как житницы Европы — от которой так стремились скорее отказаться как от центрального пункта репрезентации в середине столетия.

Русская красота: богатыри, красные рубахи и сарафаны

Нельзя не отметить и другие попытки визуального изображения русскости, которые воплощались (что было типично для этнографических экспозиций того времени) в костюмах и предметах материальной атрибуции этничности. На выставке 1878 г. у входа в русский отдел можно было видеть манекены в национальной одежде разных народов Империи, в том числе и великорусов. Однако в другие годы их представляли не манекены, а живые люди. По их облику и одежде посетители должны были легко угадать национальную принадлежность, поэтому в ход снова шли сарафаны и яркие косоворотки. Очень важным признаком становится также неременная внешняя привлекательность этих представительниц русского физического типа.

На выставке 1862 г. это был персонал русского трактира, в котором, как писал В. Соболевский, «несколько отборных красавцев, московских парней, одетых в шелковые разноцветные рубашки, прислуживают русским посетителям. [...] Русская девушка в красном шелковом сарафане и в повязке наливает чай» [20. С. 19].

И четверть века спустя «живые экспонаты» были призваны продемонстрировать красоту и стать русских людей: «Распорядители выставки (Антверпенской, 1885 г.— М.Л.) выписали из России шесть красивых солдат для присмотра за русским отделом. Эти рослые и brave молодые в своих белых и красных мундирах лейб-гвардии конного, кавалергардского и казачьего полков обращали на себя всеобщее внимание посетителей...» [33. С. 116]. Этим «великанов» удостоил своим вниманием бельгийский король, открывавший выставку [36. С. 8—10]; и именно они должны были ассоциироваться с определением «русские богатыри».

Очевидцы писали, что владимирские плотники из России, возводившие Русскую избу к выставке 1867 г., также оказались прекрасными репрезентантами русскости еще до открытия, поскольку и в действительности, и для парижан выступали представителями «настоящих» русских крестьян. Несмотря на то, что такая задача перед ними официально не ставилась, «всеобщее внимание» в Париже они вызвали. При этом одеты они были вовсе не в повседневную рабочую одежду, а в те костюмы, которые декларировались как национально-русские: на них были «красивые цветные рубашки» и «плисовые штаны» (как и красный сарафан у женщин, это те самые элементы праздничного наряда крестьянина великорусских губерний, в котором он изображался в этнографических альбомах XIX в. [22. С. 512—522]). Русский посетитель В. Андреев прекрасно понимал это: «Красивая одежда делала из них скорее идеальных, или “праздничных крестьян”, но они сделали свое дело как действительные работники» [37. С. 44].

Желание русских зрителей увидеть свою страну с лучшей стороны диктовалось очевидным ее отставанием от крупнейших промышленных держав Европы (до значительных экономических перемен в Российской империи в 1880-е годы), поэтому почти во всех заметках звучит недовольство составом экспонатов, которые соотносились с образом прежней, доиндустриальной России — богатой

ресурсами, но крестьянской, все же аграрной и потому остающейся для европейцев варварской, — страны, государства в историческом прошлом. Поддерживало такое восприятие, по мнению сторонников, в частности, «русского стиля» постоянное стремление показать «ожидаемую» русскость посредством самоваров, икры, водки и т.п. В этом нашли отражение споры о том, как трактовать национальную самобытность вообще, не только русскую: как ограниченный (рамками европейской культуры) «умеренный» экзотизм экономически развитого государства, с акцентом на «достижениях» титульной нации, или же как воплощение идеи продолжения древней исторической традиции, связываемой с этнокультурным сообществом (не независимо от наличия государственности и его места в ряду «развитых» и «прогрессивных» европейских народов).

Конфликт этнографизма, опирающегося на попытки закрепить отождествление великоруса с представителем русской нации в целом [22. Гл. 6] и русского экзотизма для репрезентации вовне, дополнялся еще одной особенностью представлений о показе национального своеобразия России. Оно было обусловлено, несомненно, программой «русского стиля» и историзма в искусстве. Историческим отрезком, в максимальной степени воплощавшим незамутненную русскость, была «избрана» эпоха XVI—XVII вв. Ее архитектурные формы, прежде всего деревянного зодчества, резьба, узорочье; боярские костюмы, царские облачения, воинские доспехи и оружие, графика, а также утварь, посуда, интерьер и т.п. в том виде, который был реконструирован археологами и историками, — эти и другие элементы декларировались как исконно и истинно русские. Поэтому стилизация и имитация осуществлялась именно по этим образцам. С другой стороны, русскость продолжала соотноситься прежде всего с крестьянством, причем в двойной ипостаси: идеализированного пейзажника (продолжая, таким образом, традицию визуализации русской этничности, восходящую еще к рубежу XVIII—XIX вв. [38. С. 295—296] и современного крестьянина с атрибутами его новой жизни (после Великих реформ и с наступлением модернизации).

Некоторые авторы полагали, что нужно вовсе отказаться от любых привычных ассоциаций со стереотипами русских в Европе (медведи, самовары, лен, меха) — пусть даже в ущерб рекламным и торговым целям. Однако возникал вопрос, как, не используя прежние визуальные клише, отразить этнонациональное своеобразие — ведь на выставках все государства стремились к демонстрации своих специфических атрибутов (включая экзотику заокеанских колоний) и к созданию новых символов. Демонстрация национального для европейской публики формировала не только иного адресата экспонирования, но меняла сам ракурс репрезентации. Однако и в России не сложилось еще однозначной интерпретации «национальности русской», что нашло выражение в спорах о способах и формах ее визуализаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Rydell R.W.* The Literature of International Expositions // *The Books of the Fairs: Materials about World's Fairs, 1834—1916.* Chicago; London, 1992.
2. *Historical Dictionary of World's Fairs and Expositions, 1851—1988* / Ed. by J.E. Findling and K.D. Pelle. New York; Westport, Connecticut; London, 1990.
3. *Allwood J.* The Great Exhibitions. London, 2001. 2-d ed.
4. *Benedict B.* International Exhibitions and National Identity // *Anthropology Today.* 1991. Vol. 7. № 3. June.
5. *Шевеленко И.* Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М., 2017.

6. *Найт Н.* Империя на просмотре: этнографическая выставка и концептуализация человеческого разнообразия в пореформенной России // *Власть и наука, ученые и власть. Материалы международного научного colloquiuma.* СПб., 2003.
7. *Луконин Д.Е.* Всемирные выставки второй половины XIX в. как арена столкновения националистов // *Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории.* Ставрополь; Пятигорск; М., 2008.
8. *Brooks J.* The Russian Nation Imagined. The Peoples of Russia as Seen in Popular Imagery. 1860–1890-s // *Journal of Social History.* 2010. Vol. 43. № 3.
9. *Дианина Е.* Достоевский в Хрустальном дворце // *Новое литературное обозрение.* 2002. № 57.
10. *Dianina K.* When Art Makes News: Writing Culture and Identity in Imperial Russia. DeKalb, 2013.
11. *Шпаков В.Н.* История Всемирных выставок. М., 2008.
12. *Кошелев А.И.* Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку. М., 1852.
13. *Lazari de A., Riabow O., Żakowska M.* Europa i niedźwiedz. Warszawa, 2013.
14. *Успенский В.* Типология изображений «русских медведей» в европейской карикатуре XVIII – первой трети XIX века // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / Под ред. О.В. Рябова и А.де Лазари. М., 2012.
15. *Луконин Д.Е.* Проблемы саморепрезентации русской национальной экспозиции на Всемирных выставках XIX века (к вопросу о позиции В.В. Стасова) // *Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник.* Саратов, 2008. Вып. 5.
16. *Стасов В.* После Всемирной выставки // *Стасов В. Собр. соч. В 3-х т.* СПб., 1894. Т. 1.
17. *Харитонов А.В.* Архитектура русских павильонов на всемирных выставках в период с 1851 по 1911 гг. Образ и функция // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2017. № 4(1).
18. *Кириченко Е.И.* Русская архитектура 1830-х – 1910-х гг. М., 1978.
19. *Стасов В.* Нынешнее искусство в Европе. Художественные заметки о Всемирной выставке в Вене // *Стасов В. Собр. соч. В 3-х т.* СПб., 1894. Т. 1.
20. *Собольщиков В.* Взгляд на Всемирную выставку две недели спустя после ее открытия. СПб., 1867.
21. *Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г.* М., 2017.
22. *Лескинен М.В.* Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016.
23. *Майорова О.Е.* Славянский съезд 1867 года: метафорика торжества // *Новое литературное обозрение.* 2001. № 51. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/mayor-pr.html> (дата последнего обращения – 02.08.2018).
24. *Лескинен М.В.* Материальные атрибуты этнической идентификации в визуальных репрезентациях народов России XIX в. // *Традиционная культура.* 2011. № 1 (41).
25. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897.
26. *Богданов А.П.* Антропологическая физиогномика // *Русская расовая теория до 1917 г.* Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В.Б. Авдеева. В 2-х вып. М., 2004. Вып. 1.
27. *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.
28. *Руан К.* Новое платье империи. История российской модной индустрии. 1700–1917. М., 2011.
29. *Я-въ С.* Венская всемирная выставка. Изделия П.А. Овчинникова на Венской выставке // *Всемирная иллюстрация.* 1873. № 233. Т. IX.
30. [Б.а.] Париж и Всемирная выставка // *Вестник Европы.* 1878. № 7.
31. *Стасов В.* Наши итоги на Всемирной выставке // *Стасов В. Собр. соч. В 3-х т.* СПб., 1894. Т. 1.
32. *Некрасов Н.А.* Чернильница // *Некрасов Н.А. Собр. соч. В 3-х т.* М., 1959. Т. 2.
33. *Ефрон А.А.* Всемирная выставка и русские экспонаты. С указанием фабрик и заводов. СПб., 1886.
34. [Б.а.] Всемирная выставка в Париже. Письмо второе // *Вестник Европы.* 1889. № 7.
35. *Нестеров М.* Письма. Избранное / Вступ. статья, сост., комм. А.А. Русаковой. Л., 1988. URL: <http://art-nesterov.ru/letters.php> (дата последнего обращения – 05.12.2018).
36. *Ронин В.К.* Россия на всемирных выставках 1885 и 1894 гг. // *Славяноведение.* 1994. № 4.
37. *Андреев В.* Очерк Всемирной выставки 1867 года. СПб., 1867.
38. *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКЕ СРАВНЕНИЯ
«ЯКОЖЕ НЕЦИИ ОТ ХИТРЫХ НОРЕЦ...»
ИЗ ПОХВАЛЬНОГО СЛОВА
ВАРЛААМУ ХУТЫНСКОМУ
ПАХОМИЯ ЛОГОФЕТА

© 2019 г. Н.В. Пак

Канд. филол. наук, специалист по учебно-методической работе Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова

E-mail: nataliya.pak@gmail.com

Статья посвящена творческой истории Похвального слова Варлааму Хутынскому – одного из самых ранних сочинений, написанных знаменитым русским агиографом Пахомием Логофетом. В 1-й части статьи оспаривается мнение В.М. Кириллина о том, что источником Похвального слова Варлааму Хутынскому было Похвальное слово митрополиту Петру, и вводится в научный оборот неизвестный ранее источник – Слово на Воздвижение Креста. Из него Пахомий Логофет позаимствовал два фрагмента, в первом из которых было сравнение «якоже неции от норец...». Результаты сопоставления всех трех памятников заставляют пересмотреть вопрос об авторстве Похвального слова митрополиту Петру, которое в научной традиции атрибутировалось митрополиту Киприану. Во 2-й части статьи рассмотрен вопрос о влиянии Похвального слова Варлааму Хутынскому на русскую литературу. В заключение автор приходит к выводу о необходимости пересмотра датировки Жития Сергия Радонежского в переработке Пахомия Логофета в свете старых и новых данных.

The article is dedicated to the original history of Panegyric of Varlaam of Khutyn – one of the earliest works, written by famous Russian hagiographer Pachomius Logothetes. In the first part of the article, the V.M. Kirillin's opinion that the source of Panegyric was a Panegyric of Metropolitan Peter is disputed, and the previously unknown source is introduced into scholarly use – The Sermon on The Exaltation of the Holy Cross. Therefrom Pachomius Logothetes draw upon two fragments, in the first of which there was an analogy «as some of the pearl divers...» The results of the comparison of all three literary monuments make us reexamine the authorship of Panegyric of Metropolitan Peter, which is – according to scholarly traditions – attributed to Metropolitan Cyprian. In the second part of the article, the influence of Panegyric of Varlaam of Khutyn on Russian literature is considered. Finally, the author comes to the conclusion on the necessity of reviewing the date of the Life of Sergius of Radonezh in Pachomius Logothetes's versions in the light of old and recently discovered facts.

Ключевые слова: древнерусская литература, Пахомий Логофет, митрополит Киприан, Похвальное слово Варлааму Хутынскому, Похвальное слово митрополиту Петру.

Keywords: Old Russian literature, Pachomius Logothetes, Metropolitan Cyprian, Panegyric of Varlaam of Khutyn, Panegyric of Metropolitan Peter.

DOI: 10.31857/S0869544X0004198-0

Это редкое сравнение содержится в Похвальном слове Варлааму Хутынскому, «в немже имать нѣчто и на иудеи» (нач. «Память праведнаго с похвалами быва-ет...»), которое во многих рукописях имеет прямое указание на автора и считается бесспорным сочинением Пахомия Логофета [1. С. 114–119]. Некоторое время назад В. М. Кириллин указал источник этого памятника – Похвальное слово митрополиту Петру, приписываемое авторству митрополита Киприана. По мнению исследователя, из него Пахомий Логофет заимствовал несколько больших фрагментов [2. С. 49; 3. С. 45; 4. С. 109–114, 138; 5. С. 183–187; 6. С. 67–72; 7. С. 978–983, 1018], в одном из которых было сравнение «якоже неции от хитрых норец...». Хотя между Похвальным словом митрополиту Петру и Похвальным словом Варлааму Хутынскому действительно имеются параллели¹, упомянутое сравнение читается еще в одном памятнике – Слове на Воздвижение Креста, приписываемом Иоанну Златоусту (нач. «Что реку или что возглаголю...», ВHG 446, Aldama 494, CPG 4525).

Ниже приводится текст всех трех памятников, текстуальные совпадения выделяются полужирным шрифтом. Похвальное слово Варлааму Хутынскому здесь и далее цитируется по списку *Тр. 670*, поскольку в нем не искажены чтения оригинала «иже въ пролѣтїи», «часω(м)» и «норець»², Похвальное слово митрополиту Петру – по старшему полному списку *Погод. 866*.

Пример 1

Слово на Воздвижение Креста		Похвальное слово Варлааму Хутынскому	Похвальное слово митрополиту Петру
Καὶ γάρ τινές εἰσι τῶν κολυμβητῶν ῥίπτοντες ἑαυτοὺς ἀπὸ τοῦ σκάφους ἐπὶ τὴν θάλασσαν, περιερχόμενοι τὸν βυθόν, βουλόμενοι μαργαρίτην ἀνιμῆσασθαι·	Аще бо нѣцїи оть норець вмѣтающе себе оть кораблей в море, ищюще бисерь изяти:	но чюдеса оста вльше и паки к похвалѣ оустремимь(с) яко нѣцїи ѿ хытры(х) норець в море ѿ ко раблеи себе вмѣтаю (т).	но чюдеса оставль, паки къ похвалѣ ѿстремимсѧ. яко(ж) нѣцїи ѿ хитры(х) норець въ море ѿ кораблеи къ ³ себѣ вмѣтаю т
		ищѣше бисерь изати.	ищѣше бисерь изати.

¹ Этот факт был отмечен ранее Б. М. Клоссом [8. С. 34].

² Списки, по которым этот памятник цитируют другие авторы, содержат ошибочные чтения «въ пролїтїи» РГБ, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 705, л. 313об.: 9, «члко|мъ» РГБ, ф. 299 (собрание Н. С. Тихонравова), № 705, л. 313об.: 10–11; «норече» Тр. 631, л. 101: 15 и не годятся для сопоставления с интересующими нас источниками.

³ Так в рукописи

<p>ἡμεῖς δὲ ἔχοντες ἀντὶ σκάφους τὴν Παλαιὰν καὶ Καينὴν Διαθήκην, ἀντὶ πηδαλίου τὸν σταυρὸν, ἀντὶ κυβερνήτου τὸν Χριστὸν, ἀντὶ πρῶτος τὸν Πατέρα, ἀντὶ ξεφύρου τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, ἀντὶ ἰστίου τὴν χάριν, ἀντὶ ναυτῶν τοὺς μαθητάς, ἀντὶ ἐπιβατῶν τοὺς προφήτας,</p> <p>οὐκοῦν καὶ ἡμεῖς ρίψομεν ἑαυτοὺς ἀπὸ τοῦ σκάφους ἐπὶ τὸ πέλαγος τῶν νοημάτων, οὐχ ἵνα μαργαρίτην ἀνιμησώμεθα, ἀλλὰ μαργαρίτου τιμιώτερον [9. P. 817].</p>	<p>не многа ли паче мы имуща вмѣсто корабля ветхый и новый Завѣтъ, вмѣсто кормили крестъ, вмѣсто кормьчия Христа, вмѣсто вѣтра Духъ Святый, вмѣсто корабленаго владыки Отца, вмѣсто катарта благодать, вмѣсто гребецъ ученики, вмѣсто корабленикъ пророкы?</p> <p>Не убо ли и мы вмѣтнемъ себе отъ корабля усердно в пучину разумнѣй,</p> <p>не яко да бисеръ изнесемъ, но и всякого бисера честнѣйшее слово хошю изнести отъ глубины разумнѣй? [10. Стлб. 676].</p>	<p>колми же вмѣсто бисера свѣтлое трѣжество прп(д)бнаго варлаа ма дне(с) (<i>Tr. 670</i>, л. 149: 4–10).</p>	<p>колми же паче бисера. свѣтлое трѣжество прѣблжнаго стла петра дн(с)ъ. (<i>Погод. 866</i>, л. 145: 4–10).</p>
---	---	---	--

В заимствованный текст агиограф добавил слово «хытры(х)», дополнил сравнение небольшим переходом от предыдущего повествования и переписал всю вторую часть, чтобы соединить ныряльщиков за жемчугом и празднуемый праздник. Используя лексический и частично грамматический материал источника, русский книжник изменил сам образ, сделав его менее прямолинейным и предсказуемым. В его интерпретации с жемчугом сравнивается церковное торжество в честь святого, а церковное собрание – с ловцами жемчуга, которых нужно превзойти в стремлении к цели на столько, на сколько торжество святого превосходит морской жемчуг.

В. М. Кириллин отметил также, что «особый интерес в Похвале Варлаама вызывает пассаж в виде обличительно-полемиического обращения к некоему “иудею” в защиту христианской традиции почитания святых и их мощей...» [7. С. 985], источник которого найти исследователю не удалось. Первая часть этого пассажа, от слов «хочет бо днесъ» до слов «благовониа насыщаа», обнаруживает соответствие в том же Слове на Воздвижение Креста⁴, при этом в Похвальном слове митрополиту Петру аналогичного отрывка нет. Курсивом выделяются исходный текст, бывший в распоряжении Пахомия Логофета и подвергшийся изменениям, и сделанные изменения.

⁴ Вторая часть восходит к Слову на начало индикта, приписываемому Иоанну Златоусту (нач. «Чюдна православныхъ трѣжества, свѣтлы мученическыя памяти...», ВHG 820, Aldama 185, CPG 4597). Этот источник практически одновременно независимым образом установлен мною и Т. Б. Карбасовой, прочитавшей рукопись настоящей статьи.

Пример 2

Слово на Воздвижение Креста		Похвальное слово Варлааму Хутынскому	Похвальное слово митрополиту Петру
<p>Βούλομαι σήμερον ὑμῖν τράπεζαν παραθεῖναι πνευματικὴν, οὐ σῶμα τρέφουσιν, ἀλλὰ πνεῦμα τειχιζούσαν, μᾶλλον δὲ καὶ σῶμα τρέφουσιν, καὶ ψυχὴν ἀποσμήχουσιν.</p> <p>Τοιαύτη γάρ ἐστιν ἡ τράπεζα πνευματικὴ, σὺ καθὼς ἡ τράπεζα τῶν γαστριμάργων κόρον ἐμποιοῦσα. Λόγος γάρ ἐστι πνευματικὸς εὐωδίας πνέων ὑπομιμνησκόμενος γὰρ αὐτὸν ἄνθρωπος, καθάπερ μύρον μασσόμενος,</p> <p>εὐωδῖαν τιὰ ἐκπέμπει, οὐ μόνον ἑαυτὸν τῇ εὐωδίᾳ παραμυθεούμενος, ἀλλὰ καὶ τοὺς παρεστῶτας αὐτῷ πληροῦσθαι τῆς εὐωδίας ἐκείνης παρασκευάζων [9. P. 817].</p>	<p><i>Хощу вамъ</i> представи днесь трапезу духовную,</p> <p>не тѣло питаюшу, но <i>духомъ</i> <i>защищающую</i>⁵</p> <p>и душу <i>омывающую</i>.</p> <p>Таковая бо трапеза <i>духовная</i>,</p> <p>а не якоже трапеза чревообъастныхъ, <i>сытость творить</i>: слово <i>бо есть</i> духовно, благоюханія полно; воспоминая бо <i>человѣкъ</i>, благовоніе во вся издаваетъ, <i>якоже миро жѣяй</i></p> <p>и благовоніе нѣкое испущаетъ, не токмо себе утѣшаетъ, но и <i>суцая с нимъ исполня</i> [10. Стлб. 676].</p>	<p><i>хоще(т) бо</i> дне(с) трапезѣ дховнѣю прѣ(д)стави.</p> <p>не тѣло питаю щѣ но дхѣ.</p> <p>паче же и тѣло питающѣ, и дшюу <i>свѣтлѣишидо сѣдѣваюцоую</i>.</p> <p>та кова бо <i>е(с)</i> трапеза <i>исполнь дховны(х) браше(н)</i> а не якоже трапеза чревообъаствны(х). <i>но</i> слово дховно блгооуханія исполнено. <i>при(д)бнаго</i> бо <i>памѣти</i>⁶ въ споминаа. <i>яко(ж) нѣкою блговоннѣю пишѣ въ оустѣ(х) и мѣа</i>. и <i>тѣ(м)</i> блговоніе нѣкое испѣщае(т) и не токмо себѣ оутѣшаа. но <i>ины(х) окре ствѣ блговонія насыщаа</i>. (Тр. 670, л. 143: 6–17).</p>	<p>—</p>

Если считать первичным Похвальное слово митрополиту Петру, придется допустить двукратное обращение русских книжников к Слову на Воздвижение Креста: сначала к нему обратился автор Похвального слова митрополиту Петру, используя сравнение с ловцами жемчуга (пример 1), а затем автор Похвального слова Варлааму Хутынскому, позаимствовав фрагмент о духовной трапезе, находящийся всего несколькими строками выше упомянутого сравнения (пример 2). Гораздо правдоподобнее выглядит другая схема: оба заимствования сделаны за один раз одним и тем же автором, который составил Похвальное слово Варлааму Хутынскому, далее из Похвального слова Варлааму Хутынскому второе заимствование перешло в текст Похвального слова митрополиту Петру (пример 1).

⁵ Далее в рукописи (или в издании) Великих Миней Четых пропуск, который восстанавливается по другим спискам, в частности: доб. «паче же и тѣло питающѣю» РГБ, ф. 304.1 (главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 754, XV в., л. 487 об.; 3; доб. «паче же и тѣло питающѣю» РНБ, собрание А.Ф. Гильфердинга, № 53, XVI в., серб., л. 58 об.; 24; доб. «паче (ж) и тѣло питающѣю» РГБ, ф. 212 (собрание Олонецкой духовной семинарии), № 15.1, XVII в., л. 116: 19–20.

⁶ «память» (Тр. 631, л. 84: 11).

⁷ доб. «его» (Тр. 631, л. 84 об.: 3).

Анализ источников подтверждает, что Похвальное слово митрополиту Петру вторично по отношению к Похвальному слову Варлааму Хутынскому. Так, в заимствовании из Слова Исихия Иерусалимского святым апостолам Петру и Павлу (ВНГ 1501f, СРГ 6577)⁸ в Похвальном слове митрополиту Петру нет слова «часω(м)»/«часомъ», которое есть в Слове Исихия Иерусалимского и Похвальном слове Варлааму Хутынскому (выделено полужирным шрифтом).

Пример 3

Слово Исихия Иерусалимского святым апостолам Петру и Павлу	Похвальное слово Варлааму Хутынскому	Похвальное слово митрополиту Петру
Καλὸν μὲν τὸ ρόδον, τῆς ἑαρινῆς	Добро оубо. цвѣтов ⁹ пролѣтны(х).	якоже цвѣто(м) въ прилитїи ¹¹ бываемо(м) доброе ὁ бо
ὥρας αὐτῶ προσφερούσης	часω(м) ¹⁰ к собѣ при носашимъ	ЧАСО(М) к себѣ приносаши(м). абїе облго ховати. но аще къ кринѣ приплетоуть(с). въ лѣпотѣ блгоуханнѣиши бываю(т). и ¹² абие облго ховати. обл аще къ кринѣ приплетѣтса, въ лѣпотѣ блгоуханнѣиши бываю(т).
ὀσφραίνεσθαι, ἀλλ' ἐὰν τῶ κρίνω συμπλακῆ εἰκότως εὐωδέστερον γίνεται·	обюохо(ва)ти. нѣ аще къ криноу припле тоутса, в лѣпогоу блгоуханнѣиши бывають	толми ¹³ же памати прп(д)бны(х). егда приплета емса имь. не блговоленїа ¹⁴ ли исплньна емса. (Тр. 670, л. 142об.: 2–9).
μύρον γὰρ μύρω κίρνᾱται καὶ διπλῆ τῆς ἐντεῦθεν εὐωδίας ἀπόλαυσις γίνεται. [11. Р. 499, 1. 1–4].	мвро бо съ мвромъ сѣмѣшааса соугобо. еже ѿсю доу блгоуханїа наслаж(д)енїе бывае(т). (Волок. III, л. 145: 16–20).	колми же памати сты(х) егда приплѣтаемса имь, не блговонїа ли исполнаемса. (Погод. 866, л. 136: 3–10).

К. Ханник обратил внимание на перевод греч. ἑαρινῆ ὥρα как «пролѣтные часы», при том что в Супрасльском сборнике XI в. греч. ἑαρινός, ἔαρος соответствует «весньнъ» [12. S. 229]. К составителю Похвального слова Варлааму Хутынскому это место попало уже в искаженном виде, о чем свидетельствует сохраненное ошибочное чтение «часомъ» вместо «часовъ», и было им переписано («иже въ пролѣтїи бываемомъ»). Похвальное слово митрополиту Петру отражает дальнейшую порчу переписанного текста, заключающуюся в утрате слова «часомъ». Очевидно, что оно не могло быть источником Похвального слова Варлааму Хутынскому.

Далее, в Похвальном слове Варлааму Хутынскому и 3-й Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского¹⁵ читается фраза «на предлежащее (же) да възвратимся», которой нет в Похвальном слове митрополиту Петру (выделена полужирным шрифтом).

⁸ Указано как источник Похвального слова Варлааму Хутынскому В. Яблонским [1. С. 277]. Параллели между Похвальным словом Варлааму Хутынскому и Похвальным словом митрополиту Петру указаны Б. М. Клоссом [8. С. 34] и В. М. Кириллиным [4. С. 109–114; 5. С. 183–187; 6. 67–72; 7. 978–983].

⁹ Следует читать «цвѣты» [12. S. 228; 13. С. 562. № 4].

¹⁰ Следует читать «часовъ» [12. S. 228; 13. С. 562. № 4].

¹¹ «в пролѣтїи» (Соф. 1500, л. 60об.: 1).

¹² нет (Соф. 1500, л. 60об.: 2–3).

¹³ «Колми» (Тр. 631, л. 82: 13).

¹⁴ «блговонїа» (Тр. 631, л. 82об.: 1).

¹⁵ Указана как источник Похвального слова Варлааму Хутынскому Б. М. Клоссом [8. С. 34].

Пример 4

3-я Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского	Похвальное слово Варлааму Хутынскому	Похвальное слово митрополиту Петру
<p>...иже равноангелским житиемъ землю же и самыи въздухъ възрасти, исполнившаго и Духом Святымъ вѣрное ему стадо иноческое на пажити животныя наставившаго.</p> <p>На подлежащее же да възвратимся,</p> <p>яко да навькнем извѣстно, откуда сии таковыи великии свѣтилникъ в послѣдняя времена сиа вѣсия.</p> <p>Егда от Иерусалима или от Сиона, — ни, рече, — но убо Русская великая земля... [14. С. 378].</p>	<p>но ѡбо мы възлюбленїи бѣборны(х) съборище, оставльше. си бо чада безаконнаго грѣ]ха правноуци. си да праз(д)нѣють нечести ве. понеже м(д)рѣствѣю¹⁶ непрп(д)бне и¹⁷ ѡ си(х),¹⁸</p> <p>на пре(д)лежащая²¹ да въ(з)вратимъ(с)</p> <p>яко да навь кне(м) ѡкѣдоу сїи таковыи великыи свѣ тилникъ</p> <p>вѣсїа.</p> <p>егда²² ѿ іер(с)лма, или ѿ синаа. ни ре(ч), но великы новъ гра(д) такова(г) свѣтилника възрастити²³ (Тр. 670, л. 143об.: 23–144: 8).</p>	<p>вса земля рѣс(с)каа, тобою ѡтврѣжася. ѡ сщєныи съборь,¹⁹ и хви людие бѣгосъбрании азъкъ стѣи, и²⁰ цр(с)кое сщєние.</p> <p>—</p> <p>яко да на выкнемъ; ѡкѣдѣ сїи таковыи великыи свѣ тилникъ</p> <p>вѣсїа. </p> <p>егда²⁴ ѿ іер(с)лима, или ѿ сионае.²⁵ни ре че. но ѿ земля волыньскїа.²⁶ (Погод. 866, л. 136об.: 23–137: 7).</p>

Здесь нужно отметить не до конца осознанную исследователями проблему датировки Жития Сергия Радонежского в переработке Пахомия Логофета. Принято считать, что Похвальное слово Варлааму Хутынскому, старший список которого датируется 1438 г., написано в первый новгородский период творчества Пахомия Логофета, еще до пребывания в Троицкой лавре и редактирования Жития Сергия. Между тем сопоставление текстов говорит о первичности Жития Сергия в 3-й Пахомиевской редакции по отношению к Похвальному слову Варлааму Хутынскому: «[...] фрагмент “яко да навькнем, откуда сий таковой великий светилникъ вѣсия [...] но от земля Волыньскїа” представляет переделку Жития Сергия Радонежского Третьей Пахомиевской редакции...» [8. С. 34]. Следуя показаниям текстов, 3-ю Пахомиевскую редакцию Жития Сергия (а также и послужившие ее источниками 1-ю и 2-ю) нужно относить ко времени до 1438 г., однако Б. М. Клосс датирует ее более поздним временем: «Составление Третьей редакции следует датировать временем около 1442 года, так как в заключительной похвале Сергию делается акцент на его чудесной

¹⁶ «моудрѣствоуютъ» (Тр. 631, л. 86об.: 10).

¹⁷ нет (Тр. 631, л. 86об.: 11).

¹⁸ доб. «но» (Тр. 631, л. 86об.: 11).

¹⁹ «соборе» (Соф. 1500, л. 61об.: 14).

²⁰ нет (Соф. 1500, л. 61об.: 15).

²¹ «пре(д)лежащее» (Тр. 631, л. 86об.: 12).

²² «еда» (Тр. 631, л. 87: 2).

²³ «възрасти» (Тр. 631, л. 87: 6).

²⁴ «еда» (Соф. 1500, л. 61об.: 18).

²⁵ Так в рукописи; «ѿ синаа» (Соф. 1500, л. 61об.: 18–19).

²⁶ «вельнскїа» (Соф. 1500, л. 62: 1).

способности примирять враждующих “православных царей” (в 1442 г. произошло примирение Василия Темного с Дмитрием Шемякой в Троице-Сергиевом монастыре). В тексте самой редакции превозносятся добродетели князя Юрия Дмитриевича (отца Шемяки), подчеркивается его роль в построении Троицкого каменного собора. В то же время автор не обошел похвалами “благоразумного” и “великодержавного русского царя” Василия Васильевича» [14. С. 168].

Поскольку мы установили, что из двух анализируемых похвальных слов Похвальное слово митрополиту Петру написано позднее, к числу известных источников Похвального слова Варлааму Хутынскому следует добавить Слово на Воздвижение Креста.

В свое время В. Яблонский определил круг источников «риторических украшений» Пахомия Логофета, ограничивающийся, как выяснилось, житиями египетских, палестинских и афонских монахов разного времени и продукцией афонско-тырновской книжной школы [1. С. 275–284]²⁷. Новонайденный источник на первый взгляд кажется исключением из правила. Однако Слово на Воздвижение Креста, равно как и Слово Исихия Иерусалимского святым апостолам Петру и Павлу, входит в состав так называемой Студийской коллекции – многотомного собрания житий и похвальных слов, созданного южнославянскими книжниками XIV в. при возможном участии патриарха Евфимия Тырновского, – под 14 сентября [15. С. 313. № 14]²⁸ и 29 июня соответственно [15. С. 331. № 12]²⁹.

После установления относительной хронологии памятников становится очевидным также, что митрополит Киприан, умерший в 1406 г., не мог быть автором произведения, созданного на основе похвального слова Пахомия Логофета, первый период творчества которого относят к 1429–1438 гг. [1. С. 12–16]. Таким образом, возникает необходимость заново рассмотреть вопрос об авторе Похвального слова митрополиту Петру и дополнить аргументацию Б. М. Клосса против атрибуции этого сочинения митрополиту Киприану еще несколькими соображениями.

Н. Дончева-Панайотова атрибутировала это сочинение митрополиту Киприану [16; 17; 18; 19; 20] на следующих основаниях:

«1. По-ранният препис на това произведение – Погодинският³⁰, – който е от края на XV – началото на XVI в., сочи по категоричен начин за негов автор в наслова Киприан.

2. Отдавна в науката се знае, че Киприан е написал житие и служба на първия общоруски светец Петър. Към тях според мен трябва да се прибави и новооткритият канон на същия светец, който също е озаглавен като “творение Киприана митрополита”. Или щом като Киприан е написал житие, служба и канон на митрополит Петър, логично и оправдано от средновековната книжовна практика е да се очаква, че той му е посветил и похвално слово.

3. В предлаганото “Похвално слово за Петър” се открояват цели пасажи, които са буквални заемки от Киприановото житие на същия светец. Даже може да се твърди, че първата биографична част на творбата представлява извлечение на най-важните моменти от житието.

²⁷ Не укладывается в этот круг только Похвала святому Клименту, патриарху Римскому, написанная Климентом епископом (нач. «Небо радуется и веселится...») [1. С. 281]. Вопрос о влиянии этого памятника на творчество Пахомия Логофета нуждается в пересмотре.

²⁸ О времени и месте перевода Слова на Воздвижение Креста нет никаких данных, южнославянские списки памятника не восходят ранее XIV в. [13. С. 213. № 14].

²⁹ Сохранившиеся южнославянские списки Слова Исихия Иерусалимского также не восходят ранее XIV в. [13. С. 562. № 4].

³⁰ Исследовательница ввела в научный оборот два списка памятника: *Погод. 866* и *Соф. 1500* [16. С. 99]. Р. А. Седова при публикации текста использовала также третий список – Новосибирск, ГПНТБ, собрание М. Н. Тихомирова, № 280, сер. XVI в. [21. С. 96].

4. Езиковите и стилните особености на произведението също потвърждават Киприановото авторство. Сравнителният анализ на езика и стила на похвалното слово, житието, службата и канона издава изключително много общности, буквални повторения на цели пасажии, което показва също, че те принадлежат на едно и също авторско перо» [16. С. 99].

В свою очередь Б. М. Клосс привел целый ряд доводов против этой атрибуции: «Вторая часть Похвального слова³¹ представляет переделку Жития Петра Киприановской редакции с дополнениями по различным произведениям Пахомия Логофета: начало (“Се настоит, братие, светоносное празднство...”) и последняя часть (со слов “Но чудеса оставль, паки к похвале устремимся”) находит соответствие в Похвальном слове Варлааму Хутынскому; фрагмент “яко да навикнем, откуда сий таковой великий светилник всия [...] но от земля Волынъская” представляет переделку Жития Сергия Радонежского Третьей Пахомиевской редакции; фрагмент “Дивно же ми есть [...] сподобльшеися быти таковому отроку родителие” совпадает с текстом Жития Сергия Радонежского Второй Пахомиевской редакции³². При этом видим не простое заимствование из сочинений Пахомия Логофета, а творческую переработку, свойственную самому Пахомию. Против же авторства Киприана свидетельствует и титулатура русских митрополитов: следы пропагандируемого Киприаном титула “митрополит Киевский и всея Руси” в Похвальном слове были стерты и остались нейтральные “престол Руския митрополия” и “митрополия Русьскаго престола”. Все это позволяет считать автором Похвального слова Пахомия Логофета и датировать его 70-ми годами XV в.» [8. С. 34].

При обращении к рукописи, упоминаемой Н. Дончевой-Панайотовой [16. С. 99. П. 1], выясняется, что заголовок Похвального слова митрополиту Петру вписан кинноварью в заранее оставленное место уже после написания текста. При этом, очевидно, произошла путаница – и вместо заголовка Похвального слова был второй раз переписан заголовок киприанова Жития митрополита Петра, расположенного несколькими листами ранее. Заголовок был явно слишком велик для отведенного ему места, поэтому писцу приходилось ужимать почерк, использовать более узкие варианты букв («і» вместо «и») и сокращать слова при помощи выносных и написаний под титлом, чтобы уместить текст в 4 строки.

Пример 5

Заглавие Жития	Заглавие Похвального слова
м(с)ца декабра вь. к̄а. дн̄ь. житіе и жизнь. и мало исповѣданіе ѿ чудесь. иже во сты(х) ѡца наше(г) петра архіеп(с)па киѣвскаго и всеа рѣси. списано ки пріано(м) смирены(м) митрополито(м) кіевскы(м), всеа рѣси. г(с) и бл(с)ви ѡ(ч), (Погод. 866, л. 109: 14–20).	житіе и жизнь. и мало исповѣданіе ѿ чудес(с). иже в сты(х) ѡца ншго. петра архіеп(с)па кїевска(г) всеа рѣ(с). списано кипрїанѡ(м) смїрены(м) митрополито(м) кїевскы(м) всеа р<> ³³ (Погод. 866, л. 135об.: 14–17).

³¹ Н. Дончева-Панайотова считала, что Похвальное слово митрополиту Петру состоит из двух частей, начинающихся словами «Праведных душа в руке Божии...» первая и «Се настоит, братие, светоносное празднство...» – вторая [16. С. 99–100]. Б. М. Клосс имеет в виду именно это деление текста. В действительности это два разных памятника, каждый с предначинательным и заключительным возгласами тчеца и своей внутренней логикой.

³² Сейчас мы можем объяснить, почему в одном тексте обнаруживаются заимствования из разных редакций Жития Сергия Радонежского. Фрагмент из 3-й Пахомиевской редакции заимствован составителем Похвального слова митрополиту Петру из Похвального слова Варлааму Хутынскому (см. выше пример 4), а фрагмент из 2-й Пахомиевской редакции – непосредственно из Жития Сергия Радонежского.

³³ Часть текста у переплета заклеена полоской бумаги.

Как уже отмечалось Н. Дончевой-Панайотовой [16. С. 99], второй список имеет другой заголовок: «м(с)ца декамврія въ, к̄а,(и) дн̄ѣ. | слово похвалнѡ на пам̄а(т)| иже во ст̄ы(х) оца̄ нашего петра, | митрополита кiev̄ского | и всеа р̄си чю(до)тво(р)-ца. бл(с)ви ѡ(ч)» (*Соф. 1500*, л. 60: 1–5). Здесь нет указания на авторство Киприана и сам памятник назван Похвальным словом. Характерно, что этот заголовок, без календарной приуроченности, занимает как раз четыре строки. В таком виде он, скорее всего, и должен был читаться в протографе списка *Погод. 866* и в оригинале памятника.

Соображения общего порядка – о том, что, написав житие, службу и канон, Киприан не мог не написать похвальное слово [16. С. 99. П. 2], – разбиваются о текстуальные свидетельства вторичности атрибутируемого книжнику Похвального слова митрополиту Петру по отношению к написанному Пахомием Логофетом Похвальному слову Варлааму Хутынскому (см. выше примеры 1–4).

Общие с киприановым Житием митрополита Петра пассажи [16. С. 99. П. 3], а также языковая и стилистическая общность памятников [16. С. 99. П. 4] не говорят о том, что Похвальное слово написано Киприаном. Скорее всего, оно действительно было создано подражателем Пахомия Логофета, как предполагает А.А. Турилов [22. С. 4].

В заключение следует упомянуть, что сравнение «якоже неции от хитрых норец...» встречается также в Похвале Димитрию Прилуцкому, присоединяемой к Житию святого в Макарьевской редакции, предположительно датируемой началом 70-х годов XV в., и восходящей к ней Минейной редакции, старший список которой датируется 1494 г. [23. С. 54–55, 65]. Ряд чтений говорит о том, что непосредственным источником этого памятника было Похвальное слово Варлааму Хутынскому; это сочинение Пахомия Логофета среди источников Жития Димитрия Прилуцкого до сих пор не называлось. Праздник «Спасенный» 1 августа и бывшее в этот день в монастыре освящение воды несколько раз упоминаются также в чудесах Жития.

Пример 6

Похвальное слово Варлааму Хутынскому	Похвала Димитрию Прилуцкому
<p>но чюдеса оста вьлше</p> <p>и паки к похвалѣ оустремимь(с) яко нѣцїи ѿ хытры(х) норечь в море ѿ ко раблии себе вмѣтаю(т). ищѣше бисерь издати. колми же вмѣсто бисера свѣ тлое трѣжество прп(д)бнаго варлаа ма дне(с)</p>	<p>Но убо слово прекратимъ от чудесь сих неизреченых писати нынѣ, занеже неисчетна суть, яже даруетъ Богъ и до сего днѣ³⁴ молитвами святаго³⁵ преподобнаго Дмитрия иже с вѣрою теплою притѣкающих къ гробу блаженнаго.</p> <p>Еще³⁶ паки всячьскыи к похвалению устремимся, якоже нѣцїи от хитрых норечь в море от корабля себе вмѣтают и ищут бисерь изяти. Колми же паче тлѣннаго бисера нетлѣнное духовное торже//ство, нынѣ добрыми дѣлы обновляюще</p>

³⁴ В рукописи «днѣ».

³⁵ В рукописи далее следует «сего».

³⁶ В рукописи «(и) еще».

чюднаа. в томъ православны(х)|
праз(д)нества. и свѣтлаа прп(д)бнаго
па|мать, испльнь радости блгоч(с)твы(х)|
веселіа.

всакого ѿчишаю(т)
древнаго по|мраченіа.
и вѣрою свѣтлою ѿзараа| дне(с). и
любовію по(д)визаа
на вѣчное те|ченіе

твердааго адаманта. дх̄овны(м)| пивомъ
напои(в)шаго жажѣщаа дша
добродѣтели.
и яко кринь въ юдолѣ| процвѣте. и стѣи
тр(о)ци прѣ(д)стоаа| просвѣщаетъ свѣтло.
тѣмже и| вса вселеннаа, свѣтозарными
лжчамі озарившеса.
въ пресвѣтлѣю| памать

радно ствѣтуетъ трѣже|ствѣтуетъ.

варлаамъ бо предивенъ|³⁹ на земли.
сѣаа яко слнце изрядными чюдесы.
и знаменми просвѣщаа инокъ
мно(ж)ства.
ѿ трислнчное тр(о)ици оугодниче.
ѿ| мощи недоужны(м) исцѣленіе
даруоущи.|

ѿ неистощимыи источниче чудесь.
ѿ| небесныа доброты по(до)біе. что бо
рече| пр(о)р(о)къ, похвалѣмому
праведнику въ(з)вѣселатса людіе.
нынѣ же не токмо людіе| но нб̄о и
землю исполнь радости вижд(о)у.|
настоящаго ра(ди) праз(д)ника.

памат(т) варлаама

дне(с) нб(с)нымъ сила(м)
хвалаши(м) достоино.
прп(д)бныи ликоствѣюще.
и праведнїи дх̄о(м) играюще.

мы же с ними сичев(а)|а хваленїа
принесемъ. и ч(с)тноую главѣ| его
вѣнчающе глѣмъ.

ра(д)уиса свѣтоза|рное слнце
прп(д)бне ѿче нашъ варлааме.|
прогонѣа мракъ грѣховныи. ѿ (sic!)
чтоуши(х)| ти любовію теплою.
(Тр. 670, л. 149: 4—149об.: 18).

свѣтлая и чюдная дньсь³⁷ преподобнаго
память, въ том от православныхъ
свершается, исполнь радости и веселия
благочестивыхъ
сердца же и душа,
всякого очищаетъ
древняго омрачения
и вѣрою свѣтлою озаряя дньсь,³⁸ и
любовію духовною подвизая
на вѣчное течение.

О, твердаго алмаза, питиемъ
духовнымъ напоившаго жаждущая душа
добродѣтели!
И яко бо кринь во юдоли процвете,
просвѣщая свѣтло, святѣй Троицѣ
предостоя. Тѣмже вся вселенная
озарившия свѣтозарными лучами,
въ пресвѣтлоу память
предивнаго сего новаго русскаго чудотворца
радно ликоствѣюще.

Дмитрие, бо пречюдень сый на земли,
сияя, яко солнце, изрядными чудесы и
знаменми просвѣщая инокъ
множества.⁴⁰
О трисолнчный (sic!) Троици угодникъ!
О честныа мощи, болящимъ исцѣление
даруоуще!

О неистощимый источникъ чю//десѣмъ!
О небесныа доброты подобие! Что бо
рече пророкъ: «Похвалѣмому праведнику,
възвеселатса людіе».
Нынѣ же не токмо людіе, но и небо и
землю исполнь радости виждю,
настоящаго спасеннаго ради праздника
божественныа церкви, иже Водамъ освящение.

Но ради памяти праздника преподобнаго
чудотворца сего

дньсь⁴¹ небесныа силы
хваляще достойно,
преподобнии ликоствѣюще,
и праведници духомъ играюще
и постници веселяшеса, от Бога мзду
трудоу своихъ приясте, Царство Небесное.

Мы же с ними сичевая хваления
принесемъ и честную главу его вѣнчаем,
глаголюще:

Радуйся, свѣтозарное солнце чудотворче
отче нашъ Дмитрие, просвѣщая
покаяниемъ озлобленныа зимою
грѣховною, тѣхъ грѣя и обращаая, и възставляя,
яко отецъ чадолюбивый! [23. С. 141].

³⁷ В рукописи «дн(с)ь».

³⁸ В рукописи «дн(с)ь».

³⁹ доб. «си» (Тр. 631, л. 102об.: 2).

⁴⁰ В рукописи «множ(д)ества».

⁴¹ В рукописи «дн(с)ь».

ра(д)уиса незаходимаа sare| бл̄гочестіемъ
всѣ(х) просвѣщаа. (Тр. 670, л. 149об.: 20–21).

ра(д)у|иса чюдеса и знаменни
оудививьи весь|| мирь. и тмѣ ѿгонна
грѣховнѣю.
(Тр. 670, л. 149об.: 23–150: 1).

радоуиса варлааме похвало ино|ческаа.
(Тр. 670, л. 150: 4–5).

радоуиса б̄со(м) побѣ|днице, и аг̄гло(м)
спричастниче. (Тр. 670, л. 150: 7–8).

ра(д)у|иса медоточнии кладазю на н̄же х̄с|
прише(д) възвесели тобою великьи
новь| гра(д). (Тр. 670, л. 150: 1–4).

радоуи|са проповѣднице истинѣ, и
добротѣ| наставниче.

радоуиса бл̄гоѡханнии| крине
бл̄гооуханною любовію всѣхъ| влекьи къ
х̄ж. рад̄биса јако добротою| израдною
оукрашенъ. зрако(м) же с̄іаа|
аг̄гловиднымъ подобіемъ. ра(д)уиса
твердое основаніе ѿчѣствоу своем̄.
егоже| и съхранаи пре(д)стательство(м)
си ѿ врагъ| ненавѣтна.

јако пастырь истинны(и).| полагаа дш̄ѣ
свою за стадо х̄оименитое.| радоуиса
м(д)ростію кипа. јако живото|тное
скровище, и кромѣ всакоа не|чистоты. и
плѣскааго хотѣнїа. ра(д)у|иса јако
вышнїи оумь си пригваж(д)аа.| и ср(д)це свое
вдавъ всенощном̄ стоанїю|
(Тр. 670, л. 150: 8–23).

Радуйся, заре, благочестиемъ всѣмъ
просвѣщая вѣрных! [23. С. 142].

Радуйся, чудесь ради от тебе божественных
удивление всему миру!

Радуйся, иноком трудолюбивым похвало
и лѣнливым обличитель, своимъ
явлениемъ нѣкому от братии повелевая
в тайных молитвах и поклонение колѣну
до земли творити! [23. С. 142].

Радуйся, аггелом съпричастниче и
бѣсовомъ прогонитель!

Радуйся, кладезь живыя воды, на нь же
Христова благодать прииде к нам, и
тобою възвесели град нашъ паче древныя
самаряныни!//

Радуйся, истиннѣ проповѣднице
и добродѣтелем наставниче! [23. С. 142].

Радуйся, прекрасный крине, любовнымъ
взоромъ къ Христу всѣхъ влекый и
аггельскимъ изряднымъ житиемъ
украшенъ сый! Радуйся, твердое
основание граду нашему от находящихъ
враговъ видимыхъ и невидимыхъ теплый
заступникъ нашъ! [23. С. 142].

Радуйся, пастырю добрый, полагаяй (sic!)
душу свою въ молитвахъ к Богу // за
христоименитое стадо свое! Радуйся,
цѣломудренное скровище чистоты, кромѣ
всякаго плотьскаго похотѣнїа! Радуйся,
умь свой к Богу възвышая и сердце
пригвожда въ всенощныхъ молитвахъ!
[23. С. 143].

Житие Димитрия Прилуцкого использовал в качестве источника книжник Василий, во иночестве Варлаам, редактируя в 1547 г. Житие Евфросина Псковского [24. С. 106]. Кроме того, Житие Димитрия Прилуцкого послужило одним из источников Похвального слова Евфимию Суздальскому, написанного иноком Суздальского монастыря Григорием в 60-х годах XVI в. (нач. «Созывает нас днесь, христолюбцы, светлое торжество...»), текст которого практически полностью воспроизводит Похвальное слово Макарию Калязинскому, датированное 80-и годами XVI в. (нач. «Созывает нас днесь, христолюбцы, светлое торжество...»)42. Сравнение «якоже неции от хитрыхъ норещ...» читается во всех этих памятниках.

Частные наблюдения, изложенные в статье, нуждаются в обобщении. Как известно, одним из первых сочинений Пахомия Логофета на Руси было Похвальное слово Варлааму Хутынскому, написанное до 1438 г. Мы можем добавить

42 Источник Похвального слова Макарию Калязинскому установлен Г. С. Гадаловой [25. С. 23]. Житие Димитрия Прилуцкого как источник Похвального слова Евфимию Суздальскому указывается впервые; ранее Б. М. Клосс называл в качестве его источников Житие Сергия Радонежского и Похвальное слово Варлааму Хутынскому [8. С. 370].

несколько деталей к истории создания этого памятника. Для сравнения церковного торжества в честь Варлаама с жемчугом Пахомий Логофет использовал перевод Слова на Воздвижение Креста (пример 1). Из этого же Слова, слегка перефразировав, книжник заимствовал фрагмент о духовной трапезе (пример 2).

Это раннее сочинение Пахомия Логофета оказало влияние на Похвальное слово митрополиту Петру («Се настоит...»), в исследовательской традиции приписывавшееся митрополиту Киприану. Атрибуция основывалась главным образом на ошибочном указании на имя автора в старшем списке (пример 5) и опровергается результатами сопоставления текстов (примеры 1–4). Тем не менее анонимное Похвальное слово митрополиту Петру («Се настоит...») представляет интерес как материал для изучения творческих приемов русского книжника, работавшего в послепахомиевскую и домакарьевскую эпоху (первой четвертью XVI в. датируется старший список). Издание этого сочинения параллельно с его источниками планируется в ближайшем будущем. Безусловную ценность будут иметь подобные издания произведений самого Пахомия Логофета, но еще далеко не все его литературные источники установлены. В настоящее время приходится ограничиваться подробным описанием всех новых источников.

Наконец, необходимо переосмыслить факт влияния 3-й Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского на Похвальное слово Варлааму Хутынскому и уточнить характер взаимоотношений памятников, а возможно, и датировку этапов редактирования Жития Сергия Радонежского⁴³.

* Благодарю Д. Атанасову за любезную помощь в получении копии труднодоступной статьи Н. Дончевой-Панайотовой [18].

СОКРАЩЕНИЯ

- Волок.* 111 – РГБ, ф. 113 (собрание Иосифо-Волоколамского монастыря), № 111, кон. XV или нач. XVI в., л. 145: 13–148: 20. Слово Исихия Иерусалимского святым апостолам Петру и Павлу.
- Погод.* 866 – РНБ, собрание М. П. Погодина, № 866, перв. четв. XVI в., л. 135об.: 14–148: 19. Похвальное слово митрополиту Петру (нач. «Се настоит...»).
- Соф.* 1500 – РНБ, Софийское собрание, № 1500, XVI в., л. 60: 1–72об.: 14. Похвальное слово митрополиту Петру (нач. «Се настоит...»).
- Тр.* 631 – РГБ, ф. 304.1 (главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 631, кон. XV в., л. 81об.: 1–106об.: 11. Похвальное слово Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета.
- Тр.* 670 – РГБ, ф. 304.1 (главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 670, XVI в., л. 142: 17–150об.: 15. Похвальное слово Варлааму Хутынскому Пахомия Логофета.
- Aldama* = de Aldama (J.A.). *Repertorium pseudo-chrysostomicum* (Documents, études et répertoires publiés par l'Institut de Recherche et d'Histoire des Textes). Paris, 1965.
- BHG* = *Bibliotheca hagiographica graeca*. Troisième édition par F. Halkin (*Subsidia hagiographica*, 8a). Bruxelles, 1957.
- CPG* = *Geerard M. Clavis patrum graecorum*. II–III. Turnhout, 1974; 1979.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908.
2. Кириллин В. М. К вопросу о риторическом мастерстве Пахомия Логофета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37).
3. Кириллин В. М. Похвальные речи Пахомия Логофета: К вопросу о риторическом мастерстве писателя // Славянский альманах 2009. М., 2010.

⁴³ На это уже обращала внимание Т. Б. Карбасова [26. С. 257–258].

4. *Кириллин В. М.* Панегирическое наследие Пахомия Логофета // Кириллин В. М. Очерки о литературе Древней Руси: Материалы для истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад, 2012.
5. *Кириллин В. М.* Пахомий Логофет: Слово похвальное преподобному Варлааму Хутыньскому в контексте древнерусской литературы // Труды Минской Духовной Академии. 2012. № 10.
6. *Кириллин В. М.* Пахомий Логофет: Слово похвальное преподобному Варлааму Хутыньскому в контексте древнерусской литературы // Вестник славянских культур. 2013. Т. 28. № 2.
7. *Кириллин В. М.* Панегирическое наследие Пахомия Логофета // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2014. Сб. 16–17.
8. *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв.: Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. М., 2001.
9. *Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Series graeca. Т. 50: S. Joannes Chrysostomus. Parisiis, 1862.
10. Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869.
11. *Aubineau M.* Les homélies festales d'Hésychius de Jérusalem. Vol. I: Les homélies I–XV (Subsidia hagiographica, 59). Bruxelles, 1978.
12. *Hannick Ch.* Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur (=Wiener byzantinistische Studien, XIV). Wien, 1981.
13. *Иванова К.* Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София, 2008.
14. *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
15. *Юфу З.* За десетомната колекция Студион (Из архива на румънския изследвач Йон Юфу) // Studia Balcanica, 2 (=Проучвания по случай Втория международен конгрес по балканистика). 1970.
16. *Дончева-Панайотова Н.* Неизвестно «Похвално слово за Петър» от Киприан // Литературна мисъл. 1975. № 1.
17. *Панайотова Н.* Киприановото «Похвално слово за Петър» в българската и руската панегирична традиция // Език и литература. 1977. № 2.
18. *Дончева-Панайотова Н.* Неизвестно «Похвално слово за митрополит Петър» от Киприан Цамблак (Изследване и текст) // Старобългарска литература. Кн. 2: Българо-руски литературни връзки през средновековието. София, 1977.
19. *Дончева-Панайотова Н.* Цикъл произведения за митрополит Петър от Киприан // Търновска книжовна школа. София, 1980. Кн. 2.
20. *Дончева-Панайотова Н.* Поетика и стилистика на житието и похвалното слово за митрополит Петър от Киприан // Руско-балкански културни връзки през средновековието. София, 1982.
21. *Седова Р. А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.
22. *Турилов А. А.* Митрополит Киприан и русская культура его времени (новые аспекты проблемы – факты и гипотезы) // Славяноведение. 2017. № 2.
23. Преподобный Димитрий Прилуцкий. Житие и служба / Изд. подгот. С. А. Семячко и Ф. В. Панченко. Вологда, 2018.
24. *Охотникова В. И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Т. 2: Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского (исследование и тексты). СПб., 2007.
25. *Гадалова Г. С.* Защитник земли Русской: к вопросу о почитании преподобного Макария Калязинского // Преподобный Макарий Калязинский – святой заступник земли Русской: Сборник докладов Первых Макарьевских Калязинских чтений (19 мая 2012 года). Калязин; Тверь, 2014.
26. *Карбасова Т. Б.* Новое издание Жития Сергия Радонежского // Русская литература. 2017. № 3.

СУДЬБА ГЕТЕРОКЛИТИЧЕСКИХ ОСНОВ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2019 г. М.Н. Саенко

*Канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: veraetatis@yandex.ru*

Статья представляет собой попытку критически рассмотреть имеющиеся представления о количестве так называемых гетероклитических основ в раннем праславянском, а также проанализировать судьбу этих основ.

The article is an attempt to critically approach existing views on the number of the so called heteroclitic stems in the early Proto-Slavic language and analyse their transformation in the course of time.

Ключевые слова: праславянский язык, праиндоевропейский язык, гетероклитическое склонение, морфология.

Keywrds: Proto-Slavic language, Proto-Indo-European language, heteroclitic declension, morphology.

DOI: 10.31857/S0869544X0004199-1

1.1. Традиционно гетероклитиками называют индоевропейские основы с чередованием суффиксов *(е)г в сильных падежах / -(е)n- в слабых падежах. К ним также примыкает слово «солнце» с чередованием *-l/-n-. Все гетероклитики были среднего рода.

Среди основ этого типа много очень архаичных и непроизводных слов, например, названия печени и солнца (см. ниже). Однако существуют и суффиксальные дериваты, в том числе прозрачные производные от глаголов, например, лат. *iter* (G. *itineris*) «путь», хеттск. *itar* «путь», тох. А. *ytār*, тох. В. *ytārye* «путь, дорога».

1.2. Достоверно продуктивны гетероклитические основы только в анатolianских языках. В хеттском сюда относятся слова *uttar* «слово», *wātar* «вода», *mēḫur* «время», *ēšḫar* «кровь», *paḫḫuwar* / *paḫḫur* «огонь», *lammar* «час», *kut-tar* «шея (?), сила», *šēḫur* «моча», *pankur* «некая часть тела», а также большое

¹Автор выражает благодарность Р. Шептыньскому и А.А. Трофимову за плодотворную дискуссию и большое количество замечаний, позволивших значительно улучшить статью, а также Л. Репаншеку за консультации по материалу статьи.

количество производных лексем с суффиксами *-atar* / *-ātar*, *-eššar*, *-āwar* и *-mar* [1. P. 124–130].

В греческом мы также находим значительное количество таких слов (в косвенных падежах основа расширяется при помощи форманта *-t-*, по всей видимости, по аналогии с основами на **-nt-*): ἥπαρ (G. ἥπατος) «печень»; οὐθαρ (G. οὐθατος) «вымя»; ἦμαρ (G. ἦματος «день»); εἶδαρ (G. εἶδατος) «еда, пища»; ἄλειαρ (G. ἀλείατος) «мука»; ἄλειφαρ (G. ἀλείφατος) «мазь; елей, масло»; δέλεαρ (G. δελέατος) «приманка, наживка»; φρέαρ (G. φρέατος) «колодец»; πεῖραρ (G. πεῖρατος) «граница, предел, рубеж, край, конец»; στέαρ (G. στέατος) «сало, жир»; κτέαρ (G. κτέατος) «имущество»; ὕδαρ (G. ὕδατος) «вода»; σκῶρ (G. σκάτος) «экскременты, навоз». Многие из этих лексем не имеют аналогов за пределами греческого, ряд из них без сомнения является новообразованиями, например ἄλειφαρ < ἀλείφω «натираю, смазываю маслом» или κτέαρ < κτάομαι «приобретаю, наживаю». В то же время далеко не все праиндоевропейские гетероклитики сохранили свое склонение в греческом: ἔαρ, ἔαρος «весна»; поэтич. ἔαρ, ἔαρος «кровь; сок»; πῦρ, πῦρός «огонь»; ὦρα «период, пора; время года; весна» утратили гетероклизу.

Отдельную группу составляют те существительные среднего рода на *-ар* и *-ор*, у которых засвидетельствована только форма именительного и винительного падежей. В этом случае нельзя определить, является ли слово гетероклитиком или нет, если, конечно, у него нет *-n*-когнатов. Речь идет о следующих случаях: ἐέλδαρ «желание, стремление»; εἶλαρ «защита, убежище»; ἔλωρ «добыча»; λίαρ «жир»; πέλωρ «чудовище».

В ведийском санскрите сравнительно немного классических гетероклитиков, часто они имеют распространение *-j-* или *-t-* в сильных падежах: *ásrk* (G. *asnáḥ*) «кровь»; *yákr̥t* (G. *yaknáḥ*) «печень»; *ūdhar* (G. *údhnaḥ*) «вымя»; *sákr̥t* (G. *śaknáḥ*) «навоз».

В авестийском к гетероклитическим основам относят: *aogar^o* «сила»; *aii-ar^o* (N. pl. *aiiān*) «день»; *^uruθbar^o* «внутренности»; *karšuuar^o* «часть света»; *ta-car^o* «бег»; *θanuuar^o* «лук»; *danar^o* «доля»; *dasuuar^o* «здоровье»; *baēuuar^o* «десять тысяч»; *yākar^o* «печень»; *yār^o* (G. sg. *yā*) «год»; *vadar^o* «оружие»; *vazduuar^o* «упорство»; авест. *rāzar^o* (G. *rāzāng*) «правило»; *snāuuar^o* «сухожилие»; *zafar^o* «рот»; *zāuuar^o* «скорость»; *huuar^o* «солнце» [2. S. 153]. Отметим большое количество новообразований среди этих слов.

В прочих ветвях индоевропейских языков гетероклитическая модель обычно уже непродуктивна, например, в латыни сохраняются лишь три основы: *femur* (G. *feminis*) «бедро»; *iecur* (G. *iocineris*) «печень»; *iter* (G. *itineris*) «путь». В умбрских текстах обнаруживается гетероклитик *utur* (acc.), *une* < **udne* (abl.) «вода». В то же время аблатив слова *pir* «огонь» – *pure*, а аккузатив – *purom-e* [3. P. 111].

В прагерманском языке было как минимум три старые гетероклитические основы – «огонь», «вода» и «солнце». Однако в языках-потомках гетероклитическая парадигма не сохранилась, одни основы обобщили формант *-g-* (или *-l-*), другие – *-n-*. Ср. др.-сканд. *vatn* «вода» и англ. *water*, др.-сканд. *funi* «огонь» и *fúrr/fýrr* «огонь» (поэтич.), др.-сканд. *sól* «солнце» и *sunna* «солнце» (поэтич.) [4. P. 276–277]. Предпринимаются попытки реконструировать и другие основы – «небо» (ср. др.-сканд. *himinn* «небо» и *hammar* «скала; молот»); «жертва (при жертвоприношении)» (ср. др.-сканд. *tafn* и др.-англ. *tifer, tiber*); «слеза» (ср. д.-в.-н. *trahan, zahar*) и «вечер» (ср. др.-англ. диал. *éfern*) [5. С. 267–272; 6. P. 516, 504–505].

Некоторые гетероклитические основы реконструируются и для пракельтского: *wesg-/ *wesn- «весна» [7. P. 417] и *agawar/ *agawen- «зерно» [7. P. 40].

1.3. При этом в ведийском у некоторых существительных мы сталкиваемся также с *-(e)n- в слабых падежах при отсутствии *-(e)г в сильных. В сильных падежах мы встречаемся с большим разнообразием формантов: *-ø, *-om, *-os-ø, *-i-om: N.-A.sg. *dóh* ~ G.sg. *doṣṇáh* «рыба»; N.-A.sg. *yūśám* ~ G.sg. *yūṣṇáh* «мясная похлебка»; N.-A.sg. *śírah* ~ G.sg. *śírṣṇáh* «голова»; N.-A.sg. *āsíyam* ~ G.sg. *āsnáh* «рот» [8. С. 232–233].

На основании этих слов выделяют также третий тип гетероклизы – на *-i/-n- или *-H/-n- [9. S. 20; 10. P. 1; 11. S. 165]. Существуют реконструкции и других типов гетероклизы. Так, А. Неринг восстанавливает индоевропейское название ясного неба как *dejeu (nom.): *dinés (gen.) [12].

Некоторые факты говорят о вторичном введении форманта *-(e)n- в парадигму этих существительных, по всей вероятности, в рамках перевода корневых основ из согласного склонения в более продуктивные типы: такой тип гетероклизы не обнаруживается нигде, кроме ведийского санскрита; наличие параллельной корневой основы для слов «рот» (санскр. *āh*, лат. *ōs*) и «вода»². Возможность перехода между корневыми основами и гетероклитическими нам видится скорее односторонней. Переход из непроемных основ в суффиксальные хорошо известен по большому количеству исторических примеров, в то время как обратные примеры нам не известны. Препятствием не является редкость и сравнительная непродуктивность гетероклитических основ. Точечное влияние непродуктивных типов на продуктивные вполне возможно, ср. слов. *drevo* (G. *drevesa*), *črevo* (G. *črevesa*), *pero* (G. *peresa*), перешедшие из продуктивного *-o*-склонения в непродуктивный тип с расширением *-es-*.

Э. Бенвенист оспаривает влияние морфологии в данном случае: «Трудно, однако, поверить тому, чтобы действие аналогии сказалось только на косвенных падежах без аналогичного проникновения форм на *-i* или на *-r* в именительный-винительный падеж» [13. С. 47–48]. Данное возражение снимается, если учесть, что в ведийские времена *-(a)r* вряд ли уже осознавался как суффикс. Кроме того, мы знаем по примерам из других языков, что такая аналогия далеко не всегда обязана быть полной, ср. греч. *δόρυ*, *δόρατος* на месте более старого *δόρυ*, *дорός*, по всей вероятности, под влиянием типа *ῥοῦρα*, *ῥοῦρατος*. В этом случае аналогия затрагивает только косвенные падежи, оставляя именительный-винительный неизменным.

Таким образом, мы отказываемся от реконструкции других типов гетероклизы, кроме *-г/-n- и *-l/-n-. Вследствие этого мы не причисляем к гетероклитикам такие праславянские основы, как *oko «глаз», *uxo (вопреки [13. С. 31]), *osъ «ось» (вопреки [13. С. 31]), *solъ (вопреки [13. С. 31–32]), *nokъ (вопреки [13. С. 34]).

Отметим, что Т. Я. Елизаренкова относит к гетероклитическим парадигмам также вед. N.-A.sg. *udakám* ~ G.sg. *udnáh* «вода» [8. С. 233]. Однако в данном случае если и можно говорить о гетероклизе, то лишь вторичной, довольно поздней. На это указывает форма abl.sg. *udakād*, которая свидетельствует о наличии у *udak-* самостоятельной парадигмы: *adhaspadān ma ud vadata maṇḍūkā ivodakān maṇḍūkā udakād iva* (Ригведа, 10.166.05d) «Из-под ног моих обращайтесь (ко мне) снизу вверх, как лягушки из воды, как из воды лягушки!» [14. С. 312].

² О потенциальной корневой основе в случае «воды» см. ниже в пункте 2.1.

1.4. Окончания гетероклитических основ, по всей вероятности, никак не отличались от остальных согласных основ. Однако отдельно стоит отметить формы на *-ōg, которые реконструируются на основании греч. ὕδωρ и σκῶρ, авест. *aiiār̥*³ «дни», хетт. *widār*. Потенциальным фонетическим объяснением может быть расширение закона Семереньи на последовательности *-orh₂ > *-ōg [15. Р. 129–130]. Укажем, однако, что эти формы не являются формами ном.pl., т.е. частью нормальной парадигмы, а должны рассматриваться отдельно, как собирательные.

1.5. По аблаутно-акцентной парадигме основы на *-r/-n- делят на акростатические (**īék^w-r*, G. **īék^w-ŋ-s*) и протерокинетические (*reh₂ur, G. **ph₂(u)én-s*) [10].

1.6. Существует два способа, при помощи которых гетероклитики в истории отдельных индоевропейских языков переходили в другие типы склонения:

— утрата гетероклизы в пользу одной из основ: лат. *ūber, ūberis* «вымя»; греч. πῦρ, πῦρός «огонь» (в терминологии Э. Зилера *dismembering* [16. Р. 299]);
— совмещение двух основ в одну как в косвенных падежах латинских слов *iecur* (G. *iocineris*) «печень» и *iter* (G. *itineris*) «путь» (*conflation* [16. Р. 299]).

Собственно говоря, *conflation* представляет собой лишь неполное выравнивание основы. Не случайно в латыни генитивы *iocineris* и *iecineris* со временем сменяются более схожей с номинативом формой *iecoris*³.

Как будет подробно разобрано ниже, в праславянском мы встречаемся с обоими способами. Преобладает первый, а со вторым мы, возможно, встречаемся в слове «солнце»: раннепрасл. *sulni > **сьлнько*⁴.

2. Предметом дискуссий является вопрос о количестве бывших гетероклитических основ в праславянском.

2.1. К самым надежным примерам можно отнести случаи, когда когнат славянского достоверно является гетероклитиком в других ветвях индоевропейской семьи:

*jaŋo / *jara / *jaŋg [17. С. 175–176] < *НjоНг «год». Ср. авест. *yār̥*⁵ (G. sg. *yā*) «год», а также греч. ὄρα «период, пора; время года; весна», готск. *jer* (n.) «год», лит. диал. *jéras* «ягненок»;

*jьkra / *jьkro; *jьkno «рыбья икра; икра ноги; глыба льда» < **īek^wr* «печень»⁵. Ср. вед. *yákr̥t* (G. *yaknāh*) «печень», греч. ἰλάρ (G. ἰλλάτος) 'id', лат. *iecur* (G. *iecinoris*) 'id', лит. *jėknos* (f. pl.) 'id', *jāknos* (f. pl.) «железа», лтш. *aknas* (f. pl.) «печень», пр. *iagno (конъектура из *lagno*) «печень», лит. *ikrai* (m. pl.) «икра (рыбья)», лтш. *ikri* (m. pl.) «рыбья икра; икра ноги», пр. *uccroy* (m. pl.) «икра (ноги)»;

*ругь «раскаленная зола, жар» < *reh₂ur «огонь», ср. хет. *paḥḥur* (G. *paḥḥue-naš*) «огонь», греч. πῦρ (G. πῦρός) 'id', готск. *fon* 'id', д.-в.-н. *fuir* 'id', арм. *hur* 'id', прусск. *panno* 'id';

³ Что способствует не только выравниванию основы, но и делает противопоставление номинатива-аккузатива косвенным падежам более похожим на другие, более распространенные типы, например *tempus, temporis*.

⁴ Здесь и далее мы приводим праславянское название солнца в фонетическом облике до третьей палатализации.

⁵ Реконструкция данного слова у разных авторов серьезно разнится в деталях. Вот лишь несколько примеров: **īék^w-r*, G. **īék^w-ŋ-s* [10. Р. 6]; **īek^w-r*, G. *i(e)k^w-én-s* [18. Р. 206]; **yek^wr*, G. **yek^wns* [19. Р. 121]; **yék^w-r(t)*, *yék^w-n-s* [20. Р. 95]; **h₁īék^w-r(-t)*, G. **h₁īek^w-ŋ-s* [21. С. 46]. В том, что касается гласного корня, мы соглашаемся с тезисом о вторичности греческой долготы [18. Р. 206], при этом вокализм славянских и части балтийских потомков данного слова требует реконструкции нулевой ступени аблаута для косвенных падежей.

(*sulni >) *sълnьko «солнце», ср. вед. *sūryaḥ*, греч. ἥλιος, лат. *sōl*, готск. *sauil*, лит. *saulė*, лтш. *saule*, пр. *saule*;

*woda «вода» / *wědro «ведро»⁶ < *uodr̥ (G. *udnes⁷) «вода». Ср. хеттск. *uātar* (G. *uītenaš*) «вода», вед. *udan-* 'id', греч. ὕδωρ (G. ὑδάτος) 'id', готск. *wato* 'id', др.-англ. *wæter* 'id', др.-сканд. *vatr* 'id', лит. *vanduō* (G. *vandeñs*) 'id', лтш. *ūdens* 'id', пр. *wundan* 'id'. Некоторые затруднения вызывает отсутствие действия закона Винтера в корне слова *woda «вода». Окончание *-а нередко трактуется как возникшее фонетически из собирательной формы *uēdōr [26. S. 111; 19. P. 124];

*wumę «вымя», ср. греч. οὔθαρ (G. οὔθατος) 'id', вед. *ūdhar* (G. *ūdhnah*) 'id', лат. *uber* (G. *uberis*), д.-в.-н. *ūtar*. Некоторую сложность вызывает объяснение того, как в этом случае в основу слова был введен формант *-men. Так, В. Махек и М. Фурлан считают, что мы имеем дело со сменой гетероклизы *-r-/-n- на *-mer-/men- [27. S. 704–705; 28. S. 318], однако это, вероятно, был бы уникальный пример такой смены для праславянского. Нам кажется более правдоподобным другой сценарий, укладывающийся в русло важных преобразований в праславянской системе склонения. На первом этапе была устранена гетероклиза *-r-/-n-, и обобщен суффикс косвенных падежей, видимо, на полной ступени *-en- с включением в тип склонения на *-en-. Затем, при становлении корреляции между родом и типом склонения стало невозможным существование основы среднего рода в рамках типа склонения на *-en-, в который в позднем праславянском входил только мужской род. Противоречие было разрешено в пользу сохранения рода путем перехода основы в близкий тип склонения на *-men-⁸.

Справедливости ради упомянем, что в гетероклитическом характере трех из этих слов неоднократно высказывались сомнения. А. Мейе высказал предположение, что праславянское *woda восходит к корневой согласной основе, а не гетероклитической [30. С. 278], что нашло поддержку у Вяч. Вс. Иванова, указавшего на то, что в виде корневой основы данное слово встречается в Ригведе (Ins.sg. *udā*) и некоторых хеттских текстах (dat.-loc.sg. *uīti*, abl. sg. *uītaž*) [31. С. 12]. Однако в настоящее время эти формы трактуются как ном.-асс.pl⁹. [33. S. 316–317; 34]. Р. Дерксен считает, что для слова *wědro более вероятно другая этимология, связывающая его со старым названием живота [35. P. 518–519]. Праславянское слово *wumę, по альтернативной трактовке, является независимым образованием с суффиксом -men от того же глагольного корня, что и другие индоевропейские слова [36. С. 263–268;

⁶ Др.-чеш. *vodně* и русск. диал. *завонь* иногда рассматриваются как остатки гетероклитического существительного [22. S. 12–13], однако более убедительной нам кажется точка зрения, согласно которой это поздние суффиксальные производные от *woda [23. С. 72; 9. S. 19], ср. др.-русс. **повонь** «поток, река» [24. С. 473] при ст.-чеш. *povodeň* и *povodně* «наводнение», но польск. *powódź* «наводнение» (все образованы от *ro wodě).

⁷ А. Клухорст считает, что парадигма была протеродинамической: *uodr̥ (G. *uden-) [25. P. 988].

⁸ Альтернативное объяснение было предложено в переписке с автором Р. Шептыньским, который предпочитает в данном случае видеть переход в тип на *-men- вследствие переосмысления нулевой ступени первичного суффикса *-n- как соответствующего алломорфа суффикса *-men- (т.е. *-mn-), подвергавшегося фонетическому изменению *-Cmn- > *-Cn- (см. [29]). Другими словами, на основе *ūd^hn-, как мнимого рефлекса **ūd^hmn-, была построена вторичная парадигма, содержащая в том числе форму *ūd^hmen.

⁹ *vardhantām dyāvo giras candrāgrā udā vardhantām abhiṣātā arnāḥ* (Ригведа, 5.041.14с) «Пусть растут небеса, горы со сверкающими вершинами! Пусть растут от воды покоренные потоки!» [32. С. 42]; *adhā hīndra girvaṇa upa tvā kāmān mahāḥ sasrjmahe udeva yanta udabhiḥ* (Ригведа, 8.098.07) «Ведь поэтому, о Индра, жаждущий песен, мы излили на тебя (наши) великие желания, как (Маруты,) приезжающие с водой, — воду» [32. С. 439].

37. S. 594]. Р. Матасович считает, что *ругь — *-jo-основа и дериват старого гетероклитика [19. Р. 124]. А. С. Николаев развернуто критикует основанную лишь на сомнительном младоавестийском генитиве уа̎ гетероклитическую реконструкцию «года» [21. С. 19–32].

Все эти случаи, несомненно, нуждаются в более подробном и тщательном анализе.

2.2. Еще менее достоверны случаи, когда гетероклитик для праиндоевропейского восстанавливается по косвенным данным. К сожалению, у нас нет надежного универсального критерия, который позволял бы однозначно принимать то или иное решение в сложных случаях.

Так, З. Бабик оспаривает гетероклитический статус праславянского слова *дагь, указывая на «отсутствие чередований в парадигме одного языка, следов атематической флексии, свидетельств каких-либо форм, характерных для гетероклитиков» [38. С. 130–131]. Однако, как свидетельствуют случаи, перечисленные выше, континуанты гетероклитиков в праславянском языке обычно и не имеют каких-либо характерных чередований или особенностей в окончаниях.

По этой причине к гетероклитикам мы относим лишь те случаи, когда, -r- и -n-производные засвидетельствованы в двух и более ветвях индоевропейских языков. Дополнительным критерием служит непрозрачность этих дериватов.

В группу потенциальных гетероклитиков, по нашему мнению, входят следующие случаи:

*дагь / *daga; *дань [13. С. 36; 39. S. 139; 40. С. 188–189, 191–192] < *doh₃г «дар», ср. арм. *tur*, греч. δῶρον, лат. *dōnum*, санскр. *dānam*, лит. *duōnis*, др.-ирл. *dán*. Праславянское слово иногда относят к *-u-основам, однако это мнение оспаривается [40. С. 188–189];

(*dъbno >) *дъно «дно» [41. С. 174–175]; *дъбра / *дъбгь «овраг» [41. С. 176–177; 42. S. 147–149, 162–164], хорошо соотносящиеся с *d^heub^h- «глубокий». В балтийских языках мы находим только *-г-соответствия: лит. *dubrà* «провал в лесу», лтш. *dubra* «топь». В кельтских языках мы находим примеры обоих типов: *dubno- > др.-ирл. *domun* «мир», *dubni- > др.-ирл. *domain* «глубокий», *dubro- > *dobur* «вода» [43. Р. 123, 163–164, 168–169];

*есень «осень», ср. греч. ὀλώρᾱ «конец лета» или «ранняя осень» < *opī + ohar [44. Р. 1094–1095], готск. *asans* (f) «лето, жатва» < *azani- [6. Р. 46], прусс. *assanis* «осень».

К гетероклитикам ЭССЯ относит также следующие праславянские лексемы:

*каму «камень». Аргументами служат: наличие кашубской формы *kamor* наряду с тем, что слово *каму являлось *-ep- основой; присутствие древнеиндийских и германских -г- форм: санскр. *aśmará-* «каменный», др.-исл. *hamarr* «скала, утес», нем. *Hammer* «молот» [45. С. 137–140]. Мы полагаем, что кашубская форма не может рассматриваться в качестве свидетельства наличия гетероклизы. Следует сказать, что она носит ярко выраженный экспрессивный характер (ср. примеры: *Vežnq kamor i pálnq ce v ľeb. Těx k' amorov tēlě je, jakbě jix djābeł nasrāt*) [46. S. 129]. При этом в кашубском известна и форма *kam* (G.sg. *kameńa* или, реже, *kama*) [46. S. 125–127]. Суффиксы -or, -ur, -ór имеются как в польском, так и кашубском, они образуют экспрессивные существительные, причем нередко от сокращенной основы: польск. *język* > *jęzor*¹⁰;

¹⁰ Оставляем в стороне проблему потенциальной связи *jęzor* и *ozór*.

paźnokieć > *paźur*. В кашубском помимо *paźura* «коготь» [47. S. 46] мы находим также *b'abora* «баба, женщина (пейор.)» [48. S. 11], *lešč* «лещина» > *leščór* «палка, особенно из лещины» [46. S. 359, 360] и *laska* > *laskór* «палка, особенно из лещины» [46. S. 335]. Таким образом, *kaźur* следует признать собственно кашубским дериватом, который нельзя проецировать на праславянскую почву. Это означает, что славянских данных недостаточно для решения вопроса о том, было ли это слово гетероклитиком в праславянском. Нельзя исключать того, что было (в таком случае это было бы, вероятно, единственное) *-mer-/men-существительное, сохранившееся в праславянском, но гетероклиза была быстро утрачена в пользу одной из основ;

*sъpъ «сон», ср. тох. А. *špām* «сон», тох. Б. *špane* 'id', санскр. *svāpnaḥ* 'id', лат. *sopor* (G. *sopōris*; m.) «глубокий сон», *somnus* «сон», греч. ὕπᾱρ (n. indecl.) «явь, действительность»¹¹, ὕπνοσ «сон», др.-исл. *svefn* 'id', арм. *k'un* 'id', лит. *sāpnas* 'id', лтш. *sapnis* 'id'. В хеттском встречается в дериватах *šuppariḫe/a-^{zi}* «спать», *šupparuānt-* «сонный» [25. P. 788–789]. Э. Зилер ставит под сомнение гетероклитический характер этой основы, указывая на то, что латинское *sopor* может быть и -ōs-основой по происхождению [16. P. 299]. М. де Ван идет на шаг дальше и считает *sopor* исходно корневой основой (*sūōps), опираясь на долгий вокализм однокоренного глагола *sōpīre* «усыплять» [49. P. 575]. Однако даже если не принимать в расчет латинские данные, греческой и хеттской форм, кажется, достаточно для реконструкции гетероклитической основы;

*sъršēnъ «шершень». Дериват от *krh₂s- «голова», ср. лат. *crābrō* «шершень», прагерм. *hurnuta-/ō- > д.-в.-н. *hornuz* 'id' [6. P. 259], лит. *širšuō*, *širšė*, *širšlyš*, *širšinas* 'id', лтш. *siŗsenis* 'id', пр. *sirsilis* 'id';

*wesna «весна», ср. санскр. *vasarhā* «рано утром» (гапакс), *vasantaḥ* «весна», греч. ἔαρ (G. ἔαρoс) «весна», лат. *vēr* (G. *vēris*) 'id', арм. *garun* 'id', др.-сканд. *vár* 'id', лит. *vāsara* / *vasarà* «лето», лтш. *vasara* «лето».

2.3. Имеется также потенциальная возможность существования собственно праславянских новообразованных гетероклитиков. Р. Матасович считает, что необходимыми условиями при этом является наличие континуантов в двух балто-славянских языках (не обязательно из разных ветвей) и идентичность или близость их значения [19. P. 122]. Ситуация осложняется тем, что суффиксы *-r- и *-n- довольно продуктивны в праславянском и случаи, когда от одного и того же корня имеются как *-r-, так и *-n-дериваты, не так уж и редки. Хотя реконструкций гетероклитических основ на собственно славянском материале довольно много, по нашему мнению, ни один из них нельзя считать достоверным.

2.4. Разберем случаи, которые мы считаем ненадежными:

*bagnо «болото» / *bagъ «багровый» [13. С. 36; 50. S. 25]. ЭССЯ отвергает гетероклитическую реконструкцию [51. С. 125–127]. Основными аргументами против являются разница в семантике, разная частеречная принадлежность (при этом *-r- — распространенный адъективный суффикс [52. S. 199–201; 53]), а также разное географическое распространение этих слов в рамках славянского ареала, таким образом, мы даже не можем быть уверены в их праславянском статусе;

*bedro / *bedra «бедро» сопоставляется с лат. *femur* (G. *feminis*) [54. С. 143; 19. С. 125]. Однако эта этимология сталкивается с серьезными фонетическими трудностями (в латыни ожидалось бы, что *-d^hm- даст *-mm), поэтому

¹¹ Предполагается семантический сдвиг «сон» > «видение наяву» > «явь» в связи с противопоставленностью слову ѓвѣр «обманчивое видение» > «сон» [44. P. 1532].

современные этимологические словари отказываются от него в пользу этимологии Розадовского, выводящего данное слово от славянского корня *bed-/*bod- «бить» [51. С. 175–176, 179–180; 55. S. 199–200]. Латинское *femur* предпочтительнее сравнивать с авест. *θanuuar*¹² «лук» [56. С. 232; 49. P. 210];

*dobo / *doba / *doby «пора, время»; лит. *dabà* «привычка, способ», *dabaŭ* «теперь»; лтш. *daba* «вид, способ, свойство, привычка» [41. С. 38–40; 57. S. 283–286; 19. P. 125; 22. S. 13–14]. Основным аргументом служит несклоняемость сербохорватского *doba* (ср. р.), однако, кажется, у нас нет никаких доказательств того, чтобы такое поведение было типичным для континуантов гетероклитических основ, во всяком случае, ни одно другое слово себя так не ведет. В тоже время, отсутствуют -п-производные от этого слова, что явно не свидетельствует в пользу его гетероклитического характера. Кроме того, -ar в литовском не может отражать постулируемых суффиксов *-r или *-ōr.

*dolnъ «ладонь» сравнивают с греческим *θένῶρ* (G. *θένῶρος*) «ладонь» и д.-в.-н. *tenar* 'id' [41. С. 63–64]. Невозможно по фонетическим причинам;

*ezero / *ezерь «озеро» [13. С. 35; 58. S. 74–75]. Среди когнатов (лит. *ėžeras* «озеро», лтш. *ezers* 'id', пр. *assaran* 'id', арм. *ezr* «край») не обнаруживается основы с -п-формантом, поэтому предпочтительнее видеть в этом случае дериват с суффиксом *-er- от *ēzъ «плотина» [59. С. 33–34; 60];

*ēd(e)ra «еда» отнесено к гетероклитикам Эккертом, с чем согласны ЭССЯ и SP [59. С. 39–40; 58. S. 117–118]. Однако греческого *ἔιδαρ* (G. *ἔιδᾶτος*) «еда, пища» для реконструкции гетероклитической основы недостаточно. Во-первых, как уже было сказано выше, не все греческие гетероклитики восходят к праязыку. Во-вторых, *ἔιδαρ* < *edwar с суффиксом *-wŕ структурно не соответствует славянскому слову. У прочих потенциальных когнатов праславянского слова (хеттск. *edri-* (н.) «еда», лит. *ėdrà* «корм») мы не находим -п-форманта;

*galqъ «ветвь» сопоставляется с армянским *kołr* «ветвь» [60. P. 261; 13. С. 36; 50. S. 252; 61. S. 38]. ЭССЯ отвергает гетероклитическую реконструкцию без подробной аргументации [59. С. 95–96]. Отметим, что этимология армянского слова не вполне ясна, оно может быть связано и/или с *koł* «ребро, сторона» [62. P. 368–370]. В то же время славянское слово, возможно, образовано от *galъ «голый»¹², но в таком случае его суффикс являлся бы уникальным. С другой стороны, наличие других семантически близких дериватов от того же корня (пол. диал. *gala* «толстая сосна», *galak* «молодое дерево со срубленными нижними ветвями или с отвалившейся корой», рус. диал. *гáлызь* «нетолстый лес, идущий на мощение дорог в болотистых местах» [61. S. 38], *гальё* «мелкие ветки, прутья» [64. С. 122], *галюка* «ветка дерева» [64. С. 123]) делает древность формы *galqъ довольно сомнительной;

*maŕa / *maŕь [39. S. 139]¹³, *maŕь [65. С. 201–203, 217–218]. Несмотря на то, что существуют различные этимологии этих слов, наиболее правдоподобной следует признать ту, которая видит в них, а также в *maŕь суффиксальные производные от *meŕ₂- > *mā- [65. С. 201–203, 204–207]. Значение этого глагола реконструируется как «делать знаки» [66. S. 425], из чего относительно легко выводятся «колдовать» и «обманывать». Есть основания считать, что в дреанеиндийском от того же корня, но с помощью иного суффикса образовано слово *māyā* «иллюзия, обман; магия, колдовство» [67. S. 693]. Все эти форманты известны в функции образования отглагольных существительных:

¹² Ср. *golъ [63. С. 16–17] с близкой семантикой от того же корня, но с другим вокализмом.

¹³ А. Матл сравнивает *maŕa и *obmaŕь, однако существуют основания для реконструкции и бесприставочного варианта [65. С. 204–207].

*kosmъ, *rogъ, *jъgra, *щьпъ, что делает данную этимологию очень вероятной. Наличие параллельных производных от того же корня свидетельствует против реконструкции гетероклитика;

*męga / *męgъ / *męgь; *mępъ «мера» [39. S. 139; 68. С. 177–181, 185–186]. Сопоставляется с хет. *mēhur* (G. *mēhunaš*) «отрезок времени», а также санскр. *mānat* «мера». А. Клухорст указывает на то, что хеттское *mēhur*, где *h* отражает *h₂, по фонетическим причинам не может быть дериватом от *meh₁-«мерить» и, таким образом, не связано с праславянским [25. P. 567–568];

*mokъ [69. С. 144–147]. Основанием для реконструкции служит наличие -г- и -п- производных (в первую очередь в балто-славянских языках) от этого корня. Однако -п- производные мы находим только в литовском. Но в *maknà* «грязь», деривате *įmakėti* «войти, упасть в грязь», обнаруживается тот же суффикс, что и в *maikti* «драть» > *máukna* «лыко» [70. S. 841, 863]. В то же время, суффикс *-го- > -г- хорошо известен по большому количеству праславянских прилагательных¹⁴, так что нет никакой необходимости реконструировать гетероклитическую основу, разумнее считать, что в данном случае мы имеем дело с параллельными образованиями разных частей речи и разных значений;

*muga «грязь» / *mugъ / *muna / *munъ / *mulъ / *mulь [71. С. 191–192, 195, 189–190, 185–186]. Отметим, что *muna / *munъ непосредственно не засвидетельствовано, оно лишь гипотетически восстанавливается на основании глагола *muniti (se), основой для реконструкции которого служат схр. диал. *múniti se* «вянуть, чахнуть», *muñati* «наострять уши, прядать ушами», чеш. *tounit* «пачкать», кашуб. устар. *muńic sq* «дуться, хмуриться», русск. диал. *múnитъ* «обманывать, обводить вокруг пальца» [71. С. 189]. Как несложно заметить, лишь один из этих глаголов означает «пачкать», для остальных предполагается семантический дрейф «грязнить» > «чахнуть/хмуриться/обманывать». Непосредственно не засвидетельствовано и литовское *munas. Оно лишь предполагается на основе одной из этимологий гидронима *Nemunas*, при том, что существует и другая версия, возможно, даже более предпочтительная [72. S. 492–493]. Наличие параллельного деривата от того же корня с другим суффиксом (*mulъ / *mulь) также говорит против реконструкции гетероклитика.

*nědro. По одной этимологии, возникло из переразложения сочетания *vъp ědra [59. С. 44], по другой – из *ne-ed- «несъедобное» и может быть соотнесено с *ěd(e)ga «еда» [73. С. 94–96]. Даже если соглашаться со второй этимологией, для этого слова актуальны те же аргументы, что и для *ěd(e)ga;

*ogъ «орел»; лит. *erēlis* / *arēlis*, лтш. уст. *ereļi* (m. pl.), прусск. **arelis* (конъектура из *arelie*), хеттск. *hāran-* «орел», готск. *arans* «орлы», греч. ὄρνις «птица». В. Смочинский считает *-l-/*-n- основой [74. S. 147]. Если учесть, что формант *-l- ограничен лишь балто-славянской ветвью, а в кельтских языках мы находим *-г- (пракельт. **eriro-* [7. P. 117–118]), то гетероклитическая версия выглядит не очень правдоподобной. Похоже, что в данном случае мы имеем дело с параллельными дериватами от корня *h₂er- [66. S. 299–301]. Отметим также, что формат *-ьль в праславянском отмечен и у других названий птиц: **dętyль* «дятел» и **pętyль* «петух» [55. S. 113];

¹⁴ Например, *stargъ, *sporgъ, *ръstгъ, *вьдгъ, *dobгъ, *хутгъ, *купгъ и другие [52. S. 199–201; 53].

*ganh¹⁵ «ранний» при греч. ὄρθρος «рассвет» [13. С. 43]. Для греческого слова скорее выделяется суффикс *-d^hgo- [44. Р. 1101–1102], а для славянского существуют альтернативные, более вероятные этимологии [75. С. 192–193];

*sorgh «сор» связывают с хеттск. *šakkar* (G. *šaknaš*) «экскременты», греч. σκῶρ (G. σκῶτός) «экскременты, навоз», прагерм. *skarna- «навоз», лтш. *sārņi* «грязь, отходы; менструальные выделения» и реконструируют форму *sórk (G. *s(e)k^hnós) [76. Р. 186; 6. Р. 440]. Однако *sorgh тесно связано с *syrati (1. sg. *serq), а этот корень чаще отделяют от перечисленных выше существительных [77. С. 720] и реконструируют как *ker(H)- [66. S. 327];

*wada [19. Р. 125]. Матасович реконструирует гетероклитическую основу на основе сближения ст.-сл. **вада** «жалоба» с хеттским *uttar* «слово, речь; вещь, случай, история, причина». Мы полагаем эту трактовку достаточно сомнительной. С одной стороны, хеттское слово совершенно не обязательно родственно славянскому гнезду *wad- [25. Р. 932–933]. С другой стороны, только лишь хеттских данных недостаточно для реконструкции гетероклитической основы для праиндоевропейского, поскольку в анатолийских языках гетероклитические основы были продуктивны и данная форма может быть собственно анатолийским новообразованием;

*wěno [13. С. 38]. Бенвенист связывает это слово и греческое ἔδνον (эпич. ἔδνον) «брачный дар» с гипотетическим иранским *vadar, выделенным из авестийского *vađaiγav-* «находящийся в гоне (о самце верблюда)». Однако это невозможно по фонетическим причинам – авестийское δ (< *dh) не соответствует греческому δ (< *d). Современная этимология связывает греческое и славянское слова с прагерманским *wetman- «приданое» и видит здесь *-men- основу (с упрощением -mn- > -n- в греческом и праславянском) [44. Р. 374; 6. Р. 583];

*zima [12. Р. 2; 39. S. 139]. Основанием для реконструкции гетероклитика в данном случае служит наличие -г- и -п- производных от этого корня (например, греч. χειμών «зима» при χειμερινός ~ χειμέριος «зимний»; лат. *hibernus* «зимний», тох. А. *särme* «зима»). Отметим, что -г- встречается только в прилагательных (тохарскую форму Д. Адамс выводит из *g^him(e)reh_a-h₁en- [78. Р. 690]), которые вполне могут рассматриваться как дериваты от исходной корневой основы.

3.1. Попробуем представить судьбу вышеописанных существительных в праславянском в виде таблицы.

Таблица 1. Надежные примеры гетероклитических основ и их судьба в праславянском.

слово	суффикс	степень аблаута корня	род	новый тип склонения	акцентная парадигма
*jaro / *jara / *jaгь	-г-	-о- или -е-	n, f, m	-о-, -ā-	с
*jьkга / *jьkго; *jьkпо	-г- и -п-	-о-	n, f	-о-, -ā-	с
*ругь	-г-	-о-	m	-i-	?
*sьlnьko	-ln-	-о-	n	-i-	с
*woda	?	-о-	f	-ā-	с
*wědro	-г-	-е-	n	-о-	b
*wymę	-en- (?)	-о-	n	-men-	a

¹⁵ Отметим, что возможна реконструкция и *огнь.

Таблица 2. Менее надежные примеры гетероклитических основ и их судьба в праславянском.

слово	суффикс	ступень аблаута	род	новый тип склонения	акцентная парадигма
* <i>darǫ</i> / * <i>daŕa</i> ; * <i>danŷ</i>	-r- и -n-	-o-	m, f	-o-, -ā-, -i-	c
* <i>dŕbra</i> / * <i>dŕbrǫ</i> ; * <i>dŕbno</i>	-r- и -n-	-o-	f, m, n	-ā-, -i-, -o-	b
* <i>eseny</i>	-en-	-e-	f	-i-	c
* <i>kamy</i>	-men-	-o- или -e-	m	-men-	a
* <i>sŕny</i>	-n-	-o-	m	-o-	b
* <i>sŕšeny</i>	-en-	-o-	m	-i-	?
* <i>wesna</i>	-n-	-e-	f	-ā-	c

3.2. Данные таблицы хорошо показывают, каким образом гетероклитики переходили в праславянском в более продуктивные типы склонения.

Если проанализировать имеющийся материал, то в нем преобладают типы склонения на *-i- (*ryǫ; (*sulni >) *sŕnyko; *danŷ; *dŕbrǫ; *eseny; *sŕšeny), *-o- (*darǫ; *jaro / *jarǫ; *ŷkro; *ŷkno; *wędro; *dŕbno; *sŕny) и *-ā- (*jara; *ŷkra; *woda; *daŕa; *dŕbra; *wesna). В виде исключения фигурируют две согласных основы на *-men- (*wumę; *kamy). Сопоставляя полученные данные с ситуацией с корневыми основами, стоит отметить отсутствие доминирования *-i-основ. Здесь можно усмотреть два возможных объяснения:

1) распад гетероклитического склонения мог проходить в более позднюю эпоху, чем распад корневого типа, когда продуктивность *-o- и *-ā- увеличилась, а *-i-основ уменьшилась;

2) в качестве причин перехода многих корневых основ именно в *-i-склонение нередко указывают форму Acc.sg., где в мужском и женском родах *-Cŕ > *-Cim, совпав с *-im в Acc.sg. *-i-основ.

С другой стороны, о некоторой древности этого процесса говорит то, что гетероклитический тип исчез еще до распада слоговых сонорных, общего для славянских и балтийских языков, поскольку на момент присоединения к основе показателей продуктивных типов склонения, именительный-винительный падеж заканчивался на слоговый сонорный *r*, а не сочетание *ir/ur*, в противном случае ожидалось бы формы **ŷkŕo / **ŷkŕga вместо *ŷkro / *ŷkra.

Переход осуществлялся путем наращивания показателя продуктивного класса на основу: с показателем *-r- (*jaro / *jarǫ / *jara; *ŷkro / *ŷkra; *wędro; *daŕa / *darǫ; *dŕbra / *dŕbrǫ; *ryǫ), либо с показателем *-n- (*ŷkno; *dŕbno; *sŕny; *wesna; *danŷ; *eseny; *sŕšeny; *wumę; *kamy). Исключением является слово *sŕnyko «солнце», соединившее в себе как показатель именительно-го-винительного падежа *-l, так и показатель косвенных падежей *-n-.

Уникальность отсутствия суффикса *-r- или *-n- в форме *woda говорит в пользу предположения, что она восходит к собирательной форме на *-ōr.

Характерной особенностью процесса перехода гетероклитиков в продуктивные типы была частая смена рода со среднего на мужской и женский и возникновение гендерных дублетов типа *ŷkra / *ŷkro, *jaro / *jarǫ, *dŕbrǫ / *dŕbra. Конечно, отдельного исследования заслуживает вопрос, можно ли проецировать уже на праславянский уровень дублетность такого типа, или же это сравнительно позднее явление. В то же время, гендерные дублеты не

являются специфической чертой только гетероклитических основ, скажем, такое относительно новое и прозрачное производное, как название облака (*obwolk-) отразилась в славянских языках в формах всех трех родов, и не так уж просто определить, какая именно форма является первичной.

3.3. В плане акцентных парадигм распределение выглядит следующим образом (акцентные парадигмы указаны согласно реконструкции Р. Дерксена [35]):

- парадигма а: *wumę; *kamy (2 основы);
- парадигма б: *wědro; *dъbra / *dъbrъ; *dъbno; *sъpъ (3 основы);
- парадигма с: *jaro / *jara / *jarъ; *jъkra / *jъkro¹⁶; *sъlnьko¹⁷; *woda; *darъ / *dara; *danъ; *esenъ; *wesna (7 основ);
- ?: *pury; *sъrъsenъ; *jъkno.

Анализ причин, приведших к такому распределению, ещё только предстоит выполнить.

3.4. Заметного влияния на окончания субстантивного склонения в праславянском гетероклитические основы не оказали, хотя существует остроумное предположение, что праславянское окончание G.sg. *-у, происхождение которого является серьезной проблемой для славистики, восходит к форманту *-ons гетероклитических основ: *wodons > *wody [26. S. 111]. Несмотря на всю привлекательность этого решения, оно вряд ли приемлемо, поскольку для гетероклитиков реконструируется скорее формант *-en-s / *-n-es, реже *-ŋ-s, а *-o-степень здесь труднообъяснима.

4. Коротко резюмируем произведенный выше анализ:

1) Праславянский унаследовал от праиндоевропейского сравнительно небольшое количество гетероклитических основ, причем у нас есть все основания считать, что за время существования самого праславянского языка этот класс не пополнялся. Попытки увеличить количество реконструируемых для раннего праславянского гетероклитиков, по нашему мнению, не выдерживают критики.

2) Как и корневые согласные основы, все гетероклитики в праславянском перешли в другие типы склонения: на *-i-, *-o- и *-ā-, также *-men-. Этот процесс зачастую сопровождался сменой рода со среднего на мужской или женский, а также появлением гендерных дублетов.

3) Скорее всего, отсутствие доминирования *-i-основ среди континуантов гетероклитиков (в отличие от корневых основ) в позднем праславянском связано с тем, что у корневых основ была точка пересечения с *-i-склонением — окончание Acc.sg. *-im, в то время как все гетероклитические основы были среднего рода и у них ничего подобного не было. В то же время нельзя исключать вероятности, что гетероклитики просто растворились в упомянутых выше типах склонения позже корневых основ.

4) Переход гетероклитических основ в другие типы склонения осуществлялся до распада слоговых сонорных (*R̥ > *iR/uR).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Hoffner H., Melchert H. A Grammar of the Hittite Language. Winona Lake, 2008.
2. Hoffmann K., Forssman B. Avestische Laut- und Flexionlehre. Innsbruck, 2004.

¹⁶ Но, по указанию Р. Шептыньского, реконструкция парадигмы с в данном случае довольно спорна (письменное сообщение).

¹⁷ Однако М. Капович реконструирует это слово как *sъ'lnьse [79. S. 554] с начальным акутом и, следовательно, парадигмой а.

3. *Bottiglioni G.* Manuale dei dialetti italiani. Bologna, 1954.
4. *Ringe D.* From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford, 2006.
5. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1963. Т. 3. Морфология.
6. *Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston, 2013.
7. *Matasović R.* Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston, 2009.
8. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
9. *Arumaa P.* Urslavische Grammatik. III. Band. Heidelberg, 1985.
10. *Schindler J.* L'apophonie des thèmes indo-européens en –r/n // Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1975. Т. 70. № 1.
11. *Matasović R.* Kratka poredbenopovijesna gramatika latinskoga jezika. Zagreb, 1997.
12. *Nehring A. A.* A neglected heteroclitic noun // Language. 1940. Т. 16. № 1.
13. *Бенвенист А.* Индоевропейское именное словообразование. М., 2004.
14. *Елизаренкова Т. Я.* Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999.
15. *Nussbaum A.* Head and Horn in Indo-European. Berlin; New York, 1986.
16. *Sihler A.* New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York; Oxford, 1995.
17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1981. Вып. 8.
18. *Beekes R.* Comparative Indo-European Linguistics: an introduction. Philadelphia; Amsterdam, 2011.
19. *Matasović R.* The Proto-Indo-European Heteroclitica in Balto-Slavic // Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1998. V. 44.
20. *Clackson J.* Indo-European Linguistics. Cambridge, 2007.
21. *Николаев А. С.* Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб., 2010.
22. *Ackermann K.* Bemerkungen zu den morphologischen Resten einiger nicht belebter ieur. Kollektiva im Baltischen und Slavischen // Das Nomen im Indogermanischen. 2014. S. 9–23.
23. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2.
24. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. Т. 6.
25. *Kloekhorst A.* Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.
26. *Bräuer H.* Slavische Sprachwissenschaft. III. Formenlehre, 2. Teil. Berlin, 1969.
27. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
28. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Četrta knjiga. Ljubljana, 2005.
29. *Nussbaum A.* PIE -Cmn- and Greek τρώγς ‘clear’ // Ex Anatolia Lux. Ann Arbor; New York, 2010.
30. *Meiє A.* Общеславянский язык. М., 1951.
31. *Иванов Вяч. Вс.* О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания. 1957. № 2.
32. *Елизаренкова Т. Я.* Ригведа. Мандалы V–VIII. М., 1999.
33. *Krisch Th.* RIVELEX. Rigveda-Lexikon. Band 2. Graz, 2012.
34. *Трофимов А. А.* Ведийские основы vāg-, udān- и udakā- ‘вода’: их парадигматические и этимологические отношения // Вопросы языкового родства. 15/3. 2017.
35. *Derksen R.* Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.
36. *Хэмн Э.* Miscellanea // Этимология. 1970. М., 1972.
37. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga III. Zagreb, 1973.
38. *Babik Z.* Korespondencje akcentowe między słowiańskim i starszymi językami indoeuropejskimi (pierwotne neutra tematyczne). Kraków, 2012.
39. *Mátł A.* Absraktní význam u nejstarších vrstev slovanských substantiv // Studie a práce lingvistické I. Praha, 1954.
40. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1977. Вып. 4.
41. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5.
42. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984. Т. V.
43. *Vendryes J.* Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Dublin, 1996. Vol. «D».
44. *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010.
45. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1983. Вып. 9.
46. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. Т. II.
47. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. Т. IV.
48. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. Т. I.
49. *de Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008.
50. *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1956. Т. 1.

51. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974. Вып. 1.
52. *Sławski F.* Słowotwórstwo, słowność i etymologia słowiańska. Kraków, 2011.
53. *Jakubowicz M.* Ze słowotwórstwa prasłowiańskiego – analiza przymiotników psł. z sufiksem -гъ // *Z polskich studiów slawistycznych.* 2018. Ser. 13. T. 2.
54. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
55. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. T. I.
56. *Этимологический словарь иранских языков.* М., 2003. Т. 2.
57. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. T. III.
58. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. T. VI.
59. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1979. Вып. 6.
60. *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave: seconde partie. Paris, 1905.
61. Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1995. T. VII.
62. *Martirosyan H.* Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2010.
63. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1980. Вып. 7.
64. Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 6.
65. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1990. Вып. 17.
66. *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen.* Wiesbaden, 2001.
67. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
68. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1993. Вып. 18.
69. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1992. Вып. 19.
70. *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Электронная рукопись второго издания, версия от 05.12.18. Режим доступа: <https://rromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf>
71. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1994. Вып. 20.
72. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1962.
73. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1999. Вып. 25.
74. *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
75. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 2005. Вып. 32.
76. *Adams D., Mallory J.* Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.
77. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.
78. *Adams D.* A Dictionary of Tocharian B revised. Amsterdam; New York, 2013.
79. *Kapović M.* Povijest hrvatske akcentuacije. Zagreb, 2015.

ВТОРИЧНЫЕ ФУНКЦИИ НАЗВАНИЙ ФРУКТОВ, ОВОЩЕЙ, ЯГОД И ГРИБОВ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

© 2019 г. Н.Е. Ананьева

*Д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой славянской филологии
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: ananeva.46@mail.ru*

В статье анализируются номинации фруктов, ягод, грибов и овощей, выступающие во вторичной функции (в составе фразеологизмов и в метафорическом употреблении) в русском и польском языках. Выделяется общее и различное между этими двумя языками в данной области. Например, употребление в этих языках названий разных фруктов, ягод, грибов и овощей (задать перцу в русском и *zadać bobu* в польском и другие).

In this article, we analyse the secondary functions of the names of fruits, berries, mushrooms and vegetables in Russian and Polish. We investigate the function of these words in phraseology and their metaphorical usage. There are mutual and different features between Russian and Polish in this aspect. For example, the usage of the names of different fruits, berries, mushrooms and vegetables in these languages (*задать перцу* in Russian and *zadać bobu* in Polish and other).

Ключевые слова: фрукт, ягода, гриб, овощ, русский язык, польский язык, фразеология, метафора.

Keywords: fruit, berry, mushroom, vegetable, Russian, Polish, phraseology, metaphor.

DOI: 10.31857/S0869544X0004200-3

В статье рассматриваются вторичные функции номинаций фруктов, овощей, ягод и грибов (далее сокращенно ФОЯГ), а также производных от этих названий слов в литературном польском и русском языках. К вторичным функциям этих лексем относятся:

- их метафорическое употребление (ср. польск. *rzepka* «коленная чашечка», польск. *taszkek* «бисерный почерк», польск. *jabłko adamowe* // *jabłko Adama* и русск. *адамово яблоко* «кадык»);
- функционирование в качестве компонентов фразеологизмов и паремий (ср. русск. *до морковкина заговенья* «никогда», польск. *ni z gruszki, ni z pietruszki* «ни с того ни с сего», русск. *хрен редьки не слаще* «и то, и другое плохо», польск. *każdy sobie rzepekę skrobie* «каждый думает о своем благе»);
- участие в формировании ономастического пространства данного языка: употребление в функции идеонимов (библионимов, прецедентных названий пе-

сен и танцев и т.п.), годонимов (ср. номинации варшавских улиц: *Rzodkiewki* ‘Редиски’, *Mango* ‘Манго’, *Arbuzowa* «Арбузная», *Melonowa* «Дынная»), антропонимов – личных имен (ср. польск. *Kalina*) и прозвищных фамилий, а также образованных от них патронимических фамилий (типа *Малина* → *Малинин*, *Яблоко* → *Яблоков* и т.п.).

В данной работе мы рассматриваем примеры функционирования первичных номинаций ФОЯГ в составе фразеологизмов, а также их употребление, основанное на образном переносе – метафоре, в основе которой лежит сравнение. Поэтому сравнения (конструкции с союзами *как* и *jak*) также относятся к предмету нашего анализа в качестве первой стадии формирования метафоры (скрытого сравнения). Названия ФОЯГ как относящиеся к словам, которые обозначают «наиболее известные понятия и предметы из ближайшего окружения человека» [1. С. 113], очень часто подвергаются метафоризации. При этом для разных языков степень репрезентативности этих номинаций в функции метафор различна. Так, В.Г. Гак отмечает, что во французском просторечии для обозначения «головы» возможно использование «чуть ли не любого овоща или фрукта», в то время как в русском языке – это обычно наименования посуды («котелок», «черепок») [1. С. 114]. Впрочем, и в русском языке, как и в польском, отмечены употребления номинации овоща-ягоды в этой функции (см. ниже)

Заметим, что во вторичных функциях употребляются как гиперонимы, так и конкретные номинации того или иного вида ФОЯГ. Примеры гиперонимов: *фрукт* в значении ‘тип’ (ср. *ну и фрукт же ты! тут к тебе один фрукт пришел*), *grzyb* ‘(старый) хрыч’, *овощ* ‘человек, лишившийся в силу болезни, насилия и т.п. мыслительных способностей’ (*он стал овощем*, я из него *овощ сделаю*), *ягод(к)а* (ср. аффективно-эмоциональное обращение – *ягодка ты моя*). При этом гиперониму одного из сопоставляемых языков в другом может соответствовать гипоним. Ср. русск. гиперониму *фрукт* в выражении «*ну и фрукт!*» соответствует гипоним *ananas* в польском (*a to ci ananas!*). Впрочем, в русском просторечии в значении ‘тип, субъект’ функционирует также номинация конкретного вида овоща – *перец* (*там тебя какой-то перец ждет*).

При сопоставлении анализируемых фрагментов культурного кода польского и русского языков выявляются общие и дифференцирующиеся части. Наличие совпадающей части обусловлено генетическим родством сопоставляемых языков, общими культурными связями их носителей с другими народами, воздействием идентичных языков, а также взаимными влияниями. Различия связаны со специфическими для носителей польского и русского языков ассоциациями, контактами с разными этносами, влиянием разных языков. Например, название фрукта *jabłko* в польском языке обозначает один из символов царской/королевской власти (русск. *держава*), в то время как в русском – понятие из области анатомии: *глазное яблоко* (польск. *gałka oczna*). В основе обеих номинаций лежит сходство с яблоком по форме (округлость), но эти номинации относятся к различным понятийным областям.

В случае заимствованного названия ФОЯГ вторичное значение могло возникнуть еще в языке-доноре. Например, польск. *migdał* – русск. *миндаль* происходят из лат. *amigdalus*, которое, в свою очередь, перешло в латынь из греческого и, вероятно, еще в греческом каноне медицинских терминов (произведения Гиппократа – V–IV вв. до н.э.) имело анатомическое значение (польск. *migdały* – русск. *миндалины*). Или вторичная номинация ‘кукиш’ в первичном названии фрукта *figa* – *figa* (ср. польск. *figa z makiem, z pasternakiem; figa marynowana*) сформировалась в западнославянских языках (в частности, в русский, по мнению П.Я. Черных [2. С. 310], пришла из французского).

Примером совпадающей части данного фрагмента культурного кода польского и русского литературных языков являются некоторые фразеологизмы и поговорки,

содержащие лексему *яблоко* / *jabłko*: русск. *яблоко* от *яблони недалеко падает* — польск. *niedaleko pada jabłko od jabłoni*, восходящее к греческой мифологии польск. *jabłko niezgody* — русск. *яблоко раздора*, анатомическое понятие, соотносящееся с ветхозаветным сюжетом, русск. *адамово яблоко* — польск. *jabłko adamowe*. Примеры с другими названиями ФОЯГ:

- *плод* — *owoc*: библейские русск. *запретный плод* — польск. *zakazany owoc*; русск. *вкушать (пожинать) плоды* — польск. *zbierać owoce* (в переносном значении), русск. *плодотворная работа* — польск. *owosna praca*;
- *картошка* — *kartofel*: русск. *нос картошкой* — польск. *nos jak kartofel*;
- *горох* — *groch*: русск. *на лице черти горох молотили* — польск. *diabeł groch na kimś młócił* (о рябом); русск. *как об стен(к)у горох* — польск. *groch o ścianę, rzucasz groch o ścianę* ‘безрезультатно кого-то пытаться убедить в чем-либо’;
- *гриб* — *grzyb*: русск. *расти (вырастать), как грибы после дождя* — польск. *wyrastać (mnożyć się) jak grzyby po deszczu* (о связи в славянской лингвокультуре грибов с дождем, громом и молнией см. в [З. С. 550]; впрочем, связь с дождем обусловлена объективной реальностью: появлением грибов после дождя); русск. *атомный гриб* — польск. *grzyb atomowy*, русск. *грибок* (для штопки) — польск. *grzybek do cerowania*;
- *капуста* — *kapusta*: русск. *изрубить в капусту* — польск. *posiekać (porąbać) na kapustę* (врага на поле боя);
- *орех* — *orzec*: русск. *твердый орешек* (о ком-либо) — польск. *twardy orzeszek (do zgryzienia)*;
- *лук* — *cebul(к)а*: купола церковей можно метафорически назвать по-русски *луковицами/луковками церковей* и по-польски *cebulami cerkwi*; русск. *луковица* и польск. *cebula* в значении ‘большие круглые карманные часы’.

Русские и польские фразеологизмы, содержащие номинации идентичных ФОЯГ, могут различаться по своей структуре, что обусловлено грамматическими особенностями каждого из сопоставляемых языков. Ср. различия в порядке слов в польских и русских атрибутивных словосочетаниях *jabłko adamowe* и *адамово яблоко*, *атомный гриб* и *grzyb atomowy* или в предложениях глагольного управления во фразеологизмах *posiekać na kapustę* и *изрубить в капусту*. В одном из анализируемых идиомов могут быть более широкие возможности модификации названия ФОЯГ, функционирование в составе фразеологизма производной от этого названия лексемы иной частеречной принадлежности. Например, в польском литературном языке наряду с *nos jak kartofel* употребляется словосочетание *kartoflowaty nos*, в то время как в русском литературном языке общепотребительны словосочетания, содержащие только существительное (*нос картошкой, нос как картофелина*).

Прежде чем перейти к случаям различий между русским и польским языками в использовании во вторичной функции названий ФОЯГ, отметим, что в условиях наличия большого числа синонимических фразеологизмов в каждом из сопоставляемых языков возникает проблема, с каким из синонимов другого языка сравнивать фразеологизм, содержащий название ФОЯГ в одном из анализируемых языков. В первую очередь мы сопоставляем обороты, схожие по структуре. И только при отсутствии подобных эквивалентов приводим соответствия, имеющие иную структуру. Например, польскому фразеологизму *wpaść jak śliwka w kompot* семантически соответствуют русские *погибнуть как швед под Полтавой* и *попасть как кур в ощиц* (ошибочно разговорное *во щи*). В качестве сопоставляемого эквивалента мы выбираем близкий по структуре польскому фразеологизму второй (*попасть как кур в ощиц*) и устанавливаем, что смысл ‘оказаться в безнадежной ситуации’ в польском языке выражает фразеологизм, содержащий номинацию фрукта (*śliwka*), которой соответствует в русском синонимическом обороте номинация домашней птицы (*кур*).

Укажем возможные виды различий между сопоставляемыми идиомами в употреблении номинаций ФОЯГ в качестве компонентов фразеологизмов и в переносном значении.

1. В сопоставляемых языках представлены названия различных ФОЯГ. Например, в польском соответствии русскому фразеологическому обороту *разбираться в чем-либо как свинья в апельсинах* представлены в качестве компонентов не только название иного животного, но и номинация иного съедобного растения – *znać się na czymś tyle, co koza (/kura) na pieprzu*. С другой стороны, русской лексеме *перец* в польском синонимичном фразеологизме соответствует название другого овоща – *bób*: русск. *задать перцу/перца кому-л* (ср. расширение объекта на неодушевленное существительное в телевизионной рекламе: *задай боли перцу!*) соответствует польск. *zadać bobu*. Названию гриба *rydz* «рыжик» в польском фразеологическом обороте *zdrow jak rydz* соответствует номинация овоща *огурчик*: *śwież (zdоров) jak ogurczyk*. Русск. *репа* «голова, башка» соответствует польск. *arbiz* «башка». *Грибной дождь* (о мелком дожде; о связи грибов и дождя см. выше) переводится на польский как *kapiśniak* (слово, производное от названия овоща *kapusta*).

2. В одном из сопоставляемых языков представлен гипероним, которому во втором идиоме соответствует гипоним. Например, польск. *grzyb* в значении «старый, немощный человек» и русское *сморчок* (в том же значении).

3. В одном из сопоставляемых языков во вторичной функции (метафорически или в качестве компонента фразеологизма) употребляется название ФОЯГ, которому соответствует в той же функции лексема, относящаяся к другой лексико-семантической группе. Например, польск. *pieprzok* (производное от *pieprz* «перец») и русск. *родинка*; польск. *rzepka* и *jabłko* и русск. *коленная чашечка*; русск. *остаться на бобах* и польск. *(po) zostać na lodzie*.

Третья группа является самой многочисленной. Приведем еще ряд примеров, относящихся к ней:

- польск. *jest czegoś jak bobu* – русск. *как грязи* «очень много»;
- русск. *старый хрен* (наряду с *хрыч*) – польск. *stary piernik* (т.е. русскому названию овоща соответствует польское название хлебобулочного изделия: *piernik* – «пряник»);
- польск. *złote jabłko* «то, что приносит прибыль, прибыльное дело» – русск. *золотое дно*;
- русск. *яблоку негде упасть* – польск. *nie ma gdzie szpilki wetknąć*;
- русск. *вот так клюква!* – польск. *ładny gips*;
- русск. *развесистая клюква* – польск. *niestworzone bzduury*;
- польск. *cebulaste oczy* (от *cebula* – лук) – русск. *рачы глаза* (о выпуклых глазах);
- русск. *попасть в яблочко* – польск. *trafić w sedno*;
- польск. *skrobać kotuś marchewkę* – русск. *наступать на пятки кому-либо* (в переносном значении);
- польск. *marzyć o niebieskich migdałach* – русск. *витать в облаках*;
- польск. *siać/skrobać/sprzedawać pietruszkę* 1. «не пользоваться успехом на балу, не быть приглашаемой на танец»; 2. «не выйти замуж» – русск. 1. *подпирать стенку*; 2. *сидеть (оставаться) в девках*;
- польск. *zbić na kwaśne jabłko* – русск. *избить до полусмерти*;
- русск. *что-то надоело кому-либо хуже горькой редьки* – польск. *ktoś ma czegoś rowyżej uszu*;
- русск. *при царе Горохе* «очень давно, в незапамятные времена» – польск. *za króla Świeszka*;
- русск. *дешевле пареной репы* – польск. *taniej niż barszcz* (номинация овоща *репа* как компонент словосочетания *пареная репа* называет блюдо, отличающееся

дешевизной и простотой — см. нижеследующий пример — приготовления, которому в польском соответствует суп из свеклы — свекольник, являющийся символом наиболее простого и дешевого кулинарного изделия в польской кухне: польск. *barszcz* отличается от русского борща с его многочисленными ингредиентами, которому в польском соответствует *barszcz ukraiński*;

- *проще пареной пены* — польск. *(to jest) najprostsze w świecie*;
- польск. *kokosy* как символ роскошной жизни (*życie kokosowe, to są żadne kokosy* ‘это никакая не роскошь’) — русск. *шоколад*: кто-то в *шоколаде* ‘у кого-то успешная, роскошная жизнь’;
- польск. *pierwsze śliwki robaczywki* (синонимичный фразеологизм *pierwsze koty za płoty*) — русск. *первый блин комом* (компоненты русского фразеологизма относятся к области кулинарии);
- русск. *перец ясный* (разговорное, чаще всего отмечается в современных детективах и кинофильмах — польск. *rozumiałe, rozumie się samo przez się*).

Часто фразеологизму, содержащему название ФОЯГ в одном из сопоставляемых языков, в другом языке соответствует фразеологизм совершенно иной структуры. Кроме некоторых из вышеприведенных примеров (*перец ясный* – *rozumie się samo przez się*) ср. также польск. *Ni cebulki, ni w co wkrajać* (синоним *aż bieda piszczy*; буквальный перевод на русский язык «Ни луковки, ни того, во что ее нарезать»). Этому обороту соответствует русский фразеологизм с иными компонентами и совершенно иной структурой — *Хоть шаром покати (так пусто)*. Польскому фразеологическому обороту *kilo rubinów, dwie konferencje*, в котором закодированы современные реалии (названия новых сортов яблок — *rubin* и груш — *konferencja*), также соответствует русская пословица с иными составляющими и иной структуры: *За одного битого двух небитых дают*.

Возможно отсутствие в одном из сопоставляемых языков фразеологического соответствия для фразеологизма другого языка с номинацией ФОЯГ. Тогда содержание фразеологизма с номинацией ФОЯГ передается описательно. Например, польск. *amator kwaśnych jabłek* (букв. *любитель кислых яблок*) — русск. *имеющий странный вкус*. Любопытно, что в том же значении в польском языке употребляется словосочетание, содержащее прилагательное, производное от номинации еще одного фрукта (*pomarańcza* «апельсин»): *ktos ma pomarańczowy gust*. Отсутствует в русском сравнение, соответствующее польск. *wesoły jak szczypiorek na wiosnę* (букв. *веселый, как зеленый лук весной*). Пословице *Хрен редьки не слаще*, содержащей два названия овоща, соответствует польская дескрипция *Jedno nie jest lepsze od drugiego*. Таким образом, в рамках третьего типа различий между сопоставляемыми языками в сфере вторичного употребления номинаций ФОЯГ можно выделить такой подтип, когда для фразеологизма с названием ФОЯГ в одном из языков отсутствует фразеологический эквивалент в другом языке.

4. Употребляемые в сопоставляемых языках во вторичной функции названия идентичных ФОЯГ относятся к разным референтам одной и той же понятийной сферы. Например, в области названий частей тела русск. *ягодища* и польск. *jagoda* «щека», русск. *репа* «голова» (особенно в выражении *почесать репу* в двух значениях, прямом и переносном, — задуматься, подумать над чем-л, обдумать что-л) и польск. *rzerpka* «коленная чашечка».

5. Относительно редкими являются случаи отсутствия какого-либо функционально-семантического эквивалента в одном из сопоставляемых языков для фразеологизма, содержащего номинацию ФОЯГ или производную от нее лексему в другом языке. Ср. русск. *шут гороховый* или *чучело гороховое* ‘посмешище’, ‘несуразно одетый человек’, для которых русско-польские словари дают в качестве соответствия только субстантивы *blażen* (т.е. шут) или *czupiradło* (т.е. чучело, пугало — в переносном

значении). Без перевода остается русский адъектив, генетически соотносящийся с субстанцией, из которой делали огородное пугало (о роли гороховой соломы и гороха в славянской лингвокультуре см. [3. С. 523–525]).

Отдельную группу составляют десемантизированные употребления первичных номинаций ФОЯГ в рифмованных экспрессивных сочетаниях типа польск. *trele morele* «ерунда, вздор, глупости» (*morele* «абрикосы») или русск. *любовь-морковь*. Вообще рифмованный характер как фразеологизмов, содержащих названия ФОЯГ, так и других фразеологических оборотов, паремий, народных примет, общеизвестен. Ср. русск. *От осинки не родятся апельсинки*, польск. *Kto sieje na świętą Jadwigę, dostaje figę* «Кто сеет на Св. Ядвигу, получает figу», польские паремии с номинациями злаков: *Nie wsuwaj nosa do cudzego prosa* «Не суй нос не в свое дело», *I w Paryżu nie będzie z owsa ryżu* букв. «И в Париже из овса не будет риса» (т.е. из простолюдина аристократа).

Потребностями версификации объясняется частое соседство номинаций *gruszka* и *pietruszka* в польских фразеологизмах: *ni z gruszki, ni z pietruszki* «ни с того, ни с сего», обычно употребляемая первая часть паремии *Wlazł na gruszkę, rwał pietruszkę (rzepa tu się rodzi)*, обозначающей абсурд, нелепость чего-либо.

Особую проблему составляет употребление фразеологизмов и метафор с номинациями ФОЯГ в художественной литературе, где наряду с общепринятыми фразеологизмами и метафорами писатели нередко используют индивидуальные, авторские. Так, в романе «Ожог» В. Аксенова лексема *помидорчик* постоянно употребляется в значении «сексуально привлекательная девушка»: «любопытно, откуда столько *помидорчиков* и почему они в этом гарнизоне?» [4. С. 59]; «*Помидорчик* правильно говорит. *Помидорчик* очень умный, – сказали блондин и “томагавк”, приближаясь к Машке» (говорят они о Машке); «...мы продолжим переговоры с *помидорчиком*. Пошли, мадемуазель». [4. С. 80]. Метафора *огурец* обозначает у Аксенова мужской половой орган. Разговорное и просторечное *груши* *околачивать* «ничего не делать, бить баклуши» в романе В. Золотухи «Свечка» расширяется обценной лексемой – *хером* *груши* *околачивать*: *У него одного дела, а мы тут хером груши околачиваем* [5. С. 434]. В. Маяковский сравнивает лица католических монахинь с печеной картошкой: *Воздев // печеные // картошки // личек, // черней, // чем негр, // не выдавший бань, // шестеро благочестивейших католичек // влезло // на борт // парохода «Эспань»* [6. С. 204]. Ср. также высказывание автолюбителя А.Н. Вышинского в программе «Гараж» радиостанции «Эхо Москвы» (13. XI. 2018): «в машине сидишь как *брюква*» (т.е. неподвижно, в отличие от езды на мотоцикле). Если общепринятыми сравнениями являются сравнения темных глаз с *вишенками* или *маслинами*, то к индивидуально авторским относится обозначение покрасневших глаз с помощью прилагательного «*клюквенный*» у В. Аксенова в «Ожоге» («из-за пальцев поблескивает *клюквенный* глазик Главы» [4. С. 136]). При этом авторское употребление номинации ФОЯГ во вторичной функции может представлять собой цитату из произведения другого автора. Так, выражение «*пропадай, моя черешня*» в значении «пиши пропало» у Т. Устиновой в романе «Селфи с судьбой» («Да мне не жалко ни *фига*, только она в Интернет выложит (фотографию. — Н.А.) и *пропадай моя черешня*» [7. С. 166] восходит к аффективу «*моя черешня*» из песни персонажа некогда популярной пьесы «Свадьба с приданым» Курочкина («Из-за Вас, *моя черешня*, ссорюсь я с приятелем...»), на что указывает сохранение местоимения «*моя*» у Т. Устиновой.

На примере некоторых переносных названий ФОЯГ мы видим проявление закона Г. Шпербера, по которому вслед за одним словом определенной лексико-семантической группы, которое начинает употребляться в метафорической функции, переносное значение приобретают и другие слова той же лексико-семантической группы (подробнее см. [1. С. 114]). Ср. значения «несуразность, незадача, непри-

ятность, глупость' для слов *петрушка* (*петрушка* *какая-то* *получилась*, пример из литературы: «... я только жизнь наладил, квартиру приличную снял, а тут такая *петрушка!* [7. С. 175]), производных от *хрен*— *хрень* и *хреновина* (*какая-то хрень / хреновина* *получилась*), *клюква* (*вот так клюква!* 'ну и дела!'). Ср. также значение 'голова' в польск. *arbuż, makówka, kapusta* (о специфическом значении в последнем слове см. ниже) или русск. *репа, кочан*.

Некоторые номинации ФОЯГ занимают во фразеологии сопоставляемых языков разное место, обладают различной частотностью. Так, слова *gruszka* и *tak* обладают большей фразеологической нагруженностью, чем русск. *груша* и *мак*. Ср. польск. фразеологизмы с номинацией *gruszka*, кроме вышеприведенных с рифмой *gruszka – pietruszka: (obiecąć) gruszki na wierzbie* «давать пустые обещания», *nie zasypać gruszek w popiele* «не зевать, не терять времени». Хотя в метафорическом употреблении лексем *gruszka – груша* (при номинации предметов, напоминающих этот плод) между русским и польским языками наблюдается сходство: русск. *груша* 'прибор для осуществления клизмы', 'резиновая часть тонометра', польск. *gruszka żarówki, gruszka Bessemera* (русск. «бессемеровский конвертер»). Примеры фразеологизмов и метафор с *tak*: *cicho (cisza) jak makiem zasiał (posiał)* «мертвая тишина; слышно, как муха пролетит» (намек на снотворные свойства мака); *dobrali się (znaleźli się) w korcu maku* – «стоят друг друга», «два сапога пара», «идеально подходят друг другу»; *rozbić (się) w (na) drobny mak* – «разбить(ся) вдребезги»; *zalać się w drobny mak* – «напиться вдрызг»; *supać mak na oczu = zasnawać makiem oczu* – «усыплять»; *maczek (pisać maczkami)* – «бисерный почерк» (писать мелким/бисерным почерком); *makówka* 'голова' (разговорное и шутивное). Русск. *маков цвет* и *маковки* (церквей) соотносятся со свойствами растения, а не зернышек мака.

Символика в славянской лингвокультуре отдельных номинаций ФОЯГ подробно прослеживается в пятитомном этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (М., 1995–2012). То или иное символическое значение проявляется во вторичном употреблении этих номинаций. Так, *chrzhan* и *хрен*, являясь названиями овоща, обладающего высокой степенью горечи (*хрен редьки не слаще*), становятся символом чего-то плохого, неприятного, и не случайно фразеологизмы, содержащие в одном из сравниваемых языков название этого овоща, в другом содержат слова, номинирующие олицетворение зла (русск. *черт*, польск. *diabeł*). Одновременно в каждом из этих языков фразеологизму со словами *chrzhan / хрен* может в качестве синонима соответствовать фразеологизм с лексемами *diabeł / черт*. Ср.: *coś jest do chrzhanu* – русск. *ни к черту не годится*; русск. *на хрен мне это нужно = на кой черт мне это нужно (/ на фиг мне это нужно)*; русск. *хрен его знает* – польск. *diabeł wie, diabli wiedzą*; русск. *ни хрена не понимаю, хрен его поймет = ни черта не понимаю*; русск. *хрен с ним = черт с ним, ну его к хрену = ну его к черту*. В русском разговорном языке *хрен* как слово, обозначающее что-то неприятное, нехорошее, чушь, стало словообразовательной основой для производных с пейоративным значением: *хрень, хренота, хреновина*. В значениях 'нехороший, плохой', 'нехорошо, плохо' употребляются прилагательное *хреновый*, наречие *хреново*. В обоих языках представлены также производные от *хрен / chrzhan* глаголы: русск. *охренеть*, польск. *chrzanić (ochrzanić, schrzanić)*. При этом русск. *охренеть* является непереходным глаголом (*ты что, охренел?*; *красиво так, что охренеть можно*), а польские глаголы (кроме *chrzanić* в значении 'трепать языком') требуют объекта: *chrzanić* «портить», *ochrzanić – ochrzaniac* «ругать / обругать кого-л» (производный субстантив *ochrzhan* «обругивание (кого-л)»), *schrzanić (coś)* «испортить что-л».

Польск. *kapusta* символизирует тупую, пустую голову (польск. *głęb kapuściany, głowa kapuściana*). Это явно видно в стихотворении Я. Бжехвы «На прилавке» («Na straganie») в строчке: *Co kapusta? Głowa pusta*. Ср. высказывание, записанное нами

в конце 70-х годов XX в. от диалектоносительницы польского говора с. Майшегала (Вильнюсский р-н, Литва): *Nic nie pamiętam. Moja głowa kapusta*. Номинация *burak* «свекла» может относиться к темному, необразованному человеку («от сохи»), польск. *kokosu* символизируют высокий уровень жизни, *pieprz* же как растение родом из субтропических и тропических (т.е. далеких) стран символизирует «большое расстояние, отдаленность»: (*gdzie pieprz rośnie* = куда Макар телят не гонял), а его зернышки ассоциируются в обоих сопоставляемых языках с горечью, пикантностью, остротой. Ср. польск. *pieprzne dowcipy, kawały, anegdoty*, русск. *анекдот с перчиком*, польск. *komedia z pieprzykiem*, русск. *задать перцу*, польск. *pieprzyć* и *spieprzyć* в переносных значениях.

Полный анализ фрагментов культурного кода польского и русского литературных языков, содержащих фразеологизмы с номинациями ФОЯГ и метафорическое употребление первоначальных названий ФОЯГ, включает:

- Составление полного перечня этих фразеологизмов и метафор и их соответствий в каждом из сопоставляемых языков.
- Выявление происхождения этих фразеологизмов и метафор.

В некоторых случаях, особенно если речь идет о новейших оборотах и метафорах, происхождение может быть легко установимым. Например, фразеологизм *вишенка на торте* мотивируется реальным помещением ягод или фруктов (в том числе вишен) на верху торта. Русск. *капуста* в значении «доллары» связана с зеленым цветом этих денежных единиц (как и *зелень* в том же значении). В основе польск. *roźniańskie pyry* «житель Познани» лежит великопольская номинация картофеля *pyry (pyrki)*. Польск. *groch z kapustą* «кавардак, неразбериха, беспорядок» мотивировано блюдом, часто приготавливаемым на Святки и Рождество (ср. «у поляков Силезии блюда из капусты с Г. (горохом.— Н.А.) гарантировали хороший урожай [З. С. 523]). Ингредиенты этого блюда могли вызывать нарушения в пищеварении, что легло в основу формирования значения «беспорядок, кавардак». Из кинофильма А. Серого и Г. Данелии «Джентльмены удачи» вошла в русский язык номинация *редиска* в значении «плохой человек». Сценаристка фильма В. Токарева объяснила происхождение метафоры прилагательными, которые употреблял В. Ленин по отношению к Л. Троцкому, определяя его как *красного* снаружи и *белого* внутри. Эта дефиниция В. Ленина вызвала у В. Токаревой ассоциации с редиской (красной снаружи и белой в середине). Поскольку Л. Троцкий в СССР считался отрицательной фигурой, ассоциирующееся с ним название овоща (редиска) было наделено значением «плохой человек». Однако во многих случаях установление этимологии фразеологизма с номинациями ФОЯГ требует кропотливых изысканий, особенно в случае заимствований из других языков.

- Установление прецедентных онимов (библионимов, названий песен, танцев, картин и т.д.), в состав которых входят номинации ФОЯГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 2010.
2. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. II. Панцирь – Ящур.
3. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.
4. Аксенов В. Ожог. Роман. СПб., 2017.
5. Золотуха В. Свечка. М., 2016. Т. 1–2.
6. Маяковский В. Стихотворения и поэмы в двух томах. Стихотворения. М., 1961. Т. 1.
7. Устинова Т. Селфи с судьбой. М., 2017.

К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ ВАЛЕНТИНА ЛАВРЕНТЬЕВИЧА ЯНИНА

Славяноведение, № 2

Журнал «Славяноведение» посвящает подборку статей по медиевистической славистике юбилею В.Л. Янина. Разнообразие сюжетов и источников, исследуемых в публикуемых статьях (от новгородской и балтийской археологии до эпиграфики «Святой земли»), до некоторой степени отражает спектр интересов В.Л. Янина: им создано то направление научной гуманитарной мысли, которое сам Янин обозначил как комплексное источниковедение (Очерки комплексного источниковедения. М., 1977). В работах Янина, ставших классическими – переиздаваемыми в наступившем тысячелетии (таковы его кандидатская диссертация по денежно-весовым системам домонгольской Руси, опубликованная еще в 1956 г. (Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009), докторская диссертация «Новгородские посадники», 1962 г. (М., 2003), был преодолен «формалистический» подход к «вспомогательным» историческим дисциплинам: археологии, нумизматике, сфрагистике, эпиграфике – его работы стали образцами междисциплинарного синтеза в гуманитарных исследованиях.

Этот подход В.Я. Янин унаследовал от своего учителя – создателя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского (его книга «Древнерусская миниатюра как исторический источник» была провозвестником этого направления). Унаследовано было и руководство кафедрой археологии и Новгородской экспедицией. Экспедиция стала особым феноменом отечественной культуры: каждый год наши гуманитарии с замиранием сердца ждут окончания археологического сезона в Новгороде и новых писем из древности – берестяных грамот. Понимание этих писем требует совмещения археологического мастерства – умения разбираться в многометровой стратиграфии новгородских раскопов и во всех тонкостях палеографии и диалектной специфике средневекового Новгорода, чем прославились сподвижники Янина – сотрудники института славяноведения А.А. Зализняк и А.А. Гиппиус. Объем работ по истории и археологии любимого юбиляром Новгорода неисчерпаем: сотрудники института и редколлегия желают В.Л. Янину здоровья и новых творческих достижений.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ НОВГОРОДСКОГО ГОСТОМЫСЛА

© 2019 г. В.Я. Петрухин

*Д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com*

«Старейшина» Гостомысл, согласно предлагаемой в статье гипотезе, появился в новгородской традиции благодаря обмену информацией о событиях в Прибалтике с традиционными партнерами Новгорода – немцами. Новгородская первая летопись упоминает Дедрика (Теодориха) Бернского, о нем повествуют Кведлинбургские анналы, описывающие также гибель ободритского правителя Гостомысла.

Gostomysl, «the Elder», according to the author's hypothesis, appeared in the Novgorod tradition due to the information exchange about the events in the Baltics with the traditional partners of the Novgorodians – the Germans. The first Novgorod chronicle mentions Dedrich (Teodorich) of Bern, mentioned in the Annales of Quedlinburg, where the death of Obodrites' ruler Gostomysl is also described.

Ключевые слова: Гостомысл, Новгород, летописи, саги, эпос.

Keywords: Gostomysl, Novgorod, chronicles, sagas, epic.

DOI: 10.31857/S0869544X0004201-4

Гостомысл остается самой загадочной фигурой начальной новгородской и русской истории. Он неизвестен начальному летописанию, донесенному Повестью временных лет, вставлен в начало списка посадников Новгородской первой летописи (НПЛ) [1. С. 164] в соответствии с исследованной В.Л. Яниным традицией о словенском «старейшине Гостомысле», сложившейся в летописании XV в. ([2. С. 65–68] (ср. гипотезу об упоминании Гостомысла в более ранних, реконструируемых сводах [3. С. 48])).

Краткость известий о Гостомысле с эпохи Средневековья (от «Сказания о князьях Владимирских» до «Иоакимовской летописи» в изложении Татищева¹) провоцирует на конструкцию пространных сюжетов с активным участием этого героя в призвании варяжских князей и т.п. Традиционно постулируются и фольклорные основы этой фигуры, хотя в летописях с Гостомыслом не связаны никакие фольклорные сюжеты и даже мотивы (ср. [5. С. 288–294; 6. С. 49–53]).

Единственным безусловно древним свидетельством «реальности» персонажа остается само имя *Гостомысл*. В новгородской традиции известно

¹ О фантастичности конструкции Татищева, в том числе измышленных им имен см. [4].

имя *Гостята*, но точным соответствием летописному Гостомыслу является праславянское *gostomyslъ [7. С. 67]: Фульдские анналы под 844 г. сообщают о победе Людовика Немецкого над ободритами и гибели их короля (*rex*) *Gostomuizli*, сходное известие содержат иные латинские хроники (в Ксантенских анналах он назван одним из королей винидов/вендов, см. [8. II. S. 139–140; 9. S. 253]), Кведлинбургские, Алтайхские и Хильдесхаймские анналы приписывают расправу с Гостомыслом Лотарю [10. С. 37, 96, 229]. Многочисленные попытки отождествить этого ободритского «короля» Гостомысла со «старейшиной» русского летописания, продлив его жизнь до эпохи призвания варягов, безосновательны.

Очевидны, вместе с тем, особая значимость этого имени в латинской аналитике и свидетельства постоянных контактов Новгорода с Балтийским регионом, в том числе с миром балтийских славян. На языковом уровне эти контакты, воздействовавшие на сложение новгородского диалекта (койне) проанализированы А.А. Зализняком [11], не менее значимы археологические данные, в том числе по погребальному обряду, характеризующему новгородскую элиту XI – начала XII в. (так называемые камерные гробницы (ср. [12; 5. С. 294])).

Значимым для понимания административного устройства Новгорода представляется обычай славян-ободритов, который описал в Хронике начала XI в. немецкий епископ Титмар Мерзебургский. Он сетовал на то, что христианизированные славяне редко посещают церковь. «Почитая домашних богов и надеясь на их покровительство, они приносят им жертвы. Я слышал о некоем посохе, на конце которого была рука, держащая железный обруч; пастырь того села, где он находился, носил его с собой от дома к дому. При входе [в дом] носитель (посоха) приветствовал его такими словами: “Не спи, Хеннил, не спи!” – ведь так его звали на языке крестьян; – затем эти глупцы, роскошно там пообедав, наивно полагали, что теперь находятся под его защитой» [13. VII. 69]. Имя «защитника» остается загадочным: Л. Мошинский предполагал, что Хеннил – ошибочно записанное немецкое (?) слово (см. обзор: [14. С. 153–154]). Вообще интерпретация данных латинских авторов чрезвычайно осложнена тем, что эти данные соотносимы не со славянской, а с привычной для христианского автора традицией: палка/посох (особенно епископский) постоянно упоминаются Титмаром в Хронике как атрибуты власти. Для сюжета с жезлом интересен эпизод со знаменем, описанный Титмаром под 1015 г. [13. VII. 15 (11)]: во время пребывания императора Генриха II в Мерзебурге к нему явился «из западных земель» некий крестьянин великанского роста; «с собой он нес палку, которой погонял во время пахоты скот, когда через голубя получил с неба повеление». Содержание небесного послания остается неизвестным, но император пренебрег им – и потерпел неудачу в войне. Очевидно, что палка погонщика выполняла здесь функции «антенны» – мирового дерева, достигающего небес.

Смысл самого обряда с жезлом, именуемым Хеннил, ясен, с точки зрения феноменов, описанных в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»: это так называемый *обходный обряд*, центральным символом которого оказывается фетиш-палка, сходный с обрядовым деревцем, веткой и т.п. фетишами, настолько же характерными для обходов, насколько характерными были трапеза, приговоры и т.п. [15. Т. 3 С. 483–487].

Характерны в этом отношении находки небольших палочек-жезлов, которыми изобилует Новгород: полторы сотни таких жезлов известны были по своду резного дерева, изданному Б.А. Колчиным [16. С. 41–42]. Большая их

часть датируется X–XI вв., поэтому жезлы принято соотносить с некими языческими ритуалами. Сами жезлы предназначались для того, чтобы быть привязанными к каким-то предметам, для чего предназначался вырез в нижней части; жезлы иногда венчались изображением зоо- или антропоморфной головки. Более прочих приближает нас к описанию Титмара другая серия новгородских находок: это изображения руки, держащей палку. Правда, их датировка отдалена от «языческого» времени – они относятся преимущественно ко второй половине XIII–XIV в. ([16. С. 39–40]; тем же временем датируется находка из Старой Руссы). Среди них выделяется небольшая (10 см) находка стержня, который венчает фигура лежащего льва с высунутым языком, рижский стержень также завершается львиной головкой: стержень мог служить апотропеем, отпугивающим нечистую силу [17. С. 397].

С этой балто-славянской перспективой соотносятся и находки с новгородских усадеб – многочисленные антропоморфные навершия ([16. Табл. 33–36]) которые обычно ассоциируются с идолами – изображениями домовых; они напоминают нам о «домашних богах», упоминаемых Титмаром в связи с «пастырем села», носителем сакрального жезла. Б.А. Колчин предположил, что новгородские жезлы могли служить не только боевыми булавами, но и «знаками достоинства, в том числе уличанской администрации [16. С. 21] (ср. «пастыря села» у Титмара).

Ранее А.В. Арциховский [18. С. 40] обратил внимание на миниатюру Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, где композиция, передающая собрание (вече) в Киеве, дополнена сбоку изображением юноши, держащего в руке Т-образный «жезл типичной новгородской формы» – «эмблему веча». Замечу (вслед за Б.А. Колчиным), что форма навершия, характеризующаяся, как правило «кривизной», связана с материалом – комлем, которому следовал при выборе мотива резчик. Автор специальной публикации Е.А. Тянина [19] справедливо отрицает интерпретацию жезлов Б.А. Рыбаковым, стремившимся увязать их с рутальными жезлами из балканской традиции. Их интерпретация зависит от дальнейших исследований – материала, топографии, в том числе места находок в жилищных комплексах.

Археологические, топонимические (Прусская улица в Новгороде) и тому подобные свидетельства единства балтийского мира, конечно, не следует использовать как основание для конструкции исторического образа старейшины Гостомысла: так воспринимался этот персонаж в позднем Средневековье (вплоть до Татищева). Имя ободритского Гостомысла могло проникнуть в новгородскую традицию при посредстве латинской книжности, и свидетельство такого воздействия содержит та же НПЛ (включившая имя Гостомысла в начало списка новгородских посадников). В «Повести о взятии Царьграда фрягами», которая приписывается русскому (новгородскому?) свидетелю разгрома Константинополя крестоносцами в 1204 г. [20. С. 353], содержится список «воевод», руководивших взятием Царьграда. Первым упомянут некий «Маркос от Рима»: И.Э. Клейненберг показал, что этим личным именем передан титул предводителя крестового похода *маркграфа* монферратского Бонифация, и «чтобы вызвать у читателей или слушателей “Повести” знакомые ассоциации и связать в их сознании местонахождение северо-итальянских владений маркграфа с чем-то им уже известным, автор, поясняя, добавляет» [21. С. 129]: «Въ градъ Бърне, идеже бе жилъ погании злыи Дедрикъ» [1. С. 49]. Речь идет о Теодорихе Готском (Великом), завоевавшем Италию (в том числе Верону/Берн) в конце VI в. и ставшего героем германского эпоса. И.Э. Клейненберг вслед за А.Н. Веселовским (ср. [22. С. 22])

предположил, что выходцы из нижненемецких городов могли быть «передатчиками» своих преданий и песен в Новгороде, тем более, что в упомянутых Кведлинбургских анналах Тидерик из Берна характеризуется как персонаж, о «котором некогда пели сельские жители» [10. С. 25]: *Thideric de Berne, de quo cantabant rustici olim* [23. P. 31]².

Наименование этого персонажа «поганьи злыи Дедрикъ» соответствует содержанию норвежской «Саги и Тидреке» (составленной «со слов немецких людей» и исследованной еще А.Н. Веселовским): эта сага о древних временах содержит обычное для этой разновидности жанра фантастическое повествование о соперничестве между неким Вильтином (эпонимом вендов/вильцев – ободритов?) и правителями Руси за власть над Восточной Европой и Балтикой, завоевании вильтинов и Руси гуннским вождем Аттилой и его вассалом Тидреком, убийстве правителя Руси (Новгорода/Хольмгарда) Вальдемара/Владимира, передаче власти над Русью его брату Илье и т.д.

В имени Ильи видят отражение образа былинного Ильи Муромца (ср. [22. С. 66–80; 25. С. 337–340]). Среди исторических персонажей с таким именем привлекает внимание новгородский князь Илья Ярославич, включенный в список князей новгородских НПЛ [1. С.161] и, вероятно, посаженный в город Ярославом Мудрым в 1019 г. А.В. Назаренко [26] предположил, что этот князь и был тем анонимным «сыном русского короля»³, за которого выдал свою сестру Кнут Великий, заключивший союз с Русью против польского князя Болеслава I. А.Н. Веселовский [22. С.8] предположил, что фантастические известия «Саги о Тидреке» отражают события эпохи конфликтов немцев с ободритами, Польшей и Русью в раннем Средневековье.

Так или иначе, циркуляция эпических сюжетов, начиная с легенды о призвании варягов с традиционно указываемыми англо-саксонскими параллелями [17. С. 100–120], характеризует балтийский регион; характерен и «обмен» именами, включавшимися в эпический контекст – немецкие сказания получили образ Ильи Русского. Вероятно, результатом такого обмена и стал древний славянский (ободритский) правитель Гостомысл, упоминаемый Кведлинбургскими анналами и прочими хрониками и вставленный в список посадников новгородских (как был вставлен в список князей Ильи).

Еще А.Ф. Гильфердинг возражал против мифологизации этих имен и событий, имевших место уже в Средневековье: к таковым относится рассказ Гельмольда о крещении славян, в том числе жителей Рюгена (Рана) в результате похода Людовика II; Гостомысл у Гельмольда не упоминается, характерным для средневековых этимологических построений представляется возведение культа Святовита к святому Виту [27. 1.6]; таковым же оказывается фальсификат – поддельная грамота Людовика, где тот побеждает ранов убивает их короля (*Gestimilus*), а сам остров дарует Корбейскому монастырю (ср. [28. С. 484–386; 29]. Тем не менее, комментатор переиздания труда почтенного слависта значительно расширяет пределы власти Гостомысла на весь славянский мир Юго-Восточной Прибалтики: «Не исключено, что торговые поселения балтийских славян на севере Руси просто (! – *ВП*) управлялись ободрицким Гостомыслом, а после его смерти управление было ослаблено

² Анналы обвиняют Тидрека, захватившего Рим, в смерти святого Иоанна (папы Иоанна I) и «славных консулов» Симмаха и Боэция. См. о циклизации эпических сюжетов связанных с Тидреком, в том числе о Кведлинбургских анналах [24. С. 63–65]

³ Илья был братом другого Владимира – Владимира Ярославича, который сменил Илью на новгородском столе.

и летописный союз племен (кривичи, словене, чудь, меря, весь) потребова-ли у “метрополии” себе уже своего князя, коим явился Рюрик» [28. С. 665]⁴.

Имя Рюрика подвергается в этой средневековой традиции не меньшей мифологизации, чем имя Гостомысла. Однако имя Рюрика прочно вклю-чено в сюжеты начального летописания — загадочными остаются его братья Синеус и Трувор, составляющие «фольклорную» троицу, но носящие под-линнные скандинавские имена. Традиция заставляла составителей ранних летописных текстов искать исторические свидетельства хотя бы в реликтах ономастики (характерная для эпоса тенденция — ср. [31. С. 174—175])⁵. Мож-но считать, что имя Гостомысла — древнего правителя славян, донесенное латинской (немецкой) традицией было нужной находкой в процессе обмена эпической информацией. Сложнее было с определением его статуса в нов-городской предыстории: княжеский статус противоречил легенде о призван-ии варяжских князей; оставалась функция посадника — так как, согласно новгородской традиции (НПЛ) посадничество (Новгородская волость), по характеристике В.Л. Янина, «старше княжеской власти» [2. С. 65—68]. Фигу-ра Гостомысла выглядела в этом отношении нейтральной, ибо первые исто-рические посадники — непоименованные, присланные Ярополком, пропу-щенный в списке Добрыня и упомянутый вслед за Гостомыслом Коснятин Добрынич были явно зависимы от князей: Коснятин был заточен Яросла-вом Мудрым, в Новгороде князь посадил упомянутого сына Илью [1. С. 161]. Нейтральной модификации придерживалась в отношении статуса Гостомыс-ла новгородская традиция, отраженная Новгородской четвертой летописью и др. [34. С. 3]: в текст Повести временных лет о расселении славян и осно-вании Новгорода была сделана вставка — «и посадиша старѣшину Гостомыс-ла» (вставка предшествовала рассказу о Кие и киевских полянах). Книжный термин *старейшина* (ср. [6. С. 52—53; 32]) «снял» проблему князь или по-садник, достаточно драматическую для начала новгородской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 // ПСРЛ. Т. 3 (ре-принт издания под ред. А.Н. Насонова: М.; Л., 1950).
2. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003.
3. Гиппиус А.А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конфе-ренции. М., 2012.
4. Мельникова Е.А. Гостомysl // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 200.

⁴ В этой конструкции комментаторы следуют (без ссылки) адепту так называемой исторической школы в эпосоведении С.Н. Азбелеву [30. С. 69 и сл.]: он пытался (в соответствии с установка-ми этой школы) удревить до языческих времен сюжет локальной истории XVII в. («История еже о начале Руския земли») о погребении исторического Гостомысла в сопке на Волотовом поле (насыпанной новгородцами пригоршнями) и надеялся на возможность обнаружения могилы Гостомысла в сопке. Еще А.Н. Веселовский [22. С. 15] указывал на позднейший характер это-го и подобных преданий, соотносящих книжных героев и богатырей с допотопными великана-ми (волотами); рассказы о курганах («горах»), насыпанных солдатскими шапками и т.п. бытуют в фольклоре, но никак не соотносятся с древними «реалиями». Но даже цитированные сторон-ники беспредельной власти Гостомысла в Прибалтике не решились вслед за Азбелевым [30. С. 38 и сл.], опираясь на «Сагу о Тидреке Бернском, удревить русскую историю до эпохи Аттилы. См. об отражении гуннского времени в германском эпосе: [24].

⁵ Характерно и восприятие скандинавской традицией имени Владимир/Вальдемар, как архети-пического русского князя (в сагах) [32. С. 53, 58].

5. *Петрухин В.Я.* «Русь и все языки»: аспекты исторических взаимосвязей. М., 2011.
6. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014.
7. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1980. Вып. 7.
8. *Labuda G.* Gostomysł // Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1964. T. 2. S. 139–140.
9. *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1973. T. V.
10. Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / Пер. И.В. Дьяконова и В.В. Рыбакова. М., 2012.
11. *Зализняк А.А.* Новгородский диалект М., 2004.
12. *Платонова Н.И.* Камерные погребения XI – начала XII века в Новгородской земле // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4.
13. Титмар Мерзебургский. Хроника / Изд. подгот. И.В. Дьяконов. М., 2005.
14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.
15. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников Е1–55. М., 1971.
16. *Петрухин В.Я.* Русь христианская и языческая. СПб., 2019.
17. *Арциховский А.В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
18. *Тянина Е.А.* Шаровидные деревянные навершия средневекового Новгорода // Исторические исследования. 2015. № 3.
19. Словарь книжников и книжности древней Руси. Л.; СПб., 1987. Вып. 1 / Под ред. Д.С. Лихачева.
20. *Клейнберг И.Э.* «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники. Сб. статей. Посвящается памяти А.Н. Насонова / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1974.
21. *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 3.
22. *Annales Quedlinburgenses* // Monumenta Germaniae Historica. Hannover, 1839. Т. III.
23. *Мельникова Е.А.* «Сага о Хервёр и конунге Хейдрек» и проблема циклизации германского героического эпоса в Скандинавии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. М., 2018.
24. *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.
25. *Назаренко А.В.* Илья Ярославич // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 333.
26. Гельмольд. Славянская хроника / Пер. с лат. и прим. Л.В. Разумовской. М., 1963.
27. *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян / комментарии В.В. Фомина и С.В. Цветкова. М.; СПб., 2013.
28. *Labuda G.* Korbea Nowa // Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / Pod red. W. Kowalenki, G. Labudy i T. Lehra-Spławińskiego. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1964. T. 2. S. 476.
29. *Азбелев С.Н.* Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.
30. *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.; Л., 1962.
31. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
32. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. I.
33. *Вилкул Т.Л.* «Старци» и «старейшины» древнерусской летописи: свидетельства Повести временных лет и славянского Восьмикнижия // Славяноведение. 2014. № 2.

ОТНОШЕНИЯ КАТОЛИКОВ И ПРАВОСЛАВНЫХ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ТРУДЕ И.Л. ДЕЦИЯ

© 2019 г. Б.Н. Флоря

*Чл.-корр. РАН, заведующий отделом Института славяноведения РАН
E-mail: zhurslav@mail.ru*

В статье характеризуются взгляды хрониста И.Л. Деция о православных в Восточной Европе и их отношениях с католиками на территории Великого княжества Литовского и за его границами.

The article characterises the views of the chronicle writer Justus Ludwik Decjusz about the Orthodox Christians in Eastern Europe and their interactions with Catholics in the territory of the Grand Duchy of Lithuania and beyond its borders.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Россия, православные, католики.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Russia, Orthodox Christians, Catholics.

DOI: 10.31857/S0869544X0004202-5

В многоэтничном и многоконфессиональном государстве есть основание ожидать не только определенной практики межконфессиональных отношений, закрепленной в соответствующих актах, но и существования определенных моделей межконфессиональных отношений, которые могли быть разными в разных общественных кругах даже одной религиозной общности. Определенной иллюстрацией такого положения может служить положение в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в.

Так, здесь в целом ряде важных актов, исходивших от государственной власти, устанавливались нормальные условия существования православной церкви в Великом княжестве и защита властью ее интересов в отношениях с католиками. В грамоте 1511 г., выданной по ходатайству православного митрополита и «князей и панов Греческого закона», была подтверждена судебная юрисдикция митрополита и епископов по отношению к православным жителям Великого княжества «в духовных делах». Одновременно в ней предписывалось, «абы все князи и панове нашего Римского закона, как духовные, так и светские» православным «кривды не чинили и в доходы церковные и во все sprawy и суды духовные не вступалися» [1. Т. II. № 65]. Позднее был принят ряд различных мер, чтобы установленные нормы не остались на бумаге.

В текстах установленного в 1529 г. свода законов Великого княжества — I Литовского статута говорилось о намерении монарха «обдаровати» «правы христианскими» всех христиан — своих подданных. Оно должно было действовать по отношению ко всем «христианам» Великого княжества, независимо от их принадлежности к той или иной христианской конфессии. Здесь же отмечалось, что король подтверждает «привилея костельные, так латинского закону, яко и греческого» [2. С. 31], т.е. и та, и другая церковь может законно пользоваться правами, предоставленными им государственной властью.

В грамотах, адресованных отдельным обителям, подчеркивалась забота монарха — католика — о том, чтобы «хвала Божья в той церкви Божьей ширила и множила» [3], «абы в том монастыри завежды хвала Божья бывала, а за нас, господаря, Бога прошно» [4. С. 32].

Однако этой позиции, установленной и прокламируемой государственной властью, противостояла позиция по отношению к православным католического епископата (и католического духовенства в целом), которое придерживалось «конфронтационной» модели отношений, сформировавшейся в конце XIV — начале XV в. и пересмотренной теперь государственной властью. Эта модель предусматривала возможность и законность существования православной церкви в Великом княжестве Литовском, но, видя в ней очевидный источник зла, католическая церковь настаивала на надзоре за ее деятельностью и установлению по отношению к этой деятельности разных ограничений. Как известно, подобную программу удалось в значительной степени осуществить на территории Русского воеводства Польского королевства, и целый ряд католических иерархов активно противодействовал образованию на этой территории православной Львовской епархии. В 1542 г. синод в Пётркове добивался ее закрытия [1. Т. I. № 102]. Ленчицкий синод в 1527 г. настаивал на сохранении установленного Витовтом запрета на строительство новых православных храмов и требовал разрушить церкви, построенные в нарушение этого запрета [5. S. 56]. На протяжении всей первой половины XVI в. польская католическая церковь не признавала истинности православного таинства крещения, хотя это противоречило решениям, принятым еще в середине XV в. на Флорентийском соборе [6. С. 62].

Дополнительную сложность создавало то, что отношение политической элиты — прежде всего литовской католической знати — к православным менялось с обращением к сфере отношений с православными жителями враждебного восточного соседа — Русского государства.

Сохранилось послание литовской рады Сигизмунду I, в котором о главе этого государства — Василии III — говорилось, что он «не знает Божьи веры правдивы», «валчит против крови хрестьянские», а жители России характеризуются как «отщепенцы»-схизматики [1. Т. I. № 144. С. 174–175].

Интересно рассмотреть, как такое состояние общественного сознания отразилось в историческом труде, посвященном изображению начального периода правления Сигизмунда I. Имею в виду книгу Иоста Людвика Деция «Книга о временах короля Сигизмунда», напечатанную в 1521 г. Иост Людвик Деций, выходец из Эльзаса, сумел найти приют в Польше и сделать себе карьеру благодаря своему земляку Яну Бонеру, бывшему одним из главных финансовых советников короля Сигизмунда I. Со службы у Яна Бонера И.Л. Деций перешел на королевскую службу, став в 1520 г. королевским секретарем. Благодаря Бонеру обладал важными должностями в финансовом

аппарате монархии (в частности, одно время был управляющим соляными рудниками Велички). В 1531 г. он получил дворянское достоинство.

Вместе с тем Деций был образованным человеком, одним из польских корреспондентов Эразма Роттердамского¹. Данные биографии Деция характеризуют его и как представителя власти, и как человека, связанного с кругами богатого и влиятельного, сотрудничавшего с властью, мещанства, и как представителя формировавшейся ренессансной интеллигенции. Есть поэтому основание видеть в историческом труде Деция отражение взглядов, характерных для группы людей, занимавших важное место в общественной и культурной жизни Польши и Великого княжества Литовского. Следует также учесть официальный характер труда: когда завершалась работа над его текстом, Деций был королевским секретарем.

Деций был католиком, привязанным к католической вере и характерным для нее практикам. Неудачи польского войска в войне с татарами он традиционно объяснял тем, что люди пренебрегали их исполнением [7. S. 123]. Вместе с тем он не был католиком крайних взглядов. Характерно, что в его сочинении обнаруживается ряд критических высказываний по адресу папского престола. Так, в разных местах своего труда он порицал папу Юлия II, который развязал ряд войн в Италии [7. S. 50, 88], хотя для избранной им темы необходимости в таких высказываниях не было. Сообщение, что папа требует денег на строительство нового здания Собора св. Петра он сопроводил комментарием, что полезнее было бы использовать эти средства, чтобы построить крепости для защиты «христиан» от татарских набегов [7. S. 53].

Заслуживают внимания и сообщения Деция о взаимоотношениях держав Сигизмунда I с мусульманскими соседями. «Татары» для Деция – коварный и опасный враг, какое-либо прочное соглашение с которым невозможно, но в иной тональности выдержаны его высказывания об отношениях с Османской империей. Так, в его труде сообщается о приезде послов от султана Баязида, которые прибыли для подтверждения союза, заключенного некогда с отцом Сигизмунда I [7. S. 47–48]. Важно и помещение сообщения о таком событии, и отсутствие критических комментариев по этому поводу. Еще более важно, что, говоря о призывах папского престола, чтобы Сигизмунд I присоединился к антиосманской коалиции, хронист замечает, что разрыв мирного договора, заключенного с султаном, был бы «нарушением международного права», которое следует соблюдать даже по отношению к нехристианскому государю [7. S. 50].

Очевидно, что Деций не только не был католиком крайних взглядов, но и не считал (очевидно, как представитель нарождающейся ренессансной интеллигенции), что все вопросы государственной жизни должны определяться интересами католической религии. В сочинении Деция присутствует целый ряд оценочных суждений, касающихся православных жителей Польского королевства и Великого княжества Литовского. В одном из заключительных разделов своего сочинения Деций записал о «русинах», что «они не во многом отличаются от нас по вере, но, хотя имеют другие обряды, к ним надо относиться терпимо, поскольку в самих догматах веры они едва ли не полностью согласны с нами» [7. S. 123]. В начальной же части своего труда Деций писал, что и обряды их мало отличаются от католических, и только из-за этих различий они не принадлежат к «римской церкви», как чехи [7. S. 18–19].

¹ См. вступительную статью к изданию [7].

Эти высказывания о «русунах» заметно отличаются от его высказываний об «армянах», которых хронист рассматривает вместе с «евреями» и обвиняет в том, что они снабжают оружием врагов, а магнатов в том, что они им давали власть над «христианами» [7. S. 123]. В высказываниях Деция о православных «русунах» налицо, как представляется, определенное обоснование межконфессионального мира между католиками и православными, который Сигизмунд I установил в Великом княжестве Литовском и пытался установить и в Польском королевстве с образованием Львовской православной епархии.

Подчеркивание Децием полного сходства в догматах веры между православными и католиками, как представляется, появилось не случайно в сочинении, увидевшим свет в условиях быстрого распространения протестантских учений. Деций так хотел показать, что православные не имеют никакого отношения к предосудительным новшествам.

Совсем в ином ключе выдержана тема взаимоотношений католиков и православных в повествовании о русско-литовской войне 1512–1514 гг. Василий III выступает в нем как «неприятель христианства», а польско-литовская армия, противостоящая его войскам, неоднократно именуется «христианским» войском [7. S. 75, 81]. Особенно интересен в этом плане авторский комментарий к сообщению о том, что Василий III взял к себе на службу немцев и итальянцев. По оценке хрониста, эти люди, «не помня своей веры, готовят уничтожение христиан». Хронист сравнивает этих людей с христианами, которые служат султану [7. S. 75]. Одновременно русские участники войны в рассказе Деция неоднократно именуется «варварами» [7. S. 78, 84]. Эта часть высказываний Деция соответствует тому, что говорилось о Василии III и его православных «русских» подданных в цитированном выше послании литовской рады и в брошюрах, рассылавшихся в 1514 г. по Европе после победы литовского войска в битве под Оршей. Василий III выступал в них и как враг «истинной веры», и как «варвар», угрожающий цивилизованной латинской Европе [8. С. 46–50].

Но если брошюры рисуют единую и цельную картину, то иначе обстоит дело с сочинением Деция. В нем по существу рисуется два разных образа носителей одной и той же религии. Если православные жители Польского королевства и Великого княжества Литовского – это «христиане» чья вера мало отличается от веры католиков, то православные жители России – это враги «христиан», к которым следует относиться как к мусульманам – подданным султана. Дела никак не разъясняет констатация Деция в одном из мест его сочинения, что у «русинов» по обеим сторонам русско-литовской границы одна и та же вера [8. С. 85]. А между тем неформальный лидер православных в Великом княжестве Литовском и командующий его армией в битве под Оршей кн. Константин Острожский фигурирует в том же сочинении как «славный на все времена человек и вождь» [8. С. 79]. Никакой серьезной попытки согласовать между собой все эти высказывания в тексте Деция мы не находим, но все же определенную попытку что-то объяснить читателю он все же предпринял. По-видимому, его спрашивали, почему православные Великого княжества, если они одной веры с Василием III, не переходят на его сторону. Ответ Деция состоял в том, что их останавливает «тираническая» власть великого князя московского, когда «богатство каждого и его размер зависят от воли князя» [8. С. 85]. Получалось как-будто, что плоха не вера Василия III, а характер его власти, но в тексте Деция эта мысль развития не получила, возможно, потому, что тогда возникли бы противоречия между его утверждениями и правительственной пропагандой.

Таким образом, разбор высказываний Деция в его труде, имевшем в известной мере официальный характер, показывает утверждение и одновременное сосуществование представлений о православных как близких по вере с католиками, с которыми надо жить в мире, и представления о православных как «врагах» христианского мира, которое сложилось в более ранний период и было определенно отодвинуто на задний план, но сохранялось в общественном сознании благодаря конфликту Великого княжества Литовского с православным Русским государством. Высказывания Деция все же рисуют его как приверженца межконфессионального мира православных и католиков во владениях Сигизмунда I. Некоторые его сообщения позволяют судить, как представляли себе в кругах, к которым принадлежал Деций, характер такого мира. Деций в своем сочинении с одобрением писал, что дед Сигизмунда I Ягайло заботился «во всей Сарматии» об особом положении носителей католической религии. «Русские» могли совершать свое богослужение только в деревянных храмах. А теперь, — констатирует он с беспокойством, — благодаря поддержке «могущественных и влиятельных людей они строят каменные храмы», в чем Деций мог сам убедиться при посещении Вильно. Он также отмечает, что люди, «принадлежащие к этой секте, занимают важные государственные посты» [8. С. 85–86].

Сведения Деция были точными. После победы под Оршей кн. Константин Острожский получил у Сигизмунда I разрешение построить в Вильно каменные храмы Троицы и св. Николая [9. С. 120]. Как человек, способный принимать во внимание и внеконфессиональные факторы, хронист мог бы увидеть в этом событии важный шаг, скреплявший единство государства перед лицом внешней опасности, но его реакция оказалась иной. Очевидно, в той части католического общества, к которой принадлежал хронист, прочно существовало представление, что межконфессиональный мир должен был закрепить особый привилегированный статус католической религии в Великом княжестве Литовском. Да, в силу разных причин православных следует «терпеть», но нельзя допускать, чтобы они в каком-либо отношении претендовали на равное положение с католиками. Прочное сохранение таких представлений делало межконфессиональный мир непрочным и побуждало государственную власть неоднократно предпринимать меры для его сохранения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863. Т. I; СПб., 1865. Т. II.
2. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. II. № 112.
4. Архив Юго-Западной России. Киев, 1883. Ч. 1. Т. VI. № XV.
5. Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi magni ducis Lithaniae/ Poznań, 1986. № 50.
6. *Дмитриев М. В.* Характер первых контактов православного и католического общества в эпоху контрреформации // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. М., 1996. Ч. 1.
7. *Decjusz J. L.* Księga o czasach króla Zygmunta. Warszawa, 1960.
8. *Граля Х.* Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры эпохи феодализма. Чтения памяти В. Б. Кобриня. М., 1992.
9. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. М., 1996. Кн. V.

К ИСТОРИИ «ПОВЕСТИ О НОВГОРОДСКОЙ РОПАТЕ» – МЛАДШАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ (ПОГОДИНСКАЯ ИЛИ «ФАРЛУКОВА») РЕДАКЦИЯ СЮЖЕТА

© 2019 г. А.А. Турилов

*Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
E-mail: aaturilov@gmail.com*

Падение независимости Новгорода сопровождалось в первые десятилетия после этого события стремлением образованных горожан (и прежде всего из среды духовенства) зафиксировать устные предания, связанные со столетиями процветания города на Волхове. Эти предания имеют разную историческую ценность, но как правило, они интересны в литературном отношении. Порой они несут на себе печать неоднократного редактирования, восходя при этом несомненно к единому источнику. В статье рассмотрена практически неизвестная доселе редакция широко известной «Повести о новгородской ропате» (латинском храме). Новый текст, датируемый второй половиной XVI в. и публикуемый в приложении, являет незаурядный пример фольклоризации сюжета (вплоть до замены главного героя) при сохранении общей сюжетной канвы.

The fall of independent Novgorod was marked, in the first decades after this event, by desire of educated citizens (first of all from the clergy) to fix oral tradition connected with the centuries of prosperity of the city on the Volkhov river. These stories are of varying historical value, but, as a rule, are interesting as literary texts. Sometimes, they bear the stamp of repeated editing, but undoubtedly all go back to one source. In the article, the practically unknown redaction of the well-known «Tale of the ropata of Novgorod» (Latin temple). The new text, dated by the second half of the sixteenth century and published in the Annex, is an outstanding example of folklorization of the plot (up to the replacement of the main character) while maintaining the overall plot canvas.

Ключевые слова: Новгород, латинские храмы, посадник Добрыня, сотский Фарлук, устные предания, их фиксация и степень достоверности.

Keywords: Novgorod, Latin temples, posadnik Dobrynya, Farluk, oral tradition, their fixation and degree of authenticity.

DOI: 10.31857/S0869544X0004203-6

Повесть о немецкой (варяжской) «божнице» («ропате») в Новгороде (или «Повесть о посаднике Добрыне»¹) принадлежит к числу древнерусских литературных произведений, давно и хорошо известных исследователям. Достаточно сказать, что впервые она была издана Н.М. Карамзиным в качестве примечания 36 к третьему тому его «Истории государства Российского» [1. С. 154–155; 2. С. 607–608]. Итоги изучения памятника (совместно с перечнем публикаций) до конца 1980-х годов подведены Л.А. Дмитриевым в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [3]. За последнее время исследование памятника продолжалось как филологами [4. С. 140–141, 148–156, 160–161], так и историками [5. С. 559–560; 6. С. 79–80; 7. С. 325–326].

Повесть известна в трех редакциях [3. С. 226; 5. С. 559–560], из которых изучены и опубликованы к настоящему времени лишь две². Вторая (которую уместно именовать житийной, поскольку она представляет два чуда при житии Иоанна Предтечи) была опубликована спустя 90 с лишним лет после первой [8] и не получила такой известности у исследователей. Отличия между редакциями подробно проанализированы в статье Е.А. Рыбиной [9]. Несмотря на них, тексты имеют и много общего, начиная с имени и сана главного героя – посадника Добрыни, именуемого в первой редакции «степенным посадником». Здесь уместно вкратце напомнить сюжет повествования [10. С. 188–191]. Немецкие «гости» («латиняне» во второй редакции) обратились к новгородскому архиепископу (не названному по имени ни в одной из редакций) с просьбой поставить в городе церковь по своей «вере и обычаю», но не получили на это согласия. Тогда иноземцы дали посаднику Добрыне «посул велик» и тот посоветовал им шантажировать горожан и владыку закрытием православных храмов в западных городах. Тогда новгородцы вынуждены были согласиться на требование иноверцев. Для постройки своего храма «немцы» выбрали место в центре Торговой стороны, где стояла деревянная церковь Иоанна Предтечи, которую в связи с этим по приказу Добрыни перенесли в другое место. За это посадник жестоко поплатился. Когда он со своими людьми в «насаде» проезжал Волхов в направлении Добрыниной улицы (т.е. с Торговой стороны на Софийскую), поднялся сильный вихрь, который подхватил судно и поднял его высоко над водой, а затем обрушил в Волхов. Посадник Добрыня утонул и не получил христианского погребения, его спутники были выловлены из реки. У события было много свидетелей, поскольку накануне пономарь перенесенной церкви Иоанна Предтечи ночью «слышал глас», призывающий горожан идти на Волховский мост «смотреть Добрынина посаднича чуда». После постройки «ропаты» немцы без разрешения архиепископа наняли иконника, который написал на углу храма образ Спаса. Сразу после снятия с изображения покрова внезапно пришла «туча с дождем и с градом» и смыла образ до основания.

Достаточно задолго (за четверть века) до введения в научный оборот второй («житийной») редакции повести, в печати появились сведения еще об одном ее варианте, явно отличном от двух других. В 1882 г. вышла в свет первая часть «Описания церковнославянских и русских рукописей Публичной

¹ Последнее название применимо, впрочем, как явствует из публикуемого текста, лишь к известным ранее редакциям.

² Уместно напомнить, что в «Словаре книжников Древней Руси» третья редакция лишь упомянута (без указания на шифр и датировку рукописи (!) и ее описание) и сказано, что она «представляет собой совершенно самостоятельную (вероятнее всего позднюю) переработку легенды о варяжской божнице. Эта редакция с двумя другими редакциями повести никак не связана» [3. С. 226]. Таким образом, вся информация о ней ограничивается непрофильными сведениями в энциклопедической статье [5. С. 560].

библиотеки» [11], представлявшая начало огромного проекта, задуманного главным хранителем Отдела рукописей А.Ф. Бычковым³. Здесь под № 13, в составе сборника из собрания М.П. Погодина (№ 1570), составленного из двух рукописей XVII в.⁴. П.М. Строевым, на л. 190–193об. и помещена рассматриваемая редакция повести. А.Ф. Бычков описал сюжет весьма подробно, с цитатами и пересказом, приведя ссылку на одно из изданий первой редакции [11. С. 46–47].

Что же представляет собой текст в Погодинской рукописи? Прежде всего, это «Повесть о новгородской немецкой ропате» (самоназвание), но не «Повесть о посаднике Добрыне». Последний в рассказе отсутствует. Его роль с успехом выполняет личность, как кажется, вполне мифическая – «пятиконецкий сотский» с экзотическим именем Фарлук; имя явно не славянское, напоминающее скорее пушкинского Фарлафа, объяснить его появление в повести я не могу. В отличие от имени Добрыни оно не дает никаких хронологических ориентиров. Архиепископ в этой редакции так же безымянен, как и в двух других. Некоторое указание, но не на время описанных событий, а на время создания редакции дает должность Фарлука – «пятиконецкий сотский». Ее появление в Новгороде относится явно к «московскому» времени⁵, возможно, даже после разгрома города царем Иваном Грозным (1569–1570)⁶. Датировка редакции последней трети XVI – началом XVII в. (но почти несомненно до шведской оккупации) не противоречит датировке двух предшествующих, хотя и не объясняет причин и обстоятельств ее создания. В самом тексте можно отыскать указания на то что события относятся ко времени новгородской независимости (чего стоит хотя бы упоминание «вечевского двора» перед рассказом о гибели Фарлука), но противоречия повествования, как будет показано ниже, вообще свойственны этой редакции.

Новая редакция «Повести о новгородской ропате» вполне может быть охарактеризована как сильно фольклоризированная. В сравнении с нею две предшествующие выглядят строго документированными источниками, хотя в этом отношении большинство исследователей, начиная с Н.М. Карамзина, воспринимало их весьма критически (см., к примеру [1. С. 154–155; 2. С. 607; 7. С. 325–326; 8. С. 107–108]⁷). Достаточно сказать, что немцы дважды дают Фарлуку за услуги (сначала за получение разрешения на постройку храма, а затем за защиту постройки от слома) по бочке золота и серебра (в предшествующих редакциях фигурирует лишь «посул» Добрыне). При этом главный персонаж выведен как скопище пороков. Он не только продажен, но и стал вероотступником – немцы «присвоили» его и «удобряя [...] научили втай латинской вере».

Продолжим перечень разночтений и противоречий между Погодинской редакцией повести и предшествующими. Для строительства «ропаты» Фарлуку не нужно сносить деревянный храм Предтечи, достаточно отыскать подходящее место в центре Торговой стороны («между больших улиц»). На «ропате»

³ Работа не получила в дальнейшем продолжения.

⁴ В кодикологическом отношении сборник достаточно подробно исследован Д.К. Уо, который датировал часть, включающую повесть, первой половиной XVII в. [12. С. 151–152], Эта часть кодекса написана четкой великорусской скорописью, вполне соответствующей датировке по филиграммам.

⁵ Благодарю за консультацию по этому вопросу Б.Н. Флорю и И.Ю. Анкудинова. В словарях древнерусского языка словосочетание не зафиксировано.

⁶ При этом, безусловно, нельзя ограничивать верхний предел создания редакции 1586 г. на основании того, что новгородский архиерей именуется архиепископом, а не митрополитом, поскольку описываются явно времена прошедшие.

⁷ Ср., впрочем: [6. С. 151–152; 9; 13. С. 88].

стараниями «пятиконецкого сотского» был написан не образ Спаса, а Деисус. Интересно описание восприятия «ропаты» рядовыми новгородцами. Они явно видели в ней просто еще один храм, не отличая ее от православных. После же написания Деисуса, они «учали к той ропате к пеню приходити» и слушали «арганное игране».

Отсутствие в Погодинской редакции сюжета слома / перенесения церкви Предтечи, на месте которой была построена «божница» делает непонятным происхождение «молвы» о чуде, которое должно произойти с главным героем (в ранних редакциях он восходит к пономарю Предтеченской церкви, услышавшему об этом в храме [10. С. 190]. Разнится и время предсказанного чуда – «в третьем часу» в ранних редакциях и «в шестом» в Погодинской. В первом случае люди в ожидании зрелища собрались на мосту через Волхов (что вполне оправдано), а во втором на «вечевском дворе». Отличается и направление плавания. Добрыня едет в «насаде» с веча на Софийскую сторону к «своей» улице, а Фарлук в струге явно наоборот.

Описание гибели Фарлука фольклоризировано и гипертрофировано. Если насад Добрыни ветер поднимает на две сажени [10. С. 190], то струг Фарлука, по словам его спутника, «до третьего неба» – так высоко, что он «из очию вышел». Упав в реку, струг погрузился в «самый нижний ад». Из людей Фарлука (о нем самом и его теле ничего не говорится) выплыл лишь один, который поведал о полете и о мучениях еретиков в преисподней.

Завершается повесть полулетописным (с отсутствием дат и имен) сообщением, что архиепископ приказал снести «ропату» и построить на ее месте деревянную церковь во имя Иоанна Предтечи. Церковь дважды горела и архиепископ получил совет свыше («в тонце сне») построить каменный храм.

Таким образом, Погодинская редакция повести свидетельствует, что сюжет привлекал к себе внимание на протяжении практически всего XVI в. Уникальный характер списка (хотя находки новых в будущем вовсе не исключены) свидетельствует, что опыт создания «фольклорной» редакции, вероятно, не был признан русскими книжниками XVI–XVII вв. удачным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 3.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2–3
3. Дмитриев Л.А. Повесть о варяжской божнице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (Вторая половина XIV – XVI вв.). Ч. 2 (Л–Я). С. 225–227.
4. Бобров А.Г. «Повести древних лет» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54.
5. Турилов А.А. Почитание Иоанна Предтечи на Руси и у южных славян // ПЭ. М., 2010. Т. 24 (Иоанн Воин – Иоанна Богослова Откровение).
6. Несин М.А. Социальная организация новгородского веча // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Мат-лы научной конференции. Великий Новгород, 2013.
7. Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014..
8. Никольский А.И. Сказания о двух новгородских чудесах из Жития Иоанна Предтечи и Крестителя Господня // ИОРЯС, 1907. Т. 12. Кн. 3.
9. Рыбина Е.А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // АЕ за 1977 г. М., 1978.
10. ПЛДР: Вторая половина XV в. Л., 1982.
11. Бычков А.Ф. Описание церковнославянских и русских рукописей сборников ИПБ. СПб., 1882. Ч. 1 (Описание церковнославянских и русских рукописных сборников ИПБ. Ч. 1).
12. Уо Д.К. К изучению рукописного собрания П.М. Строева (Ч. 2) // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32.
13. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Рассмотренный вариант повести публикуется ниже в упрощенной орфографии по единственному известному в данный момент списку — РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1570, л. 190об.—193.

31. Повесть ноугороцкая*⁸ о немецкой ропате.

В Великом Новѣгороде немцы били челом архиепископу, чтобы им поволит поставити ропату для приезде немец торговых людей, и архиепископ им ропату поставити не поволит. И они к себе присвоили пятиконецково* соцково*, именем Фарлука. И удобря его, научили втай латынской вере. И он им изымался у архиепископа выпросити ропату поставити. А они ему от тово дали бочку золота, а другую серебра. И он им велел бити челом архиепископу при себе, а говорити: «Не пожалуешь нам, не поволитишь, в Нове (л. 191) городе поставити ропаты, и мы у себя в Немцах у ваших русских людей велим Николин храм сламати*». И соцкий Фарлук у архиепископа упросил ропату поставити. И они бы у себя, у русских торговых людей Николина храму не велели сламать*. И архиепископ, желея* русских людей, велел им ропату поставити. И немцы ропату поставили между больших улиц. И русские простые люди учили на ропату смотря кланяться. И архиепископ опять веле был им ту ропату сломать. И тот же Фарлук у немец взял другую бочку золота да бочку (191об.) серебра. А велел им архиепископу бити челом при себе, чтоб им онвес* на той ропате написать Деисус — образ Спасов и Пречистые. И немцы архиепископу били челом, чтоб им велел написати Деисус на ропате — и образ Спасов и Пречистые. И архиепископ их челобитья не послушал. И тот же Фарлук, держа латинскую ересь втайне, упросил у архиепископа на ропате образ написати. И немцы на ропате написали Деисус — образ Спасов и Пречистые и Предотечи Иванна*. И русские люди, смотря на образы, учили к той ропате и к пению приходити. И смута в людех почала быть великая для их (л. 192) прелестново* пения и арганново* игранья. И в Новѣгороде на торгу и по улицам учала бысть молва: «Збирайтеся, смотрите чюда Фарлукова в шестом часу дни». И та молва донесся до архиепископа и до тово* пятиконецково* соцково* Фарлука, что збираются люди, а говорят: «Смотрите чюда Фарлукова в 6-м часу дни». Фарлук же повеле себе струг устроити и многих людей с собою нарядити в золоте. И приехав, пристал у берега, у Волховского места⁹. И ему сказали, что люди копятся за рекою, на вечевском дворе. Фарлук же повеле в стругу за реку (л. 192об.) ехати. И как будет среди реки Волхова, и тот струг и с людми, подняв, понесло вверх, и из очию вышел. И люди тому чюду нача дивитися, что ся то будет. И проиде тому время некакое — опять тот струг сверху бежит, и ударился на то ж место в воду среди реки. И проиде время немалое — судна и людей нету, люди ж тому чюду дивяшеса. Аже из реки въсплыл един человек и учал им сказывати, что их, в стругу подняв, вверх несло до третьиво* небеси. А от третьиво* небеси их ринуло на низ, и в воду, в самой* нижней* ад. И тако видел по муком (л. 193) многих проклятых и еретиков. И архиепископ тое ропату велел сломать, а на том месте поставити храм во имя Предотечи Иванна*. И тот храм згорел, и он поставил другой храм, и той храм згорел же. И архиепископу в тонце сне слышай глас поставити храм камен. И архиепископ на том месте и велел храм камен устроити. И стол храму совершается, служба Пресвятей Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу. Ныне и присно, и во веки веков, аминь.

⁸ Здесь и далее звездочка означает — так в рукописи.

⁹ Так, вместо: «моста».

ПАМЯТНЫЕ НАДПИСИ СЛАВЯНСКИХ ПАЛОМНИКОВ XVIII–XIX ВВ. В АРХАНГЕЛЬСКОМ МОНАСТЫРЕ В ИЕРУСАЛИМЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

© 2019 г. Л.А. Беляев^{1,*}, К.А. Вах^{2,**}

¹Чл.-корр. РАН, зав. отделом Института археологии РАН
²Генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик»
*E-mail: labeliaev@bk.ru **E-mail: K_yach@mail.ru

Статья написана в рамках гранта РФФИ № 18-09-40075.

В статье публикуются надписи XVIII–XIX вв., собранные авторами во внутреннем дворе и в помещениях Архангельского монастыря в Иерусалиме. Паломниками оставлены надписи на стенах, парапетах и даже полах монастыря. В большинстве это декоративно оформленные резные надписи, но много и простых граффити, типичных для пилигримов. Вероятно, их в основном исполняли по заказу и лишь изредка нарезали сами паломники. Тексты фиксируют сам факт посещения Святой Земли, называют имя и социальный статус паломника, а также дату посещения или время пребывания в монастыре.

The inscriptions of the 18th – 19th cc. published in the article were collected de visu by the authors in the late 2017 at the courtyard and the cells of St. Michael the Archangel Monastery in Jerusalem. Pilgrims' inscriptions were placed at the walls, parapets and even floor pavements of the monastery. Most are elaborated and lavishly decorated stone carvings, others are simple graffiti, typical for pilgrims' inscriptions. It seems that the inscriptions were carved by professional carvers order, and only occasionally were incised by pilgrims themselves. The standard texts commemorate the pilgrimage to the Holy Places, contain the personal name and social rank of the pilgrims, as well as the date of their stay at the monastery.

Ключевые слова: сербы, русские, эпиграфика, паломничество, Иерусалим, Палестина, монастыри.

Keywords: Serb, Russian, epigraphy, pilgrimage, Jerusalem, Palestine, monastic foundations.

DOI: 10.31857/S0869544X0004204-7

В последние десятилетия существенно расширился ареал выявленных средневековых граффити, оставленных в Средиземноморье паломниками из славянских стран. Этот возрастающий интерес к ситуативной эпиграфике позволяет рассматривать любую надпись такого рода как потенциально информативную. При этом надписи Нового времени публикуют крайне редко, хотя определенное внимание к ним существует, по крайней мере как к роду письменного фольклора [1. С. 10–65]. В этом отношении

особый интерес представляет Иерусалим, где христианские паломники оставляли многие тысячи надписей в течение примерно полутора тысяч лет. Их более полное введение в оборот способно дополнить историю взаимодействия славянских народов друг с другом и с другими этническими группами конкретными и важными деталями.

В Иерусалиме такое взаимодействие связано со многими паломническими центрами, среди которых важен существующий до сих пор монастырь св. Михаила Архангела в христианском квартале Старого города, вблизи храма Гроба Господня. В XVII—XIX вв. он использовался как часть инфраструктуры, служившей Греческой Патриархии для приема иноземных паломников (см. [2. С. 319—321; 3. С. 215; 4. С. 73] и др.), в нем в 1840—1850-х годах помещалась Русская Духовная Миссия, и в XIX в. его подчас именовали просто «Архангельский русский монастырь в Иерусалиме» [5. С. 194].

Возникновение монастыря связано, однако, не с греками и не с русскими, а с сербами: его основал король Стефан Урош II Милутин Неманич (1282—1321) в 1303 г., получив как союзник Византии право на это после заключения мира между императором Андроником II и султаном Насиром ад-Дин Мухаммедом. Через 200 лет (после 1504 г.) монастырь стал подворьем лавры св. Саввы Освященного в Иерусалиме и оставался им до 1623 г., пока не перешел во владение греков. В русской паломнической литературе монастырь известен по крайней мере с конца XVI в. (о нем писал Трифон Коробейников и другие посещавшие Палестину путешественники). Этот вместительный (по оценкам XIX в., на 250—350 человек) монастырь и в дальнейшем остался прибежищем путешественников из славянских стран, особенно сербов и русских, хотя здесь останавливались также греки, румыны и др.

Монастырь представляет типичный для Иерусалима комплекс с внутренним двором и периметральной застройкой в двух уровнях, отчасти врубленной в скалу, со стенами, сложенными из местного камня. Этот камень до недавнего времени сохранял память о живших здесь в XVII—XVIII вв., но в 2018 г. его греческие хозяева заново оштукатурили часть стен, надолго, если не навсегда, скрыв сохранявшиеся на них памятные надписи. В октябре 2017 г. авторы получили возможность провести в монастыре предварительное фотографирование северо-западной части построек верхнего уровня, используя для фиксации объектов глазомерную съемку (не в правилах греческих монастырей допускать научные обследования).

Надписи в значительном количестве разбросаны по плитам мощения обходной галереи, покрывают поверхность ее каменного парапета (она уплощенно-округлая) и внешние стены келий. Кроме того, камни с надписями размещены на стенах и внутри келий, где их могли видеть только постояльцы.

Примерно на половине галереи удалось зафиксировать до 25 цельных текстов (на полах и стенах келий), внутри двух помещений — пять памятных камней (в северном одна надпись, в южном — четыре, сгруппированы на правой стороне проема внутри, и несколько на резной притолоке). Важно отметить, что часть надписей — не простые граффити, какие может нацарапать на камне или штукатурке паломник, — это классические памятники лапидарной эпиграфики, выполненные профессиональными каменотесами. Они заключены в утопленные в стену ковчеги, иногда с картушами сложного рисунка, хотя сами тексты нарезаны менее профессионально. Более простое оформление типично для надписей во дворе, а на полах галереи оставлены традиционные граффити без специального оформления. Учитывая известную специфику финансовых взаимоотношений членов местной Греческой Патриархии с пришлыми богомольцами, можно предположить, что возможность оставить памятную надпись в красивом оформлении, исполненном профессиональными мастерами, была одной из платных услуг, приносивших обители доход.

До нас на надписи Архангельского монастыря обратила внимание израильская исследовательница Зоар Хальфран [6], издав несколько фотографий (в этих случаях мы

указываем на ее чтение), но большинство камней ей не были доступны. Мы приводим здесь сербские и русские надписи.

1720. Наиболее ранняя из прочитанных надписей (в ее чтении нам помогла И.В. Вернер, за что мы приносим ей глубокую благодарность), с характерным малороссийским акцентом. Она нарезана на прямоугольном камне с простым ковчегом и скосами сторон, в семь строк (буквы верхней строки крупнее, в нее включен и знак равноконечного креста с обычными сокращениями). Шрифт надписи не декоративен (близок к полууставу) и по оформлению напоминает памятную доску кладбищенского типа, характерного для конца XVII – первой трети XVIII в. в России; типично для этого времени и указание года: древнерусскими буквами, но от Рождества Христова. Содержание надписи добавляет кое-что к представлениям об истории славянского паломничества в Святую Землю и об истории монастырей Малороссии:

**Року [іс+хс] А҃ШК
приходили zde(сь) на поклоне
ние гробу г(ос)п(о)дню
з малои росии черни
говской діоцезии еро
монахи силвестр
и никодим рихловской**

Сильвестр Диканский и Никодим, монахи Николаевского монастыря в Черниговской области, действительно совершили хождение в Константинополь и в Святую Землю, до сих пор считалось, что оно началось в 1722 г., но, скорее, это можно теперь считать годом возвращения. В 1728 г. Сильвестр составил описание паломничества, которое известно по крайней мере в двух списках: текст (менее половины) изданный по рукописи КДА в 1883 г. [7] и полная подносная авторская рукопись в библиотеке Томского государственного университета [8].

1739. К XVIII в. относятся все надписи, зафиксированные у проема треугольной комнаты северного помещения. Дата есть только у среднего камня в правом ряду, причем она повторена дважды, оба раза от Рождества Христова, за пределами картуша: слева буквами (А҃ШКӨ), справа арабскими цифрами. Текст написан по-гречески в очень сложно устроенном ковчеге с картушем-«короной».

1851. На внешней стене того же помещения сделаны две надписи на одном длинном камне, в простых, но глубоких ковчехах, без рамок. Более ранняя из них плохо читается (сильно сбита в середине) и, видимо, написана болгариним. Надпись в один столбец (шесть строк), но хорошо видна только последняя строка, состоящая из даты: 1851.

1857. Надпись снаружи, на галерее (Хальфан прочла ее точно так же):

**И здесь находись из Росий горо
да Воронижа поклонник
Иван Биризовский
1857
Курской села Куденицина
Г Иванъ Дорохов 1857
въ**

1864—1867 гг. Простая табличка 1867 г. на наружной стене, справа от двери в одно из северных помещений. Для надписи была заглажена часть длинного камня, получившееся поле обвели просто бороздой, тем самым создав «страницу», на которой написали по-русски очень простым почерком текст в восемь строк:

**Здесь
Проживал
Войска Донска
го Василий Иван
овъ Малега
нь с Янва
ря 1864 по 9 (?)
Апреля 1867 Гъ**

1866 и 1867 гг. Для надписей на парапете обходной галереи использован прием написания текста в два столбца, с разделением посередине полосой. Видимо, это рельефная имитация страниц раскрытой книги с закладкой, напоминающая о распространенном в христианстве XVIII—XIX вв. скульптурном изображении престола с раскрытым Евангелием. Таких «разворотов» на парапете три, один подле другого. Но они принадлежат разным людям и написаны на разных языках (это отметила и Зоар Хальфран, не полностью разобрав два текста, см. [6. С. 45]). Наиболее ранняя надпись-разворот сделана по-румынски и читается недостаточно ясно (она густо замазана известью). Каменные «страницы» имеют внизу даты: 1866 г. и 23 апреля 1867 г. Над «закладкой» по центру разворота, вне пределов книги, рельефно вырезан крестик.

1868 г. Похожая по оформлению надпись. Правая сторона разворота почти утратила текст, левая тоже видна недостаточно хорошо, но по ее нижнему и правому полям идет дополнительная надпись, которую Хальфан прочла как «сие схимонаха... Ернико...». Первые буквы этой надписи почему-то опущены, в то время как они меняют смысл фразы: «Дионисие. схимонаха ... ерника (о?)». Левая сторона разворота сейчас густо прокрыта известкой и читается плохо, но дату можно разобрать: 1868 г.

1869 г. Надпись паломника Михаила Спасоева из Неготина (Хальфан прочла: «Михаиль Спасове из Турчия...», но на камне порядок букв иной). Текст по-сербски, читается довольно внятно, кроме последней из семи строк:

михаїль	живоноснаг
спасоев	із о гроба у св.
ч урчия:	із ерусалима
србіє род	тоже аі годе
ом із нег	у свету гору
отіне	поклониітс ву
поклонік 1869 го дошо	мебкотііи

Рамка текста венчается едва заметным крестиком.

На внешней стене одного из северных помещений, левее двери, на длинном камне нарезаны три надписи: сначала две слева, затем третья. Две первые надписи заключены в простые широкие рамки без профилировок, такая же полоска отделяет их друг от друга. Третья нанесена позднее (пришлось частично срубить первую рамку) и представляет схематичное изображение церкви (арка над текстом, затем арочный свод, заключенный в треугольник-фронтон). Прочсть надписи без очистки

от побелок, специальной съемки и выполнения протирок трудно: отдельные буквы и слоги видны хорошо, но есть и значительные утраты. Надписи русские или сербские.

На внешней стене у входа в северо-западные помещения — простой ковчег с прямой рамкой содержит надпись в семь строк, близкую по типу № 1, возможно, XVIII в., но совсем не читаемую из-за побелок и повреждений. В тот же камень, ниже надписи, вбит постав от не существующей уже двери.

Среди камней на стенах Зоар Хальфран сфотографировала серию сербских надписей: три надписи под крестами, две из них — в ковчехах, одна — в простой квадратной раме. Чтения ею не предложено, но для части текстов оно явно возможно (см. [б. С. 47, нижнее фото]. Местоположение камней нам неизвестно.

Ряд надписей начинается с буквы Х, после которой стоит точка или двоеточие, и следует основной текст. По-видимому, это аббревиатура от «ходжа» (араб. «паломник»), которое до XIX в. употреблялось русскими пилигримами и до сих пор живо у болгар и сербов. Такая буква видна, например, на камне, опубликованном Зоар Хальфан: короткая надпись столбиком помещена в арочный ковчег; буквы сохранились частично [б. С. 46 и верхнее фото на с. 47]. С учетом мнения Хальфан, текст можно прочитать по-славянски или по-гречески как «Ходжа Тимофей иеромонах. Ходжа Кирилл»:

Х. ТимѠ
т... то иеро
м(онах?) ...
хо. Кирилл

1871 г. Переходя к плитам мощения двора, отметим отсутствие художественно оформленных камней — это обычные прямоугольные плоские камни, в которые врезаны буквы, причем встречаются и перекрывающие друг друга надписи. Зоар Хальфран представила два таких камня, которые предположительно отнесла к одному паломнику. Мы не видели этих камней и полагаемся на опубликованные фото и чтение. Первый камень квадратный, с надписью некоего Константина Спирутаки:

Х: КОСТАН
ТИН СПИРУ
ТА..... ЕК
.....
1871

1888 г. В чтении этого камня гораздо меньше уверенности, хотя имя Константин читается ясно, а следующее слово начинается с букв СП, но дальше графика иная, не позволяющая, судя по фотографии, читать то же самое, что в первом граффити. Дата дана в последней строке (всего их три) и на фото читается неясно.

Интерес представляют и два рисунка церкви в виде схематичного сводчатого здания, увенчанного крестом. Несомненно, это символ храма Гроба Господня. Но можно предполагать, что такие схемы паломники соотносили с крестом над монастырской церковью, с которым связывалась известная легенда о наказании злого санджака (сенчака, т.е. турецкого губернатора Иерусалима) за отказ разрешить восстановить кровлю трапезной, примыкавшей к монастырской церкви; эта легенда была известна и в России, по крайней мере, ее пересказал Трифон Коробейников [9]. Один из рисунков сопровождается надписью:

ПЕТРОС

Кроме того, на камнях осталось еще отдельное изображение креста и несвязанные буквы.

1883 г. Три камня в ряд несут надписи по-румынски и частично по-болгарски (?). На одной текст без даты, на двух других несколько строк, нанесенных одной рукой, с трижды повторенной датой: 1883.

Таковы предварительные итоги изучения паломнических надписей в монастыре св. Архангела Михаила в Старом городе Иерусалима. Работа по чтению продолжается, ее следующий этап планируется опубликовать в будущем в более полном виде, с фотографиями и схемами расположения камней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Кренке Н.А., Нефедов В.С., Еришов И.Н.* Надписи на стенах Большого дворца // Царицыно: археология современности. М., 2008.
2. Порфирий Успенский. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. СПб., 1895. Ч 2. Годы 1844 и 1845.
3. *Муравьев А.Н.* Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2007.
4. *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. М., 2008.
5. Расписание вклада в обители и церкви, с приношением поминовения о упокоении души раба Божия Давида и сродников // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 3-х т. / Составление, подготовка текста, комментарии и общая редакция Н.Н. Лисового. М., 2015. Т. 1.
6. *Хальфран З.* Греческий Архангельский монастырь в Иерусалиме // Иерусалимский православный семинар. М., 2013. Вып. 4.
7. Описание путешествия иеромонаха Рыхлевского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 году // Труды Киевской духовной академии. 1883. Вып. 5 (май). (Отдельный оттиск).
8. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета. Вып. 2. XVIII в.: Каталог. Томский гос. ун-т/ Сост. В.А. Есипова. Томск, 2009; Путник странствия моего. Рукопись. 1728 г. Научная библиотека Томского гос. университета, шифр В-878. <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000370102> Описание в каталоге рукописей НБ ТГУ; http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/26_tom/Romodanovskaja/Romodanovskaja.pdf Описание Е.К. Ромодановской
9. Путешествие московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Грекова ко святым местам в 1582 г. // Сказания русского народа, собр. И.П. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 8.

ДРАГОЦЕННОЕ ПИСЬМО

© 2019 г. Р. Эккерт

Профессор (г. Берлин)
E-mail: juergen.storost@gmx.de

Публикуется письмо Самуила Борисовича Бернштейна Райнеру Эккерту. Приводятся ключевые моменты из биографии Р. Эккерта.

This is the publication of a letter of Samuil Borisovich Bernshtein to Rainer Eckert. Some key moments of Eckert's biography adduced.

Ключевые слова: Самуил Борисович Бернштейн, сравнительное славянское языкознание.

Keywords: Samuil Borisovich Bernshtein, comparative Slavic linguistics.

DOI: 10.31857/S0869544X0004205-8

В моем личном архиве более чем полвека хранится особый документ моей учебы: прощальное письмо моего академического учителя профессора доктора Самуила Борисовича Бернштейна, адресованное мне 15 марта 1961 г.

Искренняя благодарность моему учителю по Московскому университету имени М.В. Ломоносова, глубокое чувство преданности за радушный прием, оказанный мне в течение восьми с половиной лет в России и живое соучастие и помощь добрых людей, которых я встречал на своем пути в науку, побудили меня опубликовать этот необыкновенный текст.

Я приехал в начале сентября 1952 г. в составе первой делегации немецких студентов из ГДР в Москву и мне посчастливилось учиться в самом крупном учебном заведении Советского Союза. Как филолог я по направлению делегирующей инстанции начал учебу на русском отделении *alma mater* *Moscoviensis*, которую окончил с отметкой «отлично» летом 1957 г. Русистика во время моей университетской учебы, безусловно, была моим главным предметом, но я попытался рано расширить поле своих штудий и начал заниматься другими славянскими языками, литовским языком и посещал лекции и семинары по ряду других индоевропейских языков, так как условия для изучения лингвистики в то время в России были превосходны.

В начале четвертого курса осенью 1955 г. мне удалось получить консультацию у профессора С.Б. Бернштейна, и я попросил разрешения заниматься у него сравнительным славянским языкознанием и готовить под его

руководством курсовую работу. Он благосклонно отнесся к моей просьбе и назначил на октябрьские праздники серьезную испытательную беседу со мной у себя дома на Новопесчаной улице. У меня выяснились значительные пробелы в области славистики, поэтому я начал работать в этом направлении. Тему моей работы я выбрал из превосходных лекций по сравнительной грамматике славянских языков Самуила Борисовича, прочитанных им в предыдущем учебном году. На последнем курсе на эту тематику я написал дипломную работу. Летом 1957 г. в один и тот же день мой друг Владислав Маркович Иллич-Свитыч и я защитили наши дипломные сочинения: он по именованным основам на -ū- долгое, а я по именованным основам на -ŷ- краткое в праславянском языке.

Под конец моей университетской учебы, которая была строго ограничена пятью годами, мой учитель Самуил Борисович предложил Министерству по высшему и специальному образованию в Берлине через академика проф. д-ра Х.Х. Билфельдта для меня трехлетнюю аспирантуру в МГУ. Еще летом 1957 г. очень быстро пришло одобрение. В течение аспирантуры я сдал все кандидатские экзамены по славянскому языкознанию и по литуанистике (литовским я начал заниматься еще на втором курсе у аспиранта Витаутаса Мажюлиса и продолжил во время аспирантуры у аспиранта Генрикаса Забулиса — оба были из Литвы). В программу моего кандидатского минимума входили два спецвопроса (т.е. письменные работы): одна об адъективных -ŷ- основах в праславянском, а другая — о следах гетероклитических основ в праславянском. Защита моей кандидатской диссертации «Основы на -ŷ- в праславянском языке» состоялась 15 марта 1961 г. и прошла успешно. Официальными оппонентами были проф. др. П.С. Кузнецов и др. О.Н. Трубачев. Обязательный отзыв от научной инстанции написал др. В.Н. Топоров от Института славяноведения АН СССР.

Защитив кандидатскую работу я в середине апреля 1961 г. вместе с молодой женой Лидией и с годовалой дочкой Аленкой выехал из Москвы и вернулся домой в ГДР. Сначала я работал почти два десятилетия (с 1961 по 1979 г.) в Лейпцигском университете как ассистент, потом как старший ассистент, доцент, а с 1 сентября 1971 г. как ординарный профессор по русистике. В 1977 г. защитил докторскую диссертацию (хабилитацию) на тему «Именные основы на -i- в балтийских языках с учетом славянского».

С 1980 по 1990 г. меня пригласили руководить отделением славистики, балканистики и финноугроведения в Центральном институте языковедения Академии наук ГДР в Берлин. Здесь я основал исследовательскую группу по балтистике и группу по славянской фразеологии и мы опубликовали серию работ по фразеологии русского, чешского, болгарского и верхнелужицкого языков и ряд исследований по балтистике.

В 1991 г. я получил приглашение руководить новой кафедрой по балтистике в Грейфсвальдском университете. В марте 1993 г. мне удалось преобразовать кафедру в специальный Институт балтистики, которую возглавлял до увольнения на пенсию в декабре 1996 г.

В 1997 г. был избран почетным доктором Вильнюсского университета, а два года спустя стал доктором *honoris causa* Латвийского университета в Риге. За исследования по древнепрусскому языку меня наградили в 2010 г. призом по пруссистике объединения «Tolkemita» в Потсдаме.

С 1983 по 1990 г. я являлся членом Международного комитета славистов, а с 1983 по 2008 г. был заместителем председателя и впоследствии председателем Международной комиссии по изучению балто-славянских отношений. В 1984 г. стал членом Миланского языковедческого общества, а с 1992 г. — североамериканского Общества балтийских исследований (Association of the Advancement of Baltic Studies). С 1963 по 1984 г. был заместителем председателя, а с 1984 по 2015 г. председателем Берлинского кружка по балтистике (Baltistenkreis zu Berlin). Во время своей преподавательской деятельности был оппонентом и частично научным руководителем 21 кандидатской и семи докторских работ.

Изложенное выше служит контекстом к письму моего незабвенного учителя профессора доктора Самуила Борисовича Бернштейна. Одновременно это попытка во многом несовершенного, позднего отчета.

Текст письма Самуила Борисовича Райнеру Эккерт

Дорогой Райнер!

Перед нашей разлукой хочу Вам написать несколько слов. Мы были связаны с Вами в течение пяти лет. Я имел возможность хорошо Вас узнать. Своим отношением к делу, к своим обязанностям, к любимой нашей науке Вы снискали не только большое уважение, но и любовь. Я могу Вам написать, что я не только глубоко Вас уважаю, но и люблю, как близкого и дорогого мне человека.

Я глубоко убежден, что Вы своими трудами оставите большой след в славянском языкознании. Гарантией этому является Ваш талант, работоспособность, добросовестность, бескорыстная любовь к славянской филологии. Хотел бы верить, что Вы много сделаете на педагогическом поприще, создадите свою школу немецких славистов. Ваша родина нуждается в них. Задача каждого ученого — не только двигать науку собственными трудами, но готовить новых работников.

Ведь Ваши ученики могут оказаться еще талантливее. А что может быть большей наградой каждому ученому!

Крепко Вас обнимаю,
желаю Вам большого счастья

Ваш С. Бернштейн

Москва. 15 марта 1961 г.

И.В. ПОЗДЕЕВА. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века (Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования [43]). М., 2016. 576 с. Илл.

DOI: 10.31857/S0869544X0004206-9

Книга известного археографа, профессора МГУ И.В. Поздеевой представляет собой сборник ее работ за последние почти четыре десятка лет. Фактически это энциклопедия истории русской книги и книжности XVI–XVII в., состоящая из 24 статей. Прежде всего, речь идет о печатной книжности.

Большое историографическое значение имеет раздел, посвященный истории создания и функционирования Московского печатного двора (МПД) – первого в нашей стране серьезного типографского предприятия. В этих исследованиях И.В. Поздеевой (некоторые написаны в соавторстве) подробно описаны сотни московских изданий МПД того периода, в том числе более 100 ранее неизвестных историкам. Сделан ряд небольших, но значимых открытий – первая печатная азбука была напечатана не в типографии В.Ф. Бурцова, а на Государевом печатном дворе, изданий Соборного уложения было два, во второй половине XVII в. было изготовлено более четверти миллиона «Азбук» и т.д.

Но более важным достоинством работы представляется выявление очень существенных для дальнейшего анализа характеристик этих публикаций – точные тиражи, себестоимость, указная цена, способы распространения, имена и социальное положение купивших книги людей, анализ тематики и даже пометы. Именно это позволило сделать аргументированный вывод о широком

размахе книгопечатания, о его цели – обучении «грамоте и вере», о широте продаж – «в мир разным людям».

Большое значение здесь имеет сформированная многолетним трудом проф. Поздеевой, ее учеников и сотрудников информационная база о бытовании московской книги в обществе: «функциях; храмах и людях ею владевших; местах в России и за рубежом, где она оказывалась; об интересах и грамотности ее владельцев и читателей» (с. 10).

Итоговый вывод не вызывает сомнений – в результате эффективной и осознанной государственной политики отбора книг для тиражирования, методике «развоза» изданий – для «рассеивания» их, «аки семян», в «доброплодную землю» нашей страны – печатная книга в XVII в. стала важным обстоятельством консолидации и вообще развития отечественного общества той эпохи. Фактически И.В. Поздеева категорически опровергает тезис о «сонном», по мнению Петра I и даже «варварском», по выражению К. Маркса, Московском царстве.

Не менее важная тема рецензируемой книги – идейное содержание печатных изданий, ставших, по словам автора, «фактом и фактором» русской культуры и истории. Книги с одной стороны отразили развитие политического самосознания общества, а с другой – сами сыграли большую роль в утверждении самодержавия в стране, формировании понятия «великого православного

русского государя». Тексты, издававшиеся под одной обложкой с богослужебными и учебными, объясняли, почему «верно и праведно» служить царю, «не щадя головы своей до смерти», означает служить «Богом избранной» России и Богу. Интересен в этом аспекте анализ взаимодействия изданных текстов, прежде всего, богослужебных, и эволюции этноконфессионального сознания русского народа. Эти тексты охватывали, как показала И.В. Поздеева, «все сферы личности и общества». Именно при помощи книги и вообще внедрения и восприятия богослужебных текстов распространялось православное понимание добродетельного образа жизни и способов его достижения, а также важнейших мистических категорий.

Особой темой книги стало представление индивидуального отношения к книге человека XVII в., его реакция на ее содержание, на различные события в ней описанные. Возможность такого анализа дали индивидуальные владельческие, вкладные, купчие и другие записи на экземплярах изданий. Выявленные записи и пометы настолько многочисленны, что это дало возможность реализовать их статистическую обработку, используя как значимый исторический источник для выяснения особенностей самосознания, нравственного состояния, типа личности и эмоционального статуса русских людей различных сословий — из высшей знати, духовных лиц разного состояния, служилых, «лутших» и «молодших» посадских и крестьян XVII ст.

Вообще место первопечатной книги в источниковедческой системе современных историков рассматривается и высоко оценивается в многих разделах сборника. Более или менее подробно выявляются возможности источниковедческого анализа всех характеристик изданий XVII в. для обнаружения существенных черт политического, экономического и социального развития, а также сознания и менталитета русского социума той эпохи.

Одна из самых «современных» проблематик книги — восприятие русской книжной культуры прошлого в динамичных, а подчас кардинальных изменениях в жизни нашей страны в XX в. Здесь анализируется состояние и содержание книжного хранения в центральных

и региональных собраниях России и зарубежья — от Твери, Ярославля и Перми до Рима и Нью-Йорка. Не вызывает сомнений сделанный вывод о быстром росте значимости, придаваемой в современном российском обществе «богатству духовному» — русской книге прошлого.

Особой сферой интересов автора, отраженной в книге, является история и культура старообрядчества. И.В. Поздеева десятилетия организовывала и проводила, полевые в том числе, исследования поселений ревнителей древнего благочестия различных согласий в Верхотамье, Молдавии, Румынии и других странах и регионах. Значительная часть ее работ посвящена именно старой вере и ее сторонникам в прошлом и настоящем. В рецензируемом издании представлены статьи, посвященные старообрядческой книжности — старообрядческим изданиям, их бытованию в староверческой среде и отношению старообрядцев к книге, в том числе «древлепечатной», «харатейной» (на пергамене) и «новопечатной», «древлеписменной» и «новописьменной». В результате вполне обоснованным выглядит заключение о том, что старообрядцы не просто проявили «величайшее уважение к книге», практически создали культ книжности, но и стали главными в русском православном социуме хранителями «народного традиционного» и, в то же время, «живого исторического знания древней культуры».

Представленный сборник как таковым представляется лишь формально. Фактически это монолитное представление результатов глубокого анализа истории русской книги и книжности. Однако имеются возможности для дальнейшего развития исследования. Так, в представлении итога массивного изучения русской книжности столь важного, в чем-то решающего столетия русской цивилизации, и, в частности, книжности, не хватает компаративности. Сопоставление черт и особенностей этого явления в России и в странах Западной Европы, в частности, в Германии и Великобритании могло бы уточнить и усилить выводы работы. Простая информация о сопоставимости доли грамотных в населении Москвы (38%) и Лондона (42%) середины XVII в. может многое сказать исследователю.

Кроме того, в ряде фрагментов текста выглядят преувеличенными высокие оценки приверженности русских людей того века твердой православной нравственности.

Несколько противоречивым выглядит взгляд автора на археографию. С одной стороны, утверждается традиционное определение этой исторической специальной дисциплины как «системы выявления, изучения, адекватного научного описания» экземпляра письменного памятника. А с другой, фактически, И.В. Поздеева в рамках полевых

и камеральных исследований много лет занималась не столько идентификацией и описанием этих памятников, сколько «реальным функционированием книги», социокультурной историей, вообще, культурой и повседневностью, в том числе, религиозной, носителей книжности. В результате речь скорее может идти не о классической археографии, сколько об археографии социальной, но с этим термином, насколько мне известно, проф. Поздеева не соглашается.

© 2019 г. *В.В. Керов*
E-mail: vvkerov@gmail.com

К.В. НИКИФОРОВ. «Начертаније» Илије Гарашанина и спољашња политика Србије 1842–1853. Београд, 2016. 274 с.

К.В. НИКИФОРОВ. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг.

DOI: 10.31857/S0869544X0004207-0

В 2016 г. белградское издательство «Службени гласник» представило вниманию научной общественности перевод книги авторитетного российского историка Константина Владимировича Никифорова «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг.» – книги, которая на русском языке вышла в 2015 г. в издательстве «Индрик» под грифом Института славяноведения РАН.

Сербским научным кругам хорошо известно имя Константина Владимировича Никифорова. Из-под его пера вышло более 200 научных работ, посвященных отношениям России с южнославянскими народами (прежде всего, с сербами) в XIX–XXI вв., а также положению русской эмиграции в период между двумя мировыми войнами. В переводе на сербский язык уже опубликованы его монографии «Србија средином XIX века: почетак активности на уједињењу српских земаља» (Приштина, 1995), «Између Кремља и Републике Српске: завршна етапа босанске кризе» (Београд, 2002) и «Србија на Балкану у XIX веку» (Београд, 2014). К.В. Никифоров является соавтором нескольких монографий, анализирующих общественные, политические и геостратегические процессы, протекавшие в Юго-Восточной Европе в XIX–XXI вв. В свете югославского кризиса

конца XX – начала XXI в. тема «Начертания» – первой национальной программы Сербии – снова стала актуальной, что побудило К.В. Никифорова вернуться к этой проблеме. Именно вернуться, потому что в 1987 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную внешней политике Сербии 1840-х – начала 1850-х годов. Однако не только «неожиданная актуализация проблематики «Начертания»», но и «публикация большого массива документов» подтолкнула автора к тому, чтобы взяться за написание этой монографии, которая имеет исключительное значение как для российской, так и для сербской историографии.

В образцово написанном Введении (с. 23–43) К.В. Никифоров знакомит читателя с традицией изучения «Начертания», сложившейся в рамках сербской/югославской историографии в период с начала XX в. до наших дней. Перечислены те, кто внес вклад в изучение данной темы – от Миленко Вукичевича, впервые опубликовавшего документ в журнале «Дело» в 1906 г., а также Драгослава Страняковича, Воислава Вучковича, Радослава Перовича и Милорада Экмечича до Радоша Люшича и Душана Батаковича. Будучи исключительным знатоком сербской историографии, автор указывает на идеологические наслонения, присутствовавшие в тех или иных

трактовах «Начертания», озвученных сербской/югославской историографией к концу XX столетия. Например, по словам К.В. Никифорова, в 1930-е годы Странякович делал упор на отчетливо югославянском и объединительном характере «Начертания», что соответствовало официальной в то время государственной идеологии «интегрального югославизма». Приведена точка зрения Воислава Вучковича, считавшего «Начертание» вехой в развитии сербской национально-освободительной идеологии, которая прослеживалась им со времени Первого сербского восстания. Не соглашаясь с Вучковичем, Р. Перович возникновение «Начертания» объяснял влиянием польской эмиграции, отрицающей тем самым самостоятельность и «автохтонность» деятельности И. Гарашанина. Одним словом, подытоживает Никифоров, в социалистической Югославии «идеологические клише» и доминирующий тезис о «великосербском» характере «Начертания» предопределили отношение к Гарашанину и его детищу. Лишь с конца 1980-х годов о «Начертании» стали писать как о сербской национальной программе. Что касается трактовки «Начертания» советской послевоенной историографией, то и она находилась в плену идеологических стереотипных представлений. Никифоров приводит слова В.Г. Карасева, который в разделе «Истории Югославии» (1963), посвященном развитию Сербии в середине XIX в., оценивает «Начертание» как «консервативно-буржуазную и великосербскую программу». Подобное мнение превалировало до конца советской эпохи, хотя в работах И.С. Достяна, которой автор посвятил свою монографию, и в трудах самого Никифорова, ставшего автором раздела в коллективном труде «Международные отношения на Балканах. 1830–1856» (1990), озвучивались менее жесткие оценки. Научный интерес к «Начертанию» возродился в 90-е годы XX в. В это время в Сербии увидела свет «Книга о Начертании», написанная Р. Люшичем, а в Хорватии – монография Дамира Агичича, озаглавленная «Тайная политика Сербии в XIX веке». Первую Никифоров оценивает как «наиболее детальный анализ известной программы». Произведение Агичича, по словам

автора, несет отпечаток гражданской войны и межнационального противостояния того времени. В частности, критикуется ставший анахронизмом тезис о «начале сербского империализма». Осведомленность К.В. Никифорова о современных исторических работах, появившихся за последние пятнадцать лет, позволяет читателю уже после прочтения Введения составить ясное и сбалансированное представление о результатах изучения «Начертания», его оценках и трактовках, присутствующих в сербской и российской историографии.

Первая глава «Сербский кризис 1842–1843 гг.» (с. 47–87) разделена на три параграфа: «Великие державы и смена власти в Сербии», «Борьба уставолюбителей за укрепление своей власти», «Созданный возглавлять государство». Автор описывает политический и социально-экономический аспекты развития страны с 1830 г., когда Сербия получила статус автономной области Османской империи. Особый интерес представляют наблюдения русских путешественников и дипломатов, отмечавших низкий уровень экономического развития сербских земель и одновременно относительно зрелое национальное сознание, присущее не только населению княжества, но и сербам, проживавшим в Славонии, Боке Которской и других областях. Переломным событием в политической истории Сербского княжества стало провозглашение в 1838 г. так называемой Турецкой конституции, послужившее отправной точкой межпартийной и междинастической борьбы в стране. Кульминацией противостояния можно считать мятеж Вучича 1842 г., в результате которого лишился власти князь Михаил Обренович, а на престол был возведен Александр Карагеоргиевич. Умело используя как литературу, так и неизвестные сербскому читателю документы российских архивов, автор характеризует отношение российского правительства к происходившему в Сербии в 1842 г. Подчеркивается, что династический переворот в Петербурге расценили как «революционный акт», враждебный в отношении России как защитницы и гаранта сербской автономии. В течение 1843 г. изначально жесткая российская позиция по вопросу смены власти в Сербии

постепенно становилась более компромиссной благодаря деятельности дипломата В.К. Ливена. Подробнейшим образом Никифоров описывает и анализирует как события в княжестве летом 1843 г. (оставление власти и новые выборы князя Александра; репрессии в отношении Вучича и Петрониевича; заговоры, инспирированные Обреновичами; отзыв из Сербии российского консула Ващенко), так и затруднения, с которыми сталкивалась в то время российская дипломатия (одновременное отстаивание территориальной целостности Османской империи и покровительство, оказываемое ее христианским народам). Политический хаос, царивший в Сербии, вынес на поверхность Илию Гарашанина, ставшего опорой режима уставобранителей. Политической карьере автора «Начертания», занимавшего пост министра внутренних дел в 1843—1853 гг., посвящен небольшой раздел рассматриваемой монографии.

Во второй главе «Программа “Начертание” и начало ее реализации (1844—1847 гг.)» (с. 91—144) автор описывает обстоятельства возникновения «Начертания», оценивает влияние польской эмиграции на политику режима уставобранителей. Отдельное внимание уделяется «Плану» Франьо Заха, в котором намечались основные этапы будущего южнославянского объединения. На автора этих строк наибольшее впечатление произвел аналитический обзор современных трактовок «Начертания» (Д. Батакович, Д. Агичич, Н. Попович, Х. Зюндхаузен, И.С. Достян, С.А. Романенко, Е.П. Кудрявцева), а также экскурс, посвященный генезису такого пропагандистского понятия как «Великая Сербия». Никифоров приходит к выводу, что в «Начертании» «выражена идея создания полноценного, политически и экономически жизнеспособного государства. И можно говорить лишь о наличии некоего южнославянского фона [...] в безусловно сербской по своему характеру программе» (с. 106). Анализируя происхождение идей Гарашанина (Чарторыйский, Зах, Уркварт), автор соглашается с мнением М.В. Белова, который призвал рассматривать текст «Начертания» не только как текст «одного автора», а «скорее как палимпсест, имеющий множество слоев и многих авторов»

(с. 112). При этом Никифоров настаивает, что не следует ставить под сомнение итоговое авторство Гарашанина. Отдельный параграф посвящен внешней политике Княжества Сербия в 1840-е годы. Подчеркивается, что наряду с «тайными планами» проводился официальный «публичный» внешнеполитический курс. Носителем первых был Гарашанин, а второго — министр иностранных дел Аврам Петрониевич. В целом, стабильность режима уставобранителей во многом зависела от заговоров и восстаний, инспирированных Обреновичами. Правительство в Белграде пыталось поддерживать хорошие отношения с Портой и Австрией, а также восстановить нарушенные отношения с Россией. С другой стороны, автор, используя прежде малоизвестные источники, достаточно подробно описывает первые шаги Гарашанина в направлении реализации «Начертания», а именно, его сотрудничество с францисканцами в Боснии, с Черногорией, руководителями народного движения в северной Албании, болгарскими вождями и авторитетными хорватами.

Отдельная глава посвящена политике Сербского княжества во время революции 1848—1849 гг. (с. 144—188). Автор подчеркивает, что «главным внешнеполитическим вопросом для Сербского княжества в то время было — оказывать или нет помощь воеводинским сербам». Одновременно правящий режим сталкивался с угрозами со стороны Обреновичей, что привело к расколу и конфликту в лагере уставобранителей (Вучич — Гарашанин). Автор приходит к выводу, что Гарашанин в то время стремился ограничить усилия по решению сербского вопроса лишь областями в составе Турции. По его указанию, Константин Николаевич составил проект создания «сербского вице-королевства», в котором объединились бы сербские этнические области, находившиеся в составе Османской империи. Описаны и прочие планы, не имевшие ничего общего с действительным положением вещей. По словам Никифорова, сербы «только России часто отказывали [...] в праве быть реалистом [...] Именно России всегда предъявлялись самые завышенные ожидания и наибольшие претензии. Она должна была априори поддерживать

все сербские требования, даже если это шло вразрез с ее интересами» (с. 176). И, все-таки, в 1848–1849 гг. маятник сербской внешней политики качнулся в другую сторону. Результатом борьбы сербов в Венгрии, а также помощи, которую им оказывало княжество, стало создание в конце 1849 г. Воеводства Сербии и Тамишского Баната. В заключении к рассматриваемой главе автор пишет о разочаровании в мирных и легитимных средствах освобождения сербского народа, которое постигло Гарашанина, пытавшегося определить, какая из великих держав более остальных заинтересована в решении сербского вопроса.

В последней главе монографии «Завершение первого этапа реализации «Начертания» (1849–1853 гг.)» (с. 191–250) описываются политические и общественные условия в Сербии после поражения революции в 1849 г. Речь, в частности, идет о европеизации Сербии, которая «неволею» последовала в результате тесных контактов с сербами из Австрии и наглядно проявлялась во внешнем облике жителей княжества: «Манера одеваться по-турецки стала уходить в историю». С другой стороны, усилился процесс «бюрократизации» (с. 192–194). Власти пытались предотвратить распространение либеральных идей, а также избавиться от влияния иностранных консулов на политику сербского правительства. Произошло новое охлаждение отношений с Россией, вызванное присутствием в княжестве представителей польской эмиграции. В конце концов, поддавшись давлению со стороны российского консула Лёвшина (сербская историография ошибочно называет его Левшиным), сербское правительство в сентябре 1851 г. распорядилось выдворить оставшихся в стране политических эмигрантов (поляков и венгров). Автор также рассматривает «Уставы политической пропаганды» – документы, в которых говорилось о том, что следует предпринять для реализации «Начертания» в 1849–1850 и 1850–1851 гг. «Уставы» представляли собой детальные планы действий с указанием территории и агентов, которым на обширном пространстве Балканского полуострова – от Болгарии до Далмации – предстояло осуществлять приготовления

к освобождению от чужеземной власти. Несмотря на наличие агентурной сети, сербское правительство в тот момент не было готово (и не имело возможности) ни поддержать масштабные крестьянские движения, ни активно включиться в решение аграрной проблемы. Этим уставобранители и сам Гарашанин «лишали себя главного союзника в борьбе с Османской империей». Никифоров уделяет особое внимание развитию тезиса Милорада Экмечича об «историческом «сломе» идеи югославянского национального единства», произошедшем в ходе революции 1848–1849 гг. Автор озвучивает предостерегающий вывод, согласно которому сербы, которые ранее отличались наиболее развитым, по сравнению с прочими южнославянскими народами, национальным сознанием, «в дальнейшем уступили пальму первенства своим соседям. Их национальное самосознание вплоть до настоящего времени оказалось наиболее развитым» (с. 225–226).

В Заключении (с. 241–250) Никифоров подчеркивает, что в Сербии в середине XIX в. существовали три идеологические концепции развития княжества: узко-сербская (Т. Вучич–Перишич), сербская или все-сербская (И. Гарашанин) и южнославянская (Бан, Зах, Ковачевич). Перечислены многочисленные препятствия, стоявшие на пути реализации политики Гарашанина: слабость государства, оставшегося вассалом Османской империи; плохая социально-экономическая ситуация; политические расколы и внутренние конфликты; разногласия ведущих уставобранителей при выборе союзников на международной арене и т.д. С другой стороны, в 1840-е годы Россия пережила «провал своей политики в Сербии». Отчасти он был обусловлен ошибками ее дипломатов, а отчасти – пропагандой западных держав, настаивавших на пагубности влияния, оказываемого Россией на балканских христиан. Так, Гарашанин опасался, «что на место зависимости от Турции придет зависимость от России». Впрочем, позднее он понял, что без российской поддержки Сербии не удастся воплотить свои национальные устремления. Поэтому в 1860-е годы он тесно сотрудничал с Россией. Австро-венгерская политика второй половины XIX в. не дала Сербии воплотить идеи, заложенные

в «Начертании». Короткий временной промежуток отделял объединение части находившихся под османской властью сербских земель, состоявшееся в результате Балканских войн 1912–1913 гг., от создания Югославии в 1918 г. Это событие «изменило течение сербской истории», а югославский кризис 1991–2001 гг., по мнению Никифорова, «был связан [...] с попыткой сербского народа вернуться к не реализованному в 1918 г. варианту объединения, и опять в центре первой половины кризиса оказалась Босния и Герцеговина». Окончательный вывод гласит, что сербам еще предстоит сформулировать «новые “Начертания”» (с. 250).

В любом случае перед нами блестяще написанное исследование, в котором критически переосмыслены, проанализированы и разъяснены все предыдущие историографические оценки «Начертания» и его автора – Илии Гарашанина.

Но не только это. Анализ как самого «Начертания», так и внешней политики Сербии в 1842–1853 гг. позволили Никифорову рассмотреть интересующую его тему в протяженном временном контексте. А благодаря введению в оборот новых источников, скрупулезности и остроумию в обнаружении параллелей и построении выводов читатель имеет возможность познакомиться с новым современным видением времени и его героев, о которых пишет автор.

Предисловие к сербскому изданию написал Душан Т. Батакович. Весна Смилянич-Рангелов перевела книгу на сербский язык. В приложении представлен текст «Начертания», позаимствованный из вышеупомянутой книги Р. Люшича.

© 2019 г. *Радомир Й. Попович*
E-mail: rjpopovic@gmail.com
Перевод А. Силкина

М.А. БИРМАН. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018. 442 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0004208-1

Уже давно труды и личность П.М. Бицилли привлекают исследователей. Выходят и продолжают выходить многочисленные исследования у нас и за рубежом. Здесь и монографии, и статьи, и публикация различных материалов, связанных с его именем. Можно сказать, завидная судьба, когда творчество ученого продолжает вызывать междисциплинарный интерес ученых на протяжении длительного времени.

И труд Михаила Абрамовича Бирмана, много лет проработавшего в Институте славяноведения РАН (прежде Институт славяноведения и балканистики РАН), только подтверждает сказанное. Сразу можно задаться вопросом, что и чем привлекает его книга?

И сразу небольшое отступление. Мне приходилось и ранее читать его работы. Чему бы они не были посвящены — поражает одно: перфектность или фантастическая скрупулезность в исследованиях, даже если они и посвящены, с моей точки зрения, довольно неинтересным темам. Но, как известно, скучных тем не бывает, есть только читатели, которые их таковыми считают.

И настоящая книга являет собою блистательный пример именно тщательности проведенного исследования. В книгу включен перечень из 13 блоков всего наследия П.М. Бицилли: 1. Труды по античности и средневековью; 2. Сочинения по всеобщей истории; 3. Труды по истории исторической науки, историософии и преподаванию истории; 4. Сочинения о классиках русской литературы (Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой,

А.П. Чехов); 5. Публикации по «философии нации» и нациогенезу; 6. Сочинения по истории России, российской государственности и культуры (проблемы россиеведения); 7. Труды по теории и истории мировой и русской литературы; 8. Публикации по болгаристике и славистике; 9. Сочинения по теории и истории русского литературного языка и по фольклору; 10. Публикации по социологии, психологии, искусствознанию, религиоведению, философии и др.; 11. Труды о А.С. Пушкине и на темы пушкинистики; 12. Сочинения о современной европейской и русской культуре и на культурологические темы. П.М. Бицилли — культуролог; 13. Публикации о творчестве современных русских писателей (И.А. Бунин, А. Блок, В.В. Набоков, М.А. Алданов, Ю. Герман, М. Зощенко, Н. Тэффи и др.). Добавлю, что только библиография занимает почти сотню страниц, включая и библиографию (совместно с А.Н. Горяиновым) опубликованных трудов и писем Бицилли и литература о нем (1912–2016 гг.). В текст книги включены и семь приложений: 1. П.М. Бицилли и М.Т. Полянкевич (Бицилли). Схема родственных связей; 2. Хроника жизни и творчества П.М. Бицилли; 3. Алфавитный перечень адресатов П.М. Бицилли, лиц, чьи письма и публикации с дарственными надписями хранятся в Пушкинском доме (СПб.); 4. Список псевдонимов и криптонимов П.М. Бицилли; 5. Список периодических и полупериодических изданий, где печатался П.М. Бицилли; 6. Перечень названий 95 спецкурсов, прочитанных проф. П.М. Бицилли

в 1924—1940 гг.; 7. Проф. П. М. Бицилли в интернете.

Все это только наглядно подтверждает огромный объем труда, проделанный М. А. Бирманом. Добавлю: чтобы так успешно исследовать, писать портрет П. М. Бицилли, надо просто его «любить», считать своим героем и живописать его в «красках».

Написанное выше следует считать своеобразным введением в основной текст книги, написанной, кстати, легко и непринужденно, отличным стилем.

Безусловно, многие сочинения о тех или иных «великанах» литературы, истории или искусства сочетают в себе их жизненную судьбу и творчество. Именно это достаточно ярко высвечено, начиная уже с непростой генеалогии П. М. Бицилли, в крови которого смешались Европа и Азия, точнее, Балканы, балканская и русская «гиштории», «благородные албанцы из Эпира» и русское дворянство.

Талантливость Бицилли проявилась достаточно рано и видна в его гимназических рисунках и в пророческом отзыве директора гимназии как о «выдающемся ученике» (с. 27). Несколько отвлекаясь, подчеркну, что М. А. Бирман должное внимание уделил и университетским наставникам и коллегам молодого Бицилли. Не обойдена вниманием и личная жизнь, связанная с женитьбой на М. Т. Полянкевич.

Весьма отчетливо прослеживаются первые научные опыты. Например, в 1912 г. была опубликована работа Бицилли «Тацит и римской империализм». Сам М. А. Бирман, исследуя начало научной деятельности пишет: «Научные публикации первых лет его авторства были посвящены самым разнообразным эпохам и проблемам истории античной Греции и Рима, раннему средневековью на Руси и в Европе и их взаимоотношениям, религиозной жизни средневековой Италии, философии истории, воспоминаниям правившего в Германии в начале XX в. канцлера Б. фон Бюлова и многим иным темам» (с. 43).

Сейчас бы это назвали полидисциплинарностью и междисциплинарностью, что отмечает автор (с. 43). В этой связи М. А. Бирман освещает неординарную судьбу опубликованного в 1916 г. крупного и талантливого сочинения францисканского монаха, автора знаменитой хроники XIII в., вызвавшего дискуссию в научных

кругах того времени: «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века».

Относительно России времен 1917 г. Бицилли, как подчеркивает Бирман, провидчески низал следующие строки: «Что если “экспроприация экспроприаторов” выродится в спорадические грабежи и насилия, завершится расхищением en masse общественного достояния и наступлением “сумерек цивилизации” нового средневековья» (с. 50).

А пока, в 1918 г. Бицилли, пишется в книге, издает «Падение Римской империи», что весьма символично после крушения России, этой Восточной империи. Год спустя вышла замечательная монография «Элементы средневековой культуры». В ней утверждается, что средневековому человеку свойственна определенная статичность мышления, неспособность понимать жизнь как процесс (с. 59).

После прихода в его Одессу большевиков начались известные кровавые репрессии, в которых пострадали многие его знакомые. «Вскинувший, — по выражению Бицилли, — мелким бесом демон революции» (с. 61) губил в той же Одессе то, что ему было чуждо и контрреволюционно. В итоге, ученый в начале 1920 г. покидает красную Россию.

Начинается жизнь в эмиграции. В начале его приютило Королевство сербов, хорватов и словенцев. Там Бицилли стал читать курсы по всеобщей истории на философском факультете Белградского университета в г. Скопле, тогда захолустье, скажу, редкостное. Тем не менее, отмечает Бирман, отношения с сербскими коллегами были «лояльными». Замечу, что Бицилли сравнительно легко преодолел языковой барьер, что было нелегким делом для многих его русских коллег. Более того, автор книги рисует портреты тех русских ученых, с кем его сталкивала сама жизнь. Научная деятельность? Один пример: в 1923 г. вышла его книга на сербском языке «Увод у светску историју» («Введение в мировую историю»). В целом, текст об этом периоде жизни написан, как и везде, живо и увлекательно. Дополнительно подчеркну два момента: первое — органичность повествования, второе — отсутствие лишней воды, точнее «мертвой воды». Для всех тех, кто занимается русской эмиграцией, труд М. А. Бирмана будет служить не «отсылочной книгой», а источником, к которому

можно и нужно обращаться. Как и многие эмигранты, Бицилли не избежал искуса евразийства, о чем подробно пишет Бирман. Он активно сотрудничает в евразийских сборниках для обмена мнениями по этой чрезвычайно актуальной проблематике, которая для него с течением времени приобретала спорный характер. Со своей стороны замечу, что для меня евразийство скорее не стройное учение, а литературное явление, где каждый из его предводителей (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский) отстаивали свои взгляды на евразийство. И все же, информация по этой проблематике будет, полагаю, весьма интересна для исследователей этого русского феномена.

Свыше полусотни страниц автор посвятил болгарскому периоду жизни ученого, сменившего Скопле на Софию, провинциальный город на столицу. При определенной трудности подробного освещения этого этапа, невозможного для такого жанра, как рецензия, прибегну к ненавистным мне «перечислизмам». Здесь и список спецкурсов, читанных Бицилли в Софийском университете с 1924 г. по 1932 г., и сжатая и емкая характеристика его работы со студентами и для студентов (лекции, семинары). Освещена научная деятельность, прежде всего, издание «Очерков исторической науки».

В этой книге, подчеркивает Бирман, автор «выступает как философ, историк и культуролог, открытый новейшим веяниям в сфере теории исторических и шире — общегуманитарных знаний» (с. 104). Сюда добавлю и «Этюды о русской поэзии», завершенные в 1924 г. в Софии и изданные в 1926 г. в Праге.

Примерно такое же количество страниц посвящено чрезвычайно трудной теме для исследования, требующей терпения, кропотливого собирательства и удачи. Здесь речь идет о публикациях Бицилли в периодических изданиях и сборниках, которым «несть числа». Для краткости представлю пять блоков его публикаций. Первый — по истории российской государственности и культуры (проблемы россеиведения). Второй — публикации по проблемам историософии, историографии, всеобщей истории и о преподавании истории. Третий — публикации по «философии нации» и нациогенезисе. Четвертый — публикации о классиках русской литературы XIX в.

(Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Некрасов, Достоевский, А. Толстой, Чехов). Пятый — публикации по болгаристике и славистике. Только на болгарском языке Бицилли, по подсчетам нашего коллеги, опубликовал в Софии три книги и сорок семь статей, сообщений, заметок и рецензий в различных изданиях (с. 123).

Внимательный читатель, исследователь, найдет в труде Михаила Абрамовича и множество иных материалов. Здесь и экскурсы о его зарубежных поездках из Софии, прежде всего, в Прагу — эти «русские Афины».

Активно шла общественно-научная и культурно-просветительская деятельность Бицилли: лекции на самые разнообразные темы и сюжеты, выступления на международных форумах. Как отмечалось в книге ранее, его волновало евразийство, о котором Бицилли в развернутой форме писал: «Евразийство представляет собою смесь разнородных учено-антикварских, археологических и религиозно-пророческих историко-философских тенденций, которая характерна для славянофильства и романтизма вообще. Одно мешает другому. Евразийцы зовут к возрождению, но их возрождение сбивается на реставрацию» (с. 141).

Не обойдена вниманием и семейная жизнь, быт, ближайшее окружение. Благодаря исследованию Бирмана, можно получить интересные сведения, особенно по коллегам Бицилли, его приятелям, знакомым. В числе последних был и бывший правовед А. С. Мулюкин.

В свое время я немного писал о нем в своей книжке «Софии русский уголок», и к написанному могу добавить, что эта «веселая птичка Божия» не теряла интереса к жизни, несмотря на голод и другие невзгоды. Он то занимался живописью, то писал какое-то опровержение марксизму.

В книге есть и сюжет, связанный с его перепиской с Буниным, в частности, относившийся к идее в Стокгольме выдвижения Ивана Алексеевича на Нобелевскую премию (с. 155–156).

Исследуя преподавательскую деятельность Бицилли, наш коллега (хотя и уехал в иную страну, но до сих пор остается «нашим»), собрал значительную и интересную информацию об этом периоде, охватывающим 1932–1939 гг. Его содержание кратко и емко озаглавлено: «Тернистый путь профессора-контрактника 1930 годов...». Здесь

и сюжеты о сложностях при заключении контракта с Софийским университетом, и болезненная критика Д. В. Философова. Стоит упомянуть и сюжет об участии Бицилли в «полемике-дискуссии по проектам реформы сотрудничества руководства школьными делами русских эмигрантов с правительством Болгарии» (с. 167). Верный себе перфекционист М. А. Бирман представил не только список спецкурсов, читанных им в университете, но и обстоятельно раскрыл связанные с ними сюжеты (с. 169–175). Нужно сказать, что, читая его, можно с полным правом назвать Бицилли энциклопедистом.

Автор продолжал в своей книге начатую им ранее тему о публикаторской деятельности Бицилли (см. начало рецензии), опять будут звучать знакомые имена. Читатель ознакомится с перипетиями семейной жизни Бицилли в 1930-х годах, с «семейными поделками» в семье ученого.

Тридцатые годы снова будут объектом исследования М. А. Бирмана. На этот раз в книге освещается переписка Бицилли с его коллегами. В них затрагивались различные темы: от оценки ситуации в Советской России, в Германии с ее австрийским аншлюсом, «мюнхенским сговором» до личности и творчества Бунина. И здесь только одна вставка: упоминая барона А. С. Штейгера, можно было бы написать подробнее о младороссах, в которых «ходили» многие известные люди. Сам Штейгер, как признавался в письме к редактору «Современных записок» В. В. Рудневу, что в 1939 г., будучи в Софии, «познакомился с проф. Бицилли и еще совсем под его обаянием. Дом Бицилли как Оазис на Балканах» (с. 219).

Обращаясь к военной тематике, автор подчеркивал, что в семье Бицилли и в его ближайшем окружении были «антинацистские настроения», что было немудрено, зная Петра Михайловича. Равно известно, что в эти трудные годы он, как и прежде, читал спецкурсы в Софийском университете (список в книге прилагается). Из трудов можно назвать «Творчество Чехова», напечатанный в 1942 г.

После прихода к власти коммунистов Бицилли продолжал, подчеркивает Бирман, вести активную педагогическую работу,

причем из двенадцати спецкурсов, прочитанных в 1945–1948 гг., пять было посвящено России, в основном, ее общественным движениям (с. 244). Весьма интересный сюжет связан с проблемой получения советского гражданства, в чем ему было отказано три раза, несомненно, по идеологическим соображениям.

В создавшейся ситуации, подчеркивается в книге, Бицилли принял болгарское гражданство, продолжая свою творческую деятельность. Самой крупной была изданная на болгарском языке в 1947 г. работа «История на Русия от начало на XIX век до втората революция (1917 год): вътрешната политика и общественни движения».

В 1948 г. истек срок его очередного контракта, и Бицилли был вынужден перейти на «положение пенсионера без пенсии», оказавшегося без достаточных средств, преследуемого неудачами в сфере публикаций. Так и не была напечатана монография «История социалистических идей в Европе», можно сказать, новая тема в творчестве ученого.

Конец жизни, безусловно, ускорила сама обстановка вокруг его фигуры. И здесь уместно привести строки из воспоминаний зятя ученого А. П. Мещерского: «Человек очень тонкой душевной структуры, он (Бицилли) с трудом сохранял в той атмосфере травли, грубого равнодушия и малодушного приспособленчества веру в себя, в свою полезность, в свою необходимость [...] Мне не раз приходилось слышать горькие слова из уст профессора – “травят как собаку”, “ну что же – я человек за бортом...”, [...] Чувство своей ненужности, обреченности все чаще овладевало им». В августе 1953 г. профессор П. М. Бицилли ушел из жизни.

Завершая свой текст, подчеркну – труд М. А. Бирмана достоин самой высокой оценки. Жизнеописание П. М. Бицилли позволяет достаточно ярко и выпукло представить как саму личность ученого с большой буквы, энциклопедиста, так и его удивительно разностороннее творчество, занятия на педагогической ниве.

© 2019 г. *В. И. Косик*
E-mail: *kosikviktor@mail.ru*

Ю. БУЙСЬКИХ. «Колись русалки по землі ходили...» Жіночі образи української міфології. Харків, 2018. 320 с.

Ю. БУЙСКИХ. «Когда-то русалки по земле ходили...» Женские образы украинской мифологии

DOI: 10.31857/S0869544X0004209-2

Книга этнолога и антрополога Ю. Буйских представляет читателю чрезвычайно интересный срез украинской традиционной культуры – систему народных представлений о женских мифологических персонажах и персонажах, наделенных сверхъестественными (магическими) способностями. Это издание – ценный вклад в прикладную антропологию, этнолингвистику и фольклористику, поскольку не только содержит комплексный анализ системы мифологических персонажей, мифологической лексики и народных поверий, но и показывает динамику и трансформацию традиционных представлений и текстов, их отражающих.

Издание определено самим автором как научно-популярное, но являет собой вполне академическое сочинение, где доступным языком на интересных примерах представлен широкий круг народных верований украинцев, показана преемственность и живучесть традиции. В основе исследования лежит кандидатская диссертация автора (2010) [1], дополненная новым эмпирическим материалом.

В книге представлены обобщенные описания мифологических персонажей (на основе работ по украинской народной мифологии, многие из которых вошли в классический фонд украинской фольклористики и этнографии – это труды М. Васильева, Ф. Вовка, В. Милорадовича, Б. Гринченко, П. Иванова, В. Кравченко, В. Гнатюка, П. Чубинского и др.),

характерные же региональные черты выявлены за счет привлечения богатого полевого материала, собранного автором в период экспедиционных исследований 2007–2015 гг., охвативших практически все области Украины (Черкасская, Волынская, Ровненская, Житомирская, Киевская, Хмельницкая, Донецкая, Запорожская, Ивано-Франковская, Черновицкая, Херсонская, Николаевская, Одесская и Автономная Республика Крым). Особое место среди обследованных историко-культурных регионов занимает украинское Полесье, что дает возможность сопоставить материал, вводимый автором в научный оборот, с уже имеющимися фундаментальными публикациями полесского фольклора, посвященного персонажам низшей мифологии (см., например, [2]).

Особо отметим, что автор широко использует уникальные архивные материалы (из фондов Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, Отдела рукописей Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника, Научного архива Института археологии НАН Украины, Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского НАН Украины), собранные в середине XIX – середине XX в.

Предметом внимания в книге оказались наиболее распространенные в общеукраинской традиции женские мифологические персонажи – и в этом принципиальная

позиция автора (см. с. 111), поставившего цель познакомить читателя с женским пантеоном украинской народной мифологии (народной демонологии). Тем не менее, региональные представители низшей мифологии все же присутствуют — это касается в первую очередь привлекаемого Ю. Буйских карпатского материала, который составляет особый пласт в общукраинской мифологической традиции и дает чрезвычайно интересную терминологию (например, *опириця* как локальный вариант ведьмы и женская ипостась упыря, с. 156; *перелесниця* как женская ипостась змея, с. 162).

Анализ образов женских мифологических персонажей, имеющих человеческое происхождение, и демонических существ проводится с опорой на разработанную в конце 1980-х годов в рамках Московской этнолингвистической школы и широко используемую в фольклористике схему описания мифологических персонажей (с. 94–95), что дает возможность не только представить украинский материал на фоне других славянских традиций, но и показать его характерные отличия.

Фольклорные нарративы о мифологических персонажах анализируются в рамках магическо-мифологического дискурса — в непосредственной связи текстов с магическими, целительскими и народно-религиозными практиками, с широким кругом верований, на которых базируется фольклорно-мифологическая картина мира (с. 216–217). Особо отмечается автором эвристическая ценность комплексного исследования мифологических верований и явлений социальной действительности, нацеленного на поиск новых решений для адекватного и непредвзятого изучения фактов народной культуры (с. 218). В связи с этим вполне оправдано включение в научно-популярный текст рассуждений о позиции антрополога, занимающегося изучением языка культуры; согласно позиции автора, суть антропологической интерпретации материала заключается в том, что исследование является не «реконструкцией», а «прочтением», поскольку народная культура для ее носителей является «текстом символов»; стратегия исследователя состоит в том, чтобы научиться читать этот текст на языке носителя, а впоследствии переложить полученную информацию на язык науки, полностью и без искажений сохраняя ее смысл (с. 218–219).

Первый раздел книги — «Между этнографической действительностью и кабинетным вымыслом» (с. 13–76) — представляет собой, с одной стороны, обзор кабинетной и «романтической» украинской мифологии, а с другой — попытку познакомить широкого читателя с наиболее значимыми концептами, используемыми в современной науке для описания явлений, связанных с народной верой в сверхъестественное.

Особый интерес представляют сведения о псевдонаучном мифотворчестве 1990-х годов, когда на волне национального романтизма и попыток сформировать «настоящую» славянскую мифологию расцвели поиски «исконных» славянских древностей и на читателя обрушился вал публикаций о «древних» божествах и святынях. Учитывая чрезвычайную популярность темы славянских народных верований и обилие околонучных публикаций на эту тему, появившихся в последние десятилетия, отметим полезный не только для специалистов, но и для широкого читателя обзор понятий и терминов (с. 51–73), таких, как «двоеверие», «низшая мифология», «народное христианство», «народная религия», а также популярных в современной социокультурной антропологии терминов «живая/переживаемая религия/религиозность» (ср. англ. *lived religion*) применительно к народной духовной культуре славян.

Однако и в украинской академической среде, как показывает автор, с 1990-х годов отмечается популярность мифа про исключительную архаичность только сельской культуры (с. 48). Но если ученый принимает эту позицию, то для него неминуемо сужается круг объектов изучения и традиции отказывается в развитии — в то время как на самом деле традиционная культура переживает перманентные трансформационные процессы, включая в себя новые формы старых жанров и порождая новые, что отмечали еще исследователи конца XIX в., например Н. Сумцов и А. Онищук (с. 48–49). Ю. Буйских, опираясь на обширный эмпирический материал, справедливо отмечает, что некорректно говорить про «смерть», «исчезновение», «утрату», «деформацию» или «деградацию» традиции — перед нами ее «видоизменение»: культура, будучи живым организмом, инкорпорирует то, что ей близко и что может функционировать в ее структуре, отвечает на вызовы времени (с. 57). Тем не менее, следует

принимать во внимание, что украинское общество в настоящий момент своего развития переживает очередной виток «архаичного синдрома» (с. 74), когда в поисках стабильности обостряется потребность прильнуть к корням, осознать уникальность национальной культуры, узнать про «давние» обычаи и традиции. Именно поэтому, наряду с процессами романтизации «национальных древностей», исследователь сталкивается с явлением вторичной фольклоризации (с. 51) в форме внедрения элементов традиционной культуры в образовательный и культурно-массовый контекст (массовое обучение колядованию, формирование репертуара фольклорных самодетельных коллективов из неких общих «показательных» текстов и т.п., учебные пособия по «народоведению»). Активизировался и обратный процесс, когда городская культура поставляет материал для новаций — об этом говорит, в частности, зафиксированное фольклористами включение в тексты традиционных быличек строф из популярных песен или классической поэзии (с. 55).

В этом контексте чрезвычайно важна грамотная техника опросов при сборе материала, позволяющая отделить исконно традиционное от привнесенного, что необходимо для полноценного описания системы народных верований (с. 53).

Ценность вводного раздела книги состоит в том, что он помогает составить представление о современных методах и подходах в изучении традиционной культуры и народных верований, ориентироваться в обширном массиве источников.

Истории изучения мифологических представлений в разных регионах Украины и добротному обзору фольклорно-этнографических источников посвящен второй раздел книги (с. 77–109). Помимо этого, автор приводит обзор попыток классификации украинских мифологических персонажей, которые предпринимались этнографами и фольклористами начиная с 1870-х годов. В связи с историографией вопроса хотелось бы отметить, что корректнее было бы в авторском тексте (а не только в библиографических ссылках) приводить все названия изданий на языке оригинала, чтобы избежать недоразумений. В XIX в. многие издания, посвященные украинскому фольклору и народным верованиям и содержащие ценный аутентичный материал, издавались по-русски. Таков, например,

ставший классикой для славистов журнал «Киевская старина», выходявший в 1882–1906 гг. Когда на страницах книги он упоминается как «Київська старовина» (т.е. в переводе на украинский язык), это порождает двусмысленность, ведь под украинским названием и на украинском языке этот журнал был возрожден только в 1992 г., и по отношению к «предку» «наследник» являет собой уже совсем иное издание.

Третий, самый обширный, раздел книги посвящен собственно женским образам украинской низшей мифологии (с. 110–219). В соответствии со схемой описания мифологических персонажей автор рассматривает сначала персонажи, имеющие человеческое происхождение (люди со сверхъестественными способностями: баба-повитуха, знахарка/шептуха/ворожка, облакопрогонники; полудемонические персонажи: ведьма, чаровница; «заложные» покойники и русалки), а затем обращается к персонифицированным образам (Душа, Доля, Смерть, Холера, Чума, Лихорадка, Пятница, Среда, Неделя). Отметим зафиксированную автором богатую украинскую мифологическую терминологию (номинации «знающих» людей — с. 118–124, ведьм — с. 138, 142, 149). Подробно говорится также о социальной роли и месте «знающего» в традиционном обществе (с. 126–127, 130), и в этом плане исследование Ю. Буйских во многом дополняет работы российского антрополога О.Б. Христофоровой [3]. Исследование Ю. Буйских опирается на работы предшественников, специально разрабатывавших «женскую тему» в украинском фольклоре и традиционной культуре (О. Кись, О. Боряк, К. Воробец). Поскольку значительную часть полевого материала, представленного в книге, составляют данные из украинского Полесья (Ю. Буйских проводила экспедиционные исследования в Волинской, Житомирской, Ровненской областях в 2008–2012 гг.), было бы также уместно соотнести материал автора с более ранними работами о полесской «женской» традиции (в частности, о повитухах) [4. С. 69–116].

Последовательно придерживаясь принципа рассмотрения фольклора о мифологических персонажах в контексте магическо-мифологического дискурса (см. выше), автор комплексно анализирует устные свидетельства о «знающих» и их восприятие носителями традиции (с упором

на осознание социальной роли знахарки, ведьмы и др. и рефлексию рассказчиков по этому поводу). Так, особый статус шептухи (по сравнению со знахаркой) выявляется в речениях типа «вона з Богом шепчесться» (с. 123), сами же магические специалисты также проводят различия между собой: шептуха утверждает, что «мі Бога просим», а знахари «людям погане, зло роблять» (с. 124). Значимым на оценочной шкале способностей «знающего» оказывается его принадлежность к категории «чужих». В записанном в Крыму рассказе шептухи (сама она определила себя как «греко-украинка») особо подчеркивается, что ее бабушка-гречанка использовала в своей практике греческие молитвы и обладала редкой способностью «перерізати вихор» при помощи столового ножа и топора (с. 129–130).

Сравнение материалов из «золотого фонда» украинской этнографии с современными полевыми материалами показывает поразительную устойчивость (на протяжении более ста лет!) ритуальных практик и их вербальных мотивировок. По свидетельству П. Ефименко, во второй половине XIX в. на Левобережной Украине в гроб повитухе клали палку, а на пояс привязывали узелок с маком, потому что верили – на том свете умершие дети, которых она принимала, нападут на нее, чтобы растерзать за то, что она помогла им появиться на свет, но не спасла их жизни; повитуха отбивается от них палкой и бросает им маковые зерна – пока те собирают мак, повитуха убегает. Аналогичный рассказ о том, что в гроб бабе-повитухе клали мешочек с маком, чтобы на том свете она могла «отцепиться» от своих «внуков», был записан в Черкасской области в 1974 г. (с. 117). Также показательна динамика представлений и поверий о русалках (с. 187–189); анализируя фольклорные тексты, автор показывает, что когда образ мифологического персонажа со временем лишается некоторых деталей (и, соответственно, распадается мифологический нарратив), представления о персонаже сохраняются в основном на уровне запретов (например, русалки как персонажи-устрашители детей).

Отметим, что при анализе персонажно-го ряда не всегда соблюдается «женский» принцип, поскольку во многих случаях невозможно представить некоторых женских персонажей без связи с их мужскими аналогами (таковы «заложные» покойники /

самоубийцы, с. 162; «ходячие» покойники, с. 149, 151–152; некрещеные дети, с. 152; упыри, с. 153–156; «двоедушники», с. 157–159); это свидетельствует о том, что для некоторых персонажей низшей мифологии гендерный аспект менее релевантен, чем аспект функциональный. Более того, для полноты картины нельзя не упомянуть таких персонажей, как змей, чаклун (с. 144, ср. с. 149) или облакопрогонник (обычно это мужские роли, хотя в ряде случаев функции этих мифологических персонажей могут быть делегированы как мужчинам, так и женщинам, см. с. 129).

В подразделе, посвященном персонификациям души, доли и смерти, привлекает внимание свидетельство, зафиксированное в конце XIX в. П. Ивановым на Слобожанщине: ангел-хранитель («доля») учит всяким премудростям младенца, пребывающего в утробе матери; но перед самым рождением ангел дотрагивается пальцем до верхней губы ребенка, в результате чего над верхней губой образуется ямочка, а младенец забывает все, чему его учили (с. 198). Рассматривать это поверье (зафиксированное однажды на Слободской Украине и периодически встречающееся у карпатских русинов) как показатель украинской традиции, на наш взгляд, не совсем корректно. Скорее всего перед нами пример диалога культур: указанный выше сюжет восходит к еврейскому мидрашу о формировании души человека, популярному в еврейском фольклоре и известному в разных вариантах [5. Р. 58]. Учитывая развитые связи славянской и еврейской культурной традиции на территории Украины [6], можно полагать, что в редких украинских свидетельствах отразилось поверье этноконфессиональных соседей.

Что касается визуализации образа смерти в традиционной культуре украинцев (см. с. 201), то в развитие темы укажем недавнюю статью Л.Н. Виноградовой, которая может дополнить материал, представленный в книге Ю. Буйских [7].

В подразделе, посвященном персонификациям эпидемиологических болезней, анализируются традиционно женские образы Холеры, Чумы и Лихорадки. В случае с Холерой можно установить хронологический период, когда этот персонаж вошел в систему украинской низшей мифологии (впервые на Украине эпидемия холеры случилась в 1831 г.), причем исключительно

в женской ипостаси (с. 202–203). В отличие от Холеры Чума могла принимать облик мужчины – чумака, торговца солью (единичное свидетельство, записанное в 1845 г. на Тилигульском лимане) (с. 203–205). Лихорадка (Пропасница) в отличие от Холеры и Чумы – это персонаж множественный, а многочисленные народные легенды о сестрах-лихорадках и заговоры от них тесно связаны с апокрифической книжностью (с. 205–206). Как справедливо отмечает автор, ссылаясь на современный полевой материал, народные рассказы про «старые» болезни явно идут на убыль, а если и транслируются в традиции, то лишь как свидетельства глубокой старины. В связи с этим возникает вопрос: фиксируются ли новые сюжеты (которые могла породить новая действительность) о таких опасных явлениях, как радиация, СПИД или рак? Вероятно, собирателям следует обратить внимание на такие потенциальные сюжеты.

Завершает книгу раздел, в котором представлены образцы устных рассказов о женских мифологических персонажах (с. 220–264) – опубликовано 46 текстов, героинями которых стали повитуха, шептуха, ведьма, мавка/бісиця, «ходячая» покойница, русалка, Пятница/Среда/Неделя, болезнь, смерть). Записи сделаны автором и ее коллегами по экспедициям в Хмельницкой, Житомирской, Ровненской, Волынской, Киевской, Одесской, Запорожской, Херсонской, Николаевской, Черкасской, Черновицкой, Ивано-Франковской, Донецкой областях и в Автономной Республике Крым. Выборка дает возможность судить об ареалах бытования и о региональных особенностях основных сюжетов и мотивов, связанных с женскими мифологическими персонажами. Среди наиболее интересных мотивов отметим следующие: повитуха видит судьбу новорожденного (с. 229–230, 116); покойная мать прилетает к детям в виде огненного змея (с. 248–249); русалка (умершая родственница) спасает бортника от процессии других русалок (с. 253–254, см. также с. 185); шофер видит на дороге женщину (св. Неделю), которая просит привезти ей платки, и, когда он привозит новые, пророчит смерть молодым людям (с. 257–258, см. также с. 212–213); девушки, идущие святить вербу, встречают женщину в черном – это Вербная неделя (с. 260); св. Неделя является морякам среди моря и укоряет их в том, что они работают

в воскресенье (с. 261). Отметим также легендарный сюжет (по классификации восточнославянских сказочных сюжетов СУС 332 *Смерть кума*), записанный в Волынской области в 2012 г., – человек пытается обмануть смерть, устроив крутящуюся кровать, но смерть все равно оказывается у него в головах (с. 263). При публикации следовало бы снабдить текст ссылкой на номер сюжета – это крайне важно для пополнения указателя восточнославянских сюжетов и мотивов (введение в научный оборот новых региональных версий).

В начале этого раздела автор касается крайне важных для современных изысканий в области этнографии и фольклора проблем, говоря о собирательской и эдиционной этике и знакомя читателей с «кодексами чести» полевого исследователя, соблюдение которых в последние годы стало обязательным в Европе и США (без этого никакой устный материал не может быть выпущен в широкое обращение или опубликован).

Справочный аппарат – ценный перечень архивных и полевых источников (с. 266–273), обширная библиография (с. 274–302), указатель (совмещен предметно-тематический, терминологический, географический и именной – очевидно, это вызвано ограниченным объемом книги) – представляется совершенно нелишним для этого научно-популярного издания, он полезен специалистам, а широкого читателя ориентирует в море этнографических источников.

В заключение отметим, что работа над книгами, посвященными фольклору, традиционной культуре, обрядам и верованиям, совмещающими научный подход к материалу с доступной и интересной формой изложения, дело ответственное. Благодаря таким качественным публикациям происходит не только сохранение аутентичных форм народной культуры в современном обществе, но и популяризация научного знания о национальных традициях.

© 2019 г. О.В. Бесполая
E-mail: kotmonya@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буйських Ю. Нижча міфологія в системі традиційного світогляду українців (кінець

- XIX – початок XXI ст.). Автореф. дис ... канд. іст. наук. Київ, 2010.
2. Народная демонология Полесья (публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX века). М., 2010. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами / Сост., авторы предисловия и коммент. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2012. Т. 2. Демонологизация умерших людей / Сост., авторы введения и коммент. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2016. Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост., авторы введения и коммент. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская.
  3. *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.
  4. *Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
  5. *Ginzberg L.* The Legends of the Jews. Philadelphia, 1968. Vol. 1.
  6. *Туров И.* Ранний хасидизм: История. Верование. Контакты со славянским окружением. Київ, 2003.
  7. *Виноградова Л.Н.* Персонификация Смерти в фольклорной традиции восточных славян и в древнерусской иконографии // Живая старина. 2016. № 2.

M. KUJAWSKA, Ł. ŁUCZAJ, J. SOSNOWSKA, P. KLEPACKI. Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludowych. Słownik Adama Fischera. Wrocław, 2016. [PRACE I MATERIAŁY ETNOGRAFICZNE. Tom XXXVII] 519 s.

М. КУЯВСКАЯ, Л. ЛУЧАЙ, Й. СОСНОВСКАЯ, П. КЛЕПАЦКИЙ. Растения в народных поверьях и обычаях. Словарь Адама Фишера

DOI: 10.31857/S0869544X0004210-4

Два года назад библиотека этноботаника пополнилась редким по своей фундаментальности томом. Работа польских авторов Моника Куявской, Лукаша Лучая, Иоанны Сосновской и Петра Клепацкого по изданию «Словаря Адама Фишера» — закономерный результат огромного труда профессионалов своего дела и людей, неравнодушных к истории науки и своей страны. Через несколько десятилетий после создания труд А. Фишера стал доступен широкому читателю.

Архивные данные, которые легли в основу публикации, насчитывают порядка 6000 карточек, содержащих материалы к первой части «Словаря славянских народных верований и обычаев» (*Handwörterbuch des slawischen Volksglaubens und Volksbrauchs*). Мысль о создании такого словаря зародилась на Первом съезде славистов в Праге (1929), одна из резолюций съезда касалась его издания. В комитет вошли Христо Вакарелский (София), Веселин Чайканович (Белград), Карел Хотек (Прага), Адам Фишер (Львов) и Дмитрий Константинович Зеленин (Ленинград).

В том же году Адам Фишер со страниц журнала «Lud» обратился с призывом собирать и присылать информацию о верованиях и об использовании растений, приложив соответствующий вопросник

и список из 260 растений, «особенно интересных для польского этнографа». Просьба была напечатана повторно в 1930 г. в журналах «Orli lot» и «Naszy drogi». К полевым данным, сбор которых, очевидно, завершился к 1935 г. (охвачено 118 населенных пунктов), были добавлены неопубликованные заметки самого Фишера, а также обширный материал из этнографической литературы. Отметим, что польское введение (s. 11–43) продублировано на английском языке (s. 49–68), что повышает доступность книги на международном уровне.

Карточки, подготовленные А. Фишером, хранятся в архиве Польского Этнографического общества во Вроцлаве (*Polskie Towarzystwo Ludoznawcze*). На большинстве из них стоит печать, заверяющая, что данное растение определено в соответствии с ботанической номенклатурой. История их сбора описана авторами во Введении после краткой биографии Адама Роберта Фишера.

За Введением следует собственно словарь: 246 словарных статей о растениях в алфавитном порядке (на польском языке) и два списка литературы и источников — к Введению и к статьям словаря. Приложения включают списки помощников Фишера по работе с информантами и местных краеведческих групп, которые

снабжали его информацией, а также карту деревень, где проводились полевые исследования для словаря. Сам словарь делится на две части: словарные статьи, подготовленные непосредственно Адамом Фишером (156), и те, которые были составлены авторами публикации на основе его материалов (90). Книга содержит около ста рисунков растений авторства Эльжбеты Новотарской. Графические прорисовки являются, видимо, неизбежным компромиссом между наглядностью изложения и стоимостью печатного издания.

Для наглядности приведем общий алгоритм представления словарной статьи (на примере *мать-и-мачехи* обыкновенной *Tussilago farfara* L.) (s. 263–265). После польского и латинского номенклатурных названий приводятся также старопольские и диалектные названия. Затем следуют разделы о практическом применении (употребление в пищу), использовании в верованиях и обрядах (защита от болезней, освящение в церкви), в народной медицине. В конце каждой словарной статьи приводится использованная литература.

Работа представляет собой значительный прорыв в развитии славянской этноботаники, вводя в научный оборот и делая доступным для исследователей ценный диалектный, фольклорный и этнографический материал. Данные, собранные А. Фишером и его корреспондентами, имеют очень высокую лингвистическую, этнографическую, фольклорную и этноботаническую ценность. Во-первых, они содержат диалектные названия растений, их народное толкование (часто основанное на этиологических легендах или народной этимологии), фольклорные тексты об этих растениях и обширную подборку этнографических материалов (народная медицина и магия, между которыми зачастую трудно провести различие, косметика и т.д.). Во-вторых, информация, почерпнутая Фишером из современной ему литературы и также включенная в словарь, помещает анкетный материал в широкий синхронный и диахронный контексты.

Все записи, сгруппированные в алфавитном порядке (на польском языке), снабжены латинскими номенклатурными именами, что увеличивает ценность словаря как источника (для сравнения – словарь белорусских диалектных названий растений «*Раслінны свет: Тэматычны*

слоўнік» (Мінск, 2001) не содержит латинских имен, и его очень сложно использовать, не зная официальной белорусской ботанической номенклатуры).

Авторы пишут: «Следует подчеркнуть титанический характер работы Фишера и его помощников – как при сборе данных на местах, так и при описании всех возможных упоминаний растений, найденных в местной прессе, научных монографиях, в газетах, популярных книгах, дневниках и мемуарах» (s. 66). В свою очередь, я хотела бы подчеркнуть титанический характер работы, проделанной М. Куявской и ее соавторами. Они объединили и отредактировали оригинальные немецкие и польские тексты, вывели все ссылки Фишера, удалили избыточные и добавили недостающие. Другая трудоемкая задача – приведение к современному виду латинской номенклатуры, поскольку многие оригинальные названия, использованные Фишером, уже устарели, а некоторые вообще отсутствовали, что потребовало перекрестной сверки с польскими диалектными фитонимами.

Строго говоря, у меня есть только одно критическое замечание. Оно касается индекса польских диалектных названий растений, равно как и других тематических указателей (например народных названий болезней), а точнее, их отсутствия. В книгах такого типа это безусловная необходимость, особенно учитывая многозначность единиц народной таксономии.

Скажем несколько слов о перспективах, открывающихся с публикацией словаря. Как отмечают авторы-составители, «исторические исследования ценны для этноботаники, даже если они несут лишь описательный характер. Они обеспечивают необходимую базу для проведения диахронических исследований» (s. 42). Это справедливо и для сравнительных исследований. В дополнение к польским и украинским диалектным фитонимам словарь содержит богатую фольклорную и этнографическую информацию, важную не только для полонистики, но и для славистики в целом. Некоторые легенды находят интересные параллели в восточнославянских текстах, давая материал для сравнения и, возможно, проясняя некоторые пути распространения фольклорных мотивов по Европе. Словарь Фишера изобилует примерами тесной связи народной

медицины с различными обрядами; он также содержит множество легенд и историй о растениях, объясняющих их происхождение и особенности внешнего вида — другими словами, этот труд является ценным источником и для этнолингвистических исследований.

Очень удачно и время публикации такой работы, так как на данный момент группа польских этнолингвистов во главе с профессором Ежи Бартоминым (Институт славистики Польской академии наук; Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин) работает над вторым томом «Словаря народных стереотипов и символов» (*Słownik stereotypów i symboli ludowych*), посвященном растениям. Словарь Фишера многое добавит к источниковой базе тома.

С точки зрения лексикологии и диалектологии, материалы Фишера отражают не только фитонимы, но и еще одну очень важную и при этом крайне слабо изученную лексико-семантическую группу — народные названия болезней. Всегда очень сложно соотнести народные термины с современной медицинской терминологией. Опубликованная работа позволит идентифицировать ряд заболеваний, упомянутых в описаниях народных способов исцеления.

Еще одна область знаний, которая выигрывает от публикации этого труда, — история этноботаники и гуманитарных наук в целом. В ходе работы коллектив авторов сделал несколько важных шагов по поиску материалов о международном проекте «Словарь славянских народных верований и обычаев», о призыве Фишера в журнале «Lud» собирать информацию по этноботанике, о его вопроснике и, наконец, о переписке Адама Фишера, Себастьяна Флизака и Д.К. Зеленина.

Неоценимым подспорьем стала бы электронная публикация словаря (с возможностью поиска) или даже открытие доступа к созданной авторами электронной базе данных (2500 записей, состоящих из сочетания ботанического вида, части растения, функции и географической пометы). Это даст заинтересованным ученым возможность проанализировать материал в соответствии с категориями использования (оберег, медицина, пища, магия, ветеринария и т.д.), местом фиксации названий и использования растений; долей культивируемых, диких и покупных растений с той или иной функцией, а также наличием или отсутствием роли растения в фольклоре и т.д.

© 2019 г. *В.Б. Колосова*
E-mail: chakra@eu.spb.ru

С. ТАРАНЕЦ. Подолье. Традиционная культура и повседневная жизнь русских старообрядцев в XX – начале XXI века. Киев, 2016. 229 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0004211-5

Книга С.В. Таранца, посвященная традиционной культуре русских старообрядцев, проживающих на территории Украины, — плод многочисленных экспедиций автора в города и села Подолья, где они обосновались с конца XVII в. Книга совмещает в себе достоинства исследовательского труда и красочного альбома с тщательно подобранными фотографиями, которые, дополняя текст, позволяют познакомиться практически со всеми сторонами традиционного уклада жизни русских в этих местах. Экспедиции в 29 из 35 населенных пунктов Винницкой, Хмельницкой и Одесской областей, где старообрядцы живут или прежде жили, были совершены автором с 1998 по 2003 г. и ставили своей целью исследование как культуры и быта, так и устного народного творчества ревнителей древнего благочестия, издавна называемых здесь, по его словам, «пилипами» или «пилипонами».

Альбом открывает — и это является его несомненным достоинством — глава «Об экспедиционной работе». Эта глава раскрывает основные принципы исследования, один из которых — всеобъемлющий подход автора к изучению местных традиций, как собственно староверов, так и единоверцев — от рукописного наследия (исторические источники, богослужебные книги и т.д.) и фольклора до повседневных занятий жителей. В ходе экспедиций исследователем были установлены связи с 122 старообрядцами. Чрезвычайно ценными, с нашей точки зрения, являются имеющиеся в главе сведения о жизни тех представителей общин, чей вклад в сбор материала о местных традициях был особенно весомым, а их портреты

позволяют воспринимать рассказ как «живую летопись» истории старообрядчества в этих краях.

Следующая глава книги посвящена жилью русских. В качестве наиболее яркого примера местных построек рассматривается трехкамерное жилье села Борсков как селения, наименее затронутого современными веяниями в быту. Описываются три типа жилых домов — деревянные (из дуба) избы, построенные в сруб, дома начала XX в. из красного кирпича и глинобитные постройки послевоенного времени. Постепенное падение уровня жизни русских в советский период, по словам автора, приводило к использованию более дешевых материалов и ухудшению качества жилья. В вышеназванную главу включены также некоторые сведения, касающиеся местного говора «кацапов», который испытал здесь влияние украинского языка.

В тематически продолжающем главу о жилище разделе «Интерьер» особое внимание уделено устройству печи, которая на Подолье, в отличие от центральных районов России, где она находилась посередине избы, пристраивалась возле входа в комнату вдоль стены. В главе описывается устройство «красного» («переднего», или «святого») угла (приведены соответствующие фотографии, в том числе снимки домашнего иконостаса) и рассказывается о местных иконописцах. При этом особо выделена традиция иконописания села Пилипы-Боровские, где трудились мастера Соловьевы и Поцелуевы.

В главе «Русские бани» прослеживается традиция сооружения бань русскими на Подолье (здесь преобладают бани «по-черному»,

более древние по своему типу, чем «белые»). Рассматривается также вопрос о внутреннем устройстве бани, об очистительной функции воды, понятии чистоты у старообрядцев, о различного рода омовениях, связанных с категориями «чистого» и «нечистого».

Глава «Церковная жизнь и мирские праздники» открывается рассказом об уничтожении культурного наследия староверов Подолья в 20–30-е годы XX в. (разгром или закрытие всех, в том числе крупнейших в старообрядческом мире Курневских монастырей, гибель рукописных и старопечатных книг, закрытие церквей, святотатство — использование икон «в хозяйстве»); речь идет также о преследованиях староверов Подолья, в частности епископа Саввы Курневского, большевиками.

Текст главы иллюстрируют фотографии сельских храмов разного времени постройки (Покровская церковь в Брацлав, Успенская церковь в с. Пилипы-Хребтиевские, отличающийся архитектурными достоинствами деревянный Покровский храм г. Бершадь начала XX в.). Простота внешнего облика церковных сооружений досоветского времени на Подолье объясняется, по словам автора, желанием царского правительства показать несостоятельность староверия (главы над храмами появились лишь в 60-х годах XIX в.). С.В. Таранец отмечает, что, несмотря на постепенное уменьшение здесь численности русских, после распада СССР было построено девять старообрядческих храмов (г. Балка, с. Балки, Курневка и др.). Регулярные богослужения совершаются в 11 церковных зданиях; наиболее жизнеспособными являются, по мнению автора, общины Хмельницкого, Каменца-Подольского, Бершади, сел Пилипы-Хребтиевские, Балки и Петраши. Говоря о народных традициях староверов Подолья, автор подробно останавливается на устройстве релей (качелей для молодежи) и процессе их сооружения перед Пасхой.

В следующей главе, говоря о занятиях подольских старообрядцев, С.В. Таранец отмечает, что специализация русских селений по роду деятельности жителей произошла еще в XVIII в. Артели плотников возникли в с. Борсков, каменщиков — в с. Курники, садоводов — в п. Брацлав, баштанников — в слободе Пилипоновке-Бершадской. По утверждению исследователя, землепашцев среди «кацапов» было немного; в ряде сел был распространен отход на сезонные работы (Борсков). Литинские староверы были известны

как мастера изделий из дерева (бочки, возы, конская упряжь и т.п.). Разного рода земляные работы — копанье, очистка прудов, высыпка насыпей на железнодорожных дорогах (грабарка) были главным занятием русских в селах Петраши и Майдан-Александровский. Самый распространенным занятием для русских в Подолье, по словам автора, было сушение ягод и фруктов (представлены фотографии, на которых изображены суши). Садоводство и теперь, несмотря на возникшие сложности со сбытом, остается, по словам С.В. Таранца, важным источником дохода старообрядцев на Подолье. Однако в целом, по наблюдениям исследователя, традиционная специализация крестьянских хозяйств сейчас здесь не выявляется.

Богатый иллюстративный материал сопровождает и две следующие главы альбома С.В. Таранца — «Одежда русских» и «Ткачество». Говоря о женской одежде, образцы которой, в отличие от мужской, сохранились на Подолье и доступны для изучения, автор выделяет основной тип сарафана («шубки»), который носили на Подолье — распашной косоклиный сарафан. Подробно (и с учетом данных об этом типе одежды в центральной России и многочисленными фотографиями образцов) охарактеризованы бытовавшие на Подолье нательные рубашки, холодайки (праздничная нагрудная одежда), шубки (праздничные сарафаны), а также верхняя зимняя (колоколообразные меховые шубы) и весенне-осенняя одежда (полька, ватник, халат). Говоря о головных уборах женщин-старообрядок, С.В. Таранец, помимо кички, выделяет бытовавший в отдельных селениях Подолья чепчик (чепец), связывая его появление здесь с донским казачеством. На фотографиях представлено два вида платков (липские, красного цвета, и отрезные). Мужская одежда была представлена кафтаном, называвшимся здесь «бикешка» (верхняя демисезонная одежда, предназначенная для посещения богослужений). Описаны и представлены на фотографиях также пояски, в том числе с шариками на концах (западнорусского происхождения).

Автор упоминает о сравнительно раннем выходе из обихода ткачества (все изготовлялось дома, но из фабричной ткани) и с помощью многочисленных фотографий показывает читателю настольники, скатерти, рушники, вышитые староверами Подолья.

По наблюдениям С.В. Таранца, из всех народных традиций русских на Подолье

наилучшим образом сохранились обряды, связанные с погребением и приготовлением к нему. Они весьма подробно рассмотрены в следующей главе альбома. Это, в частности, выбор «особых» людей, допускаемых к омовению усопшего, его одевание, несение тела в храм (и из храма), случаи обнесения тела вокруг церкви, несение крышки от гроба, особенности обрядовых действий в зависимости от предшествовавшего соборования и т.д. Интересны подробности, касающиеся постепенного внедрения в местную обрядность таких элементов светской культуры, как несение венков и использование «музыки», отношения староверов к употреблению водки на поминках. Подробно говорится о поминальном обеде и подававшихся на нем блюдах (борщ, лапша с курятиной и пр.). На фотографиях конца прошлого века можно увидеть несение иконы и кутьи при погребении и несение гроба с телом усопшего «на дручках»).

О свадьбе как одном из важнейших событий народной жизни в альбоме повествуется в многочисленных подробностях, рассказ о ней содержит три раздела (свадьба и подготовка к ней, первый и второй дни свадьбы). Текст сопровождают как уникальные свадебные фотографии середины и восьмидесятых годов прошлого века, так и многоцветные современные. Приведены особенности обрядов и их названий по селам (так, девишник в Пилипах-Хребтиевских назывался заручинами, в Пилипоновке-Бершадской — прошеным днем). Кроме описания главных событий свадьбы, связанных с венчанием (шествием от дома молодой к церкви и из церкви к дому жениха), подробно рассказывается о свадебном застолье, в частности, приводятся подробные рецепты блюд (например «кацапского борща»), сообщается об особых припевах во время разноса на обеде спиртного. Второй день свадьбы отмечен, по наблюдениям автора, обрядами, связанными с установлением «честности» невесты. Описываются особенности головных уборов-косяков, надевавшихся невестой в первый (зеленый или синий) и второй (красный или розовый) дни свадьбы. На страницах альбома помещены фотографии обрядовой «квитки» и обрядового пояса, который несли парни-дружки во время выхода со двора молодого.

Значительную часть книги составляют записанные автором тексты песен разных

сел, в основном связанных со свадьбой («заручинские», свадебные, исполнявшиеся после завершения свадьбы, застольные, украинские свадебные). Приводятся тексты «песен о несчастной любви», «трагических», «социально-бытовых» и солдатских.

Альбом дает целостное представление о культуре и быте староверов Подолья, и это его главное достоинство. Повествование об ушедших в прошлое обычаях дополняется рассказом о сегодняшнем образе жизни старообрядцев. Фотографии храмов, икон, книг, отдельных предметов культа и быта, одежды, пейзажи Подолья, а главное, образы самих местных жителей, запечатленные во время праздников, совершения обрядов и повседневных занятий, позволяют читателю окунуться в атмосферу жизни старообрядческих общин. Этому способствует и то, что в тексты описаний этнографического характера включены истории, короткие рассказы, пословицы, шутки и реплики самих старообрядцев (в том числе в буквальной передаче). Замечательно художественное оформление альбома — заставки и инициалы, имеющие своими образцами старообрядческие рукописи.

Некоторое сожаление вызывает то обстоятельство, что в книге даны лишь тексты записанных песен и нет примеров их нотации. Возможно, автору следовало бы обратить большее внимание на их жанровую классификацию. Однако мы понимаем, что решение этих задач потребовало бы привлечения к работе над альбомом специалистов по этномузыкологии.

Авторский текст лишен наукообразия и написан хорошим языком. Книга легко читается и, в том числе, по этой причине должна заинтересовать не только специалистов по этнографии, но и широкий круг читателей, любящих русскую народную культуру. Как известно, традиционная культура староверов в описываемых автором местах, как и повсюду, угасает. Тем ценнее тот вклад, который С.В. Таранец внес в ее изучение, не только собрав, пока для этого еще были возможности, богатейший экспедиционный материал, но и представив в своем альбоме объемную и целостную картину жизни русских старообрядцев на Подолье в прошлом веке и в наши дни.

© 2019 г. Л.К. Гаврюшина
E-mail: Drevle@rambler.ru

Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Зборник научних радова. Београд, 2016. 577 с.

Лексикологија и лексикографија в свете современных подходов. Сборник научных работ

DOI: 10.31857/S0869544X0004212-6

Сборник издан Институтом сербско-го языка Сербской академии наук под редакцией С. Ристич, И. Лазич-Коник и Н. Ивановича. Он включает работы известных лексикографов и лексикологов из Сербии, России, Болгарии, Словении, Польши и Хорватии и отражает основные направления в развитии современной славянской лексикографии. Многие специалисты, принявшие участие в сборнике, являются практикующими лексикографами. Они обобщают опыт предшественников, рассказывают о своих проектах, делятся опытом, достижениями и намечают перспективы дальнейшей работы. Ряд работ посвящен теоретическим вопросам лексикографии и лексикологии.

В сборнике представлен целый ряд лексикографических проектов. Во-первых, это проекты из области толковой лексикографии: «Активного словаря русского языка» (автор статьи — Ю.Д. Апресян), нового толкового словаря словенского языка (автор статьи — Н. Лединек) и нового толкового словаря сербского языка (автор статьи — Т. Прчич). Статья Ю.Д. Апресяна содержит описание основных принципов словаря. Новый толковый словарь словенского языка готовится к публикации с 2015 г. и представляет собой третье издание «Словаря словенского литературного языка»

с обновленным словником, составленным на базе электронного корпуса и дополненным сведениями о произносительной норме, которые собраны путем анкетирования. Новый толковый словарь сербского языка, идею которого высказывает Т. Прчич, — проект будущего, реализация которого только предстоит. По мысли автора, необходимость создания нового словаря связана с тем, что существующая сербская толковая лексикография слабо отражает лексический фонд современного языка и труднодоступна широкому читателю. Новый словарь, составленный на базе электронного корпуса текстов, начиная с середины XX в., и интернет-источников и доступный в электронной или онлайн форме, должен решить эти проблемы. Кроме того, новый словарь должен прежде всего преследовать коммуникативную цель и ориентироваться на пользователя. Автор статьи высказывает ряд конкретных предложений по созданию электронного корпуса, который бы лег в основу будущего словаря, и по использованию для этого компьютерных программ.

В статье Н. Ивановича, М. Якич и С. Ристич излагаются основы и история крупнейшего и имеющего продолжительную историю проекта сербской лексикографии — толкового словаря Сербской академии наук (САНУ),

первый том которого вышел в 1959 г., а в настоящее время работа ведется над 22-м томом. Наряду с описанием концепции и принципов словаря, авторы излагают перспективы перехода в словарной обработке материала к использованию компьютерной лексикографической программы.

В области исторической лексикографии представлено несколько проектов и обзоров. В статье Я. Влаич-Попович и М. Бьелетич описывается проект краткого этимологического словаря сербского языка «Приручни етимолошки речник српског језика», который, в отличие от уже выпускаемого фундаментального словаря «Етимолошки речник српског језика», включающего в большом объеме диалектизмы, будет содержать только лексику основного лексического фонда и будет ориентирован на широкого читателя. В словаре будут уточнены существующие этимологии, источники заимствований, по сравнению с предшествующей традицией в словаре будет учтен новый средневековый материал, старый материал будет перепроверен, в словарную статью будут включены сведения не только об этимологии, но и об истории слов в письменный период. И. Бьелакович рассказывает о проекте электронного словаря славяносербского языка, охватывающего лексику сербских текстов с 40-х годов XVIII в. до 60-х XIX в. и разрабатываемого с 2012 г. Автор подробно излагает возможности и принципы лексикографической работы с использованием программного обеспечения и интернет-платформы. А.К. Шапошников подводит итоги сравнительной этимологической лексикографии славянских языков. М.И. Чернышева дает обзор достижений русской исторической лексикографии. Автор рассматривает проблемы многотомных исторических словарей, создаваемых на протяжении многих лет: устаревание и необходимость обновления материала, привлечение новых источников и публикацию дополнений. В статье описываются и многочисленные новые проекты в русской исторической лексикографии: региональные исторические словари, словари комбинаторного типа, включающие черты нескольких жанров, словари лексики одного автора, исторические тематические словари.

В сборнике также представлено несколько проектов, относящихся к другим областям лексикографии. М. Милич представляет англо-сербский словарь спортивных терминов активно-пассивного типа, а Я. Дражич – словарь частотных лексических сочетаний сербского языка. Р. Левушкина описывает сербский тезаурус православной духовности, включающий лексику, характерную для текстов, отражающих православное мировоззрение (богословских, о жизни Церкви, из Священного Писания). Б. Милосавлевич пишет об алфавитном словаре сербского речевого этикета, в основу которого положены принципы словаря русского речевого этикета А.Г. Балакая. С. Петрович и Т. Тасовац делятся опытом представления на интернет-платформе собрания сербской диалектной лексики из г. Призрень, составленного Д. Чемерикичем.

Представлены в сборнике и достижения этнолингвистической лексикографии. Статья Е. Бартминьского и С. Небжеговской-Бартминьской посвящена люблинскому «Словарю народных стереотипов и символов», целью которого является реконструкция традиционной картины мира, представленной в польской народной культуре. В статье разбираются основные понятия польской этнолингвистики (языковая картина мира, стереотип, символ, когнитивная дефиниция), анализируется структура словарной статьи. В статье С. Ристич и И. Лазич-Коник дается характеристика проекта «Словаря ценностей славян и их соседей» (LASIS), разрабатываемого с 90-х годов XX в. международным коллективом авторов. В рамках данного проекта выпущены тома, посвященные концептам дома, Европы, труда, чести и свободы, реконструированным на основе языковых, текстовых и анкетных данных с использованием когнитивной дефиниции. В статье М. Стефанович рассматриваются различия в концепциях ассоциативных словарей, изданных в России и Сербии. Автор приходит к выводу, что для определения структуры ассоциативного поля решающее значение имеет число информантов, а также важно большое число стимулов и их обдуманный выбор.

Наряду с презентацией конкретных проектов славянской лексикографии сборник содержит ряд статей, в которых обсуждаются теоретические вопросы современной славянской лексикографии. М. Чаролеева предлагает две классификации словарей: первая основана на типах языкового материала, представленного в словаре (словари значений и словари форм, одноязычные и двуязычные, синхронные и диахронные и др.), вторая основана на иерархическом принципе (самый высокий статус имеют тезаурусы и толковые словари, самый низкий – орфографические словари). Д. Благоева рассматривает актуальные проблемы лексикографического описания неологизмов в славянских языках. С. Ристич и И. Лазич-Коник сопоставляют традиционный и когнитивный подходы к созданию словарной дефиниции. Д. Оташевич размышляет о жанре и микроструктуре школьного словаря, рассматривает виды школьных словарей, дает библиографию сербских школьных словарей.

Следующий тематический блок объединяет работы, в которых обсуждаются различные проблемы лексикографической практики. А. Халас анализирует применяемые в сербской лексикографии принципы описания полисемии и излагает возможности использования для этой цели теории прототипов. Б. Тафра поднимает проблему выбора заглавного слова для словарной статьи, которая связана с разграничением омонимов, конверсивов, омографов и др., и предлагает пути для ее решения (критерии разграничения слов, относящихся к перечисленным группам). Д. Шипка сообщает результаты исследования типологии лексикографических ошибок в представлении неоднородной эквивалентности (когда одному слову исходного языка соответствует несколько слов в языке перевода).

В статьях, посвященных лексикографическому описанию терминологии, высказываются идеи о необходимости совершенствования экспликации семантики терминов, чему должна способствовать опора на электронную базу данных или корпус (М. Калезич, Ж. Карер), обсуждается проблема разграничения терминов и прочих лексем,

возникающая при отборе материала для словаря, рассматриваются новые виды терминологических словарей, формулируются задачи сербской терминографии (В. Йованович).

Ряд статей в сборнике касается вопроса интерпретации словарного материала в лексикологических и этнолингвистических целях. С. Ристич и И. Лазич-Коник на материале словаря Сербской академии наук, текстовых и анкетных данных дают анализ сербских лексем со значением «дом» и предлагают когнитивную дефиницию этого понятия. Данный анализ хорошо показывает огромную культурологическую ценность словаря Сербской академии наук, являющегося богатейшим источником сведений для этнолингвистического анализа. М. Стефанович оценивает существующие ассоциативные словари славянских языков с точки зрения применимости содержащихся в них сведений для лингвокультурологической реконструкции (также на примере концепта «дом»).

В сборнике представлена и чисто лексикологическая и семасиологическая проблематика. Статья С.М. Толстой посвящена описанию семантики славянских глаголов со значением кормления, среди которых выделяются группы: «давать пищу» (*kǫrmīti, *xornīti), «содержать скот» (*xovati, *pasti, *bergti, *godovati), «насыщать» (*pitati, дериваты *syťo), «каузировать жизнь» (*živiti, *gojiti). В работе М.В. Пименовой рассматривается явление синкретсемии – наличия у слова или словосочетания нерасчлененного значения. Основное внимание автор уделяет древнерусскому материалу (парным наименованиям, сочетаниям с устойчивыми эпитетами, этимологическим фигурам, описательным глагольным оборотам). Приводятся образцы словарных статей данных словосочетаний. Р. Трнавац описывает возможные подходы к анализу оценочной лексики и использование этих подходов в анализе тональности текста (сентимент-анализе). Б. Хлебцец выявляет семантические различия между сербскими глаголами *postaviti* и *imenovati* «назначить на должность» и английским глаголом *to appoint*. В статье Е. Айджанович выделены семантические характеристики наречий, которые

могут употребляться в предикативных конструкциях (погодные и температурные явления, световые и звуковые эффекты, психофизиологические состояния, темпоральная и пространственная локализация, квалификация ситуаций). М. Вучкович описывает сербские сложные слова с компонентом *три*, который часто присоединяется к названиям частей тела, образуя в диалектном языке отрицательные оценки и обозначая физические и психические свойства человека. Д. Айдачич рассматривает проблему соотношения авторской и общезыковой картины мира и роль авторских текстов в формировании последней и делится опытом выявления авторской позиции в «полифоничном» произведении.

Главной и насущной проблемой современной славянской лексикографии следует признать ее дигитализацию и переход на компьютерную базу (при этом в качестве образца обычно используется англоязычная лексикография). Эта проблема ставится большинством участвующих в сборнике авторов, и ее решение начинается с дигитализации источников. В случае со словарем Сербской академии наук дигитализация источников имеет не только прикладное лексикографическое значение, она важна и как средство сохранения уникальных памятников культуры, каковыми являются многочисленные рукописные собрания

лексики, в частности призренское собрание Д. Чемерикича. С вопросом дигитализации напрямую связана проблема широкой доступности словарей, которые в идеальном варианте должны быть доступны онлайн. Вторая насущная проблема – это обновление базы источников, а для синхронных словарей – обновление словника и использование в качестве основного источника языковых корпусов. Третья проблема – это совершенствование методов семантического описания слова, углубленное описание его семантики, систематичность дефиниций и правильное отражение в дефиниции содержания слова, учитывание роли контекста. Авторы подчеркивают необходимость отражения в словаре употреблений слова и переход к активной лексикографии. Большое внимание авторы статей придают культурологической составляющей словаря.

Издание сборника, безусловно, является важным достижением славянской лексикографии и большим успехом сербских лексикографов, инициативе которых он обязан своим появлением.

© 2019 г. *Е. И. Якушкина*
E-mail: jkatia@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–012–00471.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЕЩЬ – СИМВОЛ – ЗНАК В СЛАВЯНСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ»

5–7 декабря 2018 г. в Институте славяноведения РАН состоялась конференция «Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции», организованная Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН. Конференция стала уже двадцать второй по счету в ряду ежегодных встреч ученых, с 1995 г. работающих над международным проектом «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия» (материалы всех предыдущих конференций 1995–2017 гг. опубликованы, полные тексты сборников выложены на сайте http://www.sefer.ru/rus/publications/culture_conf_publications.php).

На конференции был представлен широкий круг вопросов, связанных с проблемами предметности и ее осмысления, символических значений, роли знаковости в культурах славян и евреев: роль предмета/вещи/артефакта в обрядах и ритуалах, вторичное использование обрядовых атрибутов, предмет и символ в языке культуры, образ предмета/вещи в устных нарративах (семейные реликвии, локальные символы и т.п.), предмет/артефакт как носитель культурной информации. Эти проблемы составляют неотъемлемую часть традиционной культуры, коррелируют с системой ценностей этнических и конфессиональных традиций. Эти проблемы обсуждались на материале устных и письменных текстов, памятников языка, фольклора, литературы, философии, изобразительного искусства.

В конференции приняли участие 40 докладчиков из Белоруссии, Германии, Израиля, России, в том числе четыре сотрудника Института славяноведения.

Заседание было открыто презентацией сборника материалов прошлогодней встречи «Запреты и предписания в славянской и еврейской культурной традиции» (под ред. С.Н. Амосовой, О.В. Беловой – отв. ред., А.И. Грищенко, И.В. Копченовой, В.В. Мочаловой) (М., 2018). С 2018 г. сборник стал ежегодником в новой академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».

В программе конференции выделяются несколько тематических блоков. Первый блок докладов, объединенных тематикой предметности и ее метафорического осмысления в книжной культуре древности, Средневековья и раннего Нового времени, открыло сообщение *Аркадия Ковельмана* (Москва, ИСАА МГУ), который проследил на примере некоторых танахических, талмудических и новозаветных текстов путь, который проходит вещь от метафорического до буквального истолкования, приобретая при этом сакральный характер (вода, понимаемая в притче рабби Акивы как Тора, в трактате Тертуллиана теряет метафорический характер, но приобретает сакральный: вода – ритуал крещения). *Светлана Бабкина* (Москва, РГГУ) продолжила тему буквализации метафоры, показав, как топоним гора Сион в библейском тексте отрывается от географического контекста, меняет постепенно свою локацию, наполняясь новым смыслом и становясь символом, чтобы обрести особое значение символа в христианстве и в XIX–XX вв. в сионизме. *Леонид Дрейер* (Москва, РГГУ) проанализировал технические тексты в Библии, посвященные фиксации значимых объектов, отметив, что подробные визуальные тексты должны убедить читателя в реальности этих объектов. *Михаил Вогман* (Москва, ИСАА МГУ) обратился к вещному миру еврейской визионерной литературы древности (апокрифам и псевдоэпиграфам), уделяя особое внимание случаям взаимного проникновения/превращения человеческого и предметного, чтобы уточнить границы понятий «человек – вещь» и выявить онтологическое и этическое измерение вещиности в постбиблейских

дискурсивных стратегиях. *Ури Гершович* (Москва, ИСАА МГУ, СПбГУ) сделал попытку реконструировать интерпретацию фрагмента из талмудического трактата «Шаббат» (лист 116) в комментарии Магарала, в котором через символическое истолкование предметов и животных прослеживаются метаисторическая концепция и элементы иудео-христианской полемики. *Наталья Киреева* (Москва, РГГУ) проанализировала символические особенности образа первосвященника в апокрифической книге Бен Сиры (II в. до н.э.), в котором проявляется симфония образа, целостность пространства Храма и ритуала, Храм и человек сливаются и показывают священное как оно представлено народу. *Юлия Будман* (Москва, Еврейский университет), обращаясь к проблеме происхождения имен в средневековой еврейской философии, выдвинула гипотезу о том, что Саадия Гаон (X в.) был знаком с концепцией Платона об ономатоте (установителе имен) и адаптировал ее для еврейского читателя в «Книге о языке». *Александр Грищенко* (Москва, ИнСлав РАН, МПГУ, ПСТГУ) привел косвенные свидетельства (эмэндации «писания»), glossированного на полях словом «ваяние» в Исх 28:11 и Исх 34:11) того, что Правленое славяно-русское Пятикнижие XV в. имело отношение к так называемой ереси жидовствующих. *Борис Рашковский* (Москва, ИВИ РАН) показал, как ряд событий конца XV–XVI в. (изгнания иудеев с Пиренейского полуострова, Великие географические открытия, османо-португальские войны) повлиял на изменение представления о локализации страны потерянных Десяти колен в еврейской эсхатологии в течение XVI в. *Екатерина Белкина* (Санкт-Петербург, ИВР РАН) реконструировала ранние этапы реставрации двух еврейско-персидских средневековых рукописей, содержащих текст средневекового поэтического сочинения «Муса-наме» Шахина, крупного еврейского поэта XIV в. из Ширази (провинция Фарс, Иран). *Мария Эндель* (Москва) посвятила доклад нееврейским источникам «Сипурей Маасийот» («Расказанные сказки») ребе Нахмана из Бреслава (Брацлава), связав образ «человека-сердце» из сказок с популярной околорозенкрейцерской книгой «Emblemata sacra» (1624) Даниэля Крамера.

Большой блок докладов был посвящен нарративам о вещах, месту вещи в культуре, символам культуры. *Дмитрий Фельдман* (Москва, РГАДА) представил несколько вещественных свидетельств негативного отношения российского еврейства к Наполеону Бонапарту в эпоху наполеоновских войн. *Максим Гаммал* (Москва, ИСАА МГУ) раскрыл на примере судьбы календарной реформы Исаака бен Соломона в первой половине XIX в. всю проблематику вопроса календаря в караимском религиозном законе (Галахе). *Сергей Апанатов* (Москва, МГУ) проследил на материале русских, польских и немецких фольклорных и литературных традиций XVIII–XIX вв. формы бытования и символические значения шарманки как предметной реалии традиционной культуры, а также прецедентного имени и образно-символического комплекса, маркирующего специфический круг мелодий и текстов городского площадного и ярмарочного фольклора.

Два доклада были основаны на материалах экспедиций Центра «Сэфер» по еврейской этнографии в Приднестровье в 2017–2018 гг.: *Мария Каспина* (Москва, РГГУ) подробно рассмотрела феномен денежных отношений местных евреев с Рыбницким ребе, в том числе историю и бытование хасидского обычая, связанного с монетой ребе. *Ирина Душакова* (Москва, РУДН) рассмотрела роль материальных объектов в нарративах о сотворении чудес Рыбницким ребе.

Наталья Душакова (Москва, РГГУ) проследила на основе устных историй старообрядцев Молдовы и Румынии о переселениях, каким образом вещи, которые старообрядцы берут с собой из дома, формируют их повседневность в миграции и в новых местах жительства. *Кира Задоя* (Дюссельдорф, Немецкий центр славистических исследований) дала широкий обзор географии наименований, ритуальных функций святочного снопа, а также связанных с ним представлений в традиционной картине мира восточнославянского населения Украинских Карпат. *Александр Львов* (Санкт-Петербург, ПИИ) попытался показать на примере топонима «Литва» и других значимых топонимов еврейского мира метафорическое отождествление книжного текста и территории на материалах интервью постсоветских евреев, собранных в июне 2018 г. в Израиле. *Дмитрий Доронин* (Москва, РАНХиГС) показал основные модели мифологизации вешного мира в поле торговли, используемые неевреями как проекцию о еврейском мире, на основе нарративов о еврейских магазинах старого Солнцева, собранных в 2018 г. в рамках социально-антропологического проекта «Историческая память города: общедоступный портал устных рассказов о Москве» (ШАГИ РАНХиГС). *Галина Зеленина* (Москва, РГГУ) сравнила материальный мир (вещи из-за границы и вывозимые «советские вещи») в отказнических нарративах и антиссионистской пропаганде. *Александра Архипова*, *Анна Кирзюк* (Москва, РАНХиГС) проследили, как реализовывалась и менялась идея «семиотического вредительства» в СССР от 1930-х к 1980-м годам, типологические аналоги советских практик

«гиперсемиотизации» и показали, что обязательным условием их возникновения в разных культурно-исторических контекстах является коллективное переживание угрозы.

Третий блок докладов был посвящен теме «Вещь и символ в обрядовых практиках». *Андрей Мороз* (Москва, НИУ ВШЭ) представил малоизвестную практику ритуально-магической защиты брошенного дома от нежелательных гостей, воров, пожара. *Надежда Рычкова* (Москва, РГГУ) на основе материалов фольклорных экспедиций ЦТФ РГГУ 2012–2018 гг. в Саратовской области рассматривала практики использования хлеба в свадебном обряде украинцев. *Мария Ясинская* (Москва, ИнСлав РАН) изучила примеры вторичного употребления предметов, связанных со свадебным обрядом, — обручального кольца, свадебного калача, свечей, одежды, а также других объектов, являющихся элементами предметного кода свадьбы, и сопоставила с аналогичными предметами из похоронного обряда. *Александра Полян* (Москва, ИСАА МГУ) представила результаты включенного наблюдения за символическими средствами, которые используют прихожане московской хоральной синагоги (геры и соискатели гиюра) для подчеркивания своей принадлежности к еврейству вообще и к общине в частности (внешний вид, бытовое поведение, речевые средства, выбор имени и т.д.). *Дмитрий Антонов* (Москва, РГГУ) посвятил доклад апроприации силы/благодати, исходящей от икон, в представлениях и практиках, распространенных в современных московских церквях.

Блок докладов, посвященных символическому значению вещей в художественной и мемуарной литературе, был представлен пятью докладами. *Валерий Дымищ* (Санкт-Петербург, ЕУСПб) анализировал причины формирования символически значимого списка «еврейских вещей» в литературе (одежда, жилище, реке синагоги, практически никогда кладбища), что позволяет выявить методы репрезентации традиционной еврейской культуры. *Ася Вайсман* (Москва, ИСАА МГУ) сделала сравнительный анализ примеров символического упоминания мужских и женских ножей в еврейской автобиографии (на примере произведений Шолом-Алейхема и П. Венгеровой). *Юлия Сахновская* (Екатеринбург, ЕГТИ) представила изменения предметно-вещного мира детской литературы в произведениях Н. Агнiewiczева, Я. Акима, З. Александровой и других детских авторов 1920-х годов. *Галина Элиасберг* (Москва, РГГУ) обратилась к значению клада как образа и символа в еврейской драматургии XIX — начала XX в. *Виктория Мочалова* (Москва, ИнСлав РАН) рассмотрела превращение вещи (дудочки) в символ, трансляцию этого мотива, его рецепцию и метаморфозы смысла в литературных произведениях разных исторических периодов от хасидских историй о Баал Шем Тове до текстов Перца Маркиша.

Заключительный блок докладов объединил выступления, посвященные эпиграфике, культовым предметам и музейным экспозициям. *Лидия Чаковская* (Москва, МГУ) представила анализ корпуса христианских глиняных светильников из Palestina Prima VI–VIII в.н.э. с изображением меноры (или пальмовой ветви) и проследила их связь с предшествующей традицией и актуальное богословское значение. *Михаил Васильев* (Москва, Центр «Сэфер») сделал детальный обзор образов и символов в резном декоре традиционных еврейских надгробий. *Сергей Грунтов* (Минск, НАН Белоруссии) посвятил доклад сравнению значения символики дерева и развития ее как декоративной формы в христианских и иудейских надгробиях Белоруссии в XIX–XX вв. *Светлана Иникова* (Москва, ИЭА РАН) рассмотрела причины и этапы трансформации представлений духоборцев о надгробии, его символике, значении и месте в культурно-религиозной жизни секты. *Илья Баркуский* (Москва, ГКА им. Маймонида) представил исследование истории и символики одной литографии XIX в. из альбома карикатур «Похождения Новгородской жительницы Федоры Ивановны» (коллекция «Музея истории евреев России», Москва), в которой нашел следы острой полемики о еврейском вопросе в Российской империи середины XIX в. *Демьян Валув* (Смоленск, СмолГУ) показал на примере дел о краже православных и иудейских храмовых ценностей в Смоленске в 1923 г. историю взаимодействия верующих и советской власти. *Елена Жесткова* (Минск, РНТБ) представила анализ музейной экспозиции Бобруйского музея с точки зрения конструирования образа еврейского сообщества в современную эпоху. *Игорь Семенов* (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН) посвятил свой доклад судьбе дербентской синагоги «Келенумаз» («Большая синагога»).

Сборник статей по материалам конференции «Вещь — символ — знак в славянской и еврейской культурной традиции» планируется издать в 2019 г.

© 2019 г. *И.В. Копченова*
E-mail: irinakop@rambler.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0004213-7

Slavyanovedenie № 2, 2019

ARTICLES

<i>Ridel I.P.</i> (Moscow). Between Rome and Prague. Jan from Přebram – a Catholic Hussite and Hussite Catholic	3
<i>Tairova-Yakovleva T.G.</i> (St-Petersburg). Concerning the structure and sources of the Chronicle of Samoilo Velychko	11
<i>Leskinen M.V.</i> (Moscow). Material embodiments and images of the «Russian nationality» in the exhibitions' expositions of the second half of the nineteenth century: expected, actual and, ideal.....	25
<i>Pak N.V.</i> (St. Petersburg). Concerning the sources of comparison «as some of the skillful pearl divers...» from the Panegyric of Varlaam of Khutyn by Pachomius Logothetes	42
<i>Saenko M.N.</i> (Moscow). The destiny of heteroclitic stems in the Proto-Slavic language	55
<i>Ananeva N.E.</i> (Moscow). Secondary functions in the names of fruits, vegetables, berries and mushrooms in the Polish and Russian languages.....	69

* * *

To the ninetieth birthday of Valentin Lavrentievich Yanin

<i>Petrukhin V.Ya.</i> (Moscow). To the origin of Gostomysl of Novgorod	78
<i>Florya B.N.</i> (Moscow). Interactions between the Catholics and Orthodox Christians in Eastern Europe in the historical work of Justus Ludwik Decjusz.....	84
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). To the history of the «Tale of Ropata of Novgorod»: the younger folklore (Pogodin's, or «Farluk's») redaction of the plot.....	89
<i>Belyaev L.A., Vakh K.A.</i> (Moscow). Memorial inscriptions in Slavic pilgrims of the eighteenth and nineteenth century in St. Michael the Archangel Monastery in Jerusalem (preliminary publication).....	94

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Eckert R.</i> (Berlin). A precious letter.....	100
---	-----

REVIEWS

<i>Kerov V.V.</i> И.В. Поздеева. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века (Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования [43]).....	103
<i>Popović R.J.</i> К.В. Никифоров. «Начертаније» Илије Гарашанина и спољашња политика Србије 1842–1853	106
<i>Kosik V.I.</i> М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество	111
<i>Belova O.V.</i> Ю. Буйських. «Колись русалки по землі ходили...». Жіночі образи української міфології	115
<i>Kolosova V.B.</i> M. Kujawska, Ł. Łuczaj, J. Sosnowska, P. Klepacki. Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludowych. Słownik Adama Fischera.....	121
<i>Gavryushina L.K.</i> С.Т. Таранец. Подолье. Традиционная культура и повседневная жизнь русских старообрядцев в XX – начале XXI века.....	124
<i>Yakushkina E.I.</i> Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Зборник научних радова.....	127

SCHOLARLY LIFE

<i>Kopchenova I.V.</i> The conference «Object – symbol – sign in the Slavic and Jewish cultural tradition».....	131
---	-----